

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

15
2017
Часть III

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 15 (149) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрашилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хуснидин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 03.05.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Александр Сергеевич Тимофеев*, инженер-изобретатель машины времени, известный советскому и российскому зрителю как Шурик — персонаж комедий Леонида Гайдая.

Впервые этот герой появился в трилогии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» в 1965 году. Милый, застенчивый, но в то же время находчивый и отважный студент так понравился зрителям, что уже через два года вышло продолжение: «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика».

Гораздо позже, в 1973 году, Леонид Гайдай задумал экранизировать пьесу Михаила Булгакова «Иван Васильевич». Главного героя этого произведения звали вовсе не Шурик, а Николай Иванович. И сыграть его могли Олег Видов и Валерий Погорельцев. Но в процессе поиска актера на эту роль Гайдай решил заменить булгаковского Тимофеева на полюбившегося ему самому Шурика. Так герой, сыгранный Александром Демьяненко, превратился из очкарика-студента в чуть недотепистого, но по-

своему талантливому инженеру-изобретателю Александра Сергеевича Тимофеева, который изобрел машину времени и провел не вполне удачное ее испытание в домашних условиях.

Примечательно, что сценарий писался под Юрия Никулина в роли Ивана Васильевича. Но Никулин категорически отказался сниматься в фильме, снятом по Булгакову и обреченном, по его мнению, на безвестность и долгие годы забвения на пыльных архивных полках.

Однако в 1973 году фильм Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», что называется, взорвал прокат и собрал свыше 60 миллионов зрителей.

Сейчас этот фильм держится в первой двадцатке советских фильмов по популярности. В США этот фильм известен под слегка измененным названием: «Ivan Vasilievich: Back to the Future», чем проводится аналогия с фильмом Роберта Земекиса «Назад в будущее».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Абдуллаева З. Н.

Роль и значение борьбы с коррупцией при реформировании страны..... 217

Avalbaeva D. O.

Tasks on improving political and legal culture of the population in Uzbekistan..... 219

Азизова М. А.

Национальные и международные нормы, связанные с борьбой с коррупцией: историко-аналитический взгляд..... 221

Бестаева Ф. А.

Меры административно-процессуального пресечения при рассмотрении дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест или административное выдворение 223

Бравилова А. Б.

Проблемы применения законодательства о конфискации имущества в уголовном праве..... 226

Виноградов П. А.

Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта 229

Галочкина А. А.

Уголовно-правовая норма в Российской Федерации: понятие и структура 234

Деминова В. Ю.

Особенности исполнительного розыска ребенка 237

Дьячкова И. С., Петрищев В. П.

Проблемы охраны и учёта объектов культурного наследия Оренбургской области и города Оренбурга 240

Дятлова Е. В., Юсупов Т. З.

Правовое регулирование отношений в условиях информационного общества 244

Жданов И. Д.

Актуальные проблемы участия прокуратуры в противодействии коррупционным правонарушениям 246

Зарецкая А. А.

Распределение бремени доказывания по жилищным делам 248

Зарецкая А. А.

Мировое и медиативное соглашение по жилищным спорам 250

Зубарева Ю. В.

Признание и исполнение судебных решений иностранных судов по семейным делам в Российской Федерации..... 254

Касимова А. А.

Принцип разделения властей и взаимоотношения центральных органов государственной власти 258

Кочкаров Р. М., Казиева А. Х.

Уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия..... 260

Лисица А. А., Шищенко Е. А.

Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и законодательного применения..... 262

Лисовец Д. А.

Институт реабилитации в уголовном процессе России 265

Лукьянова А. Ю. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования и проблемы его определения 267	Павлова А. А. Пределы компетентности эксперта как участника судопроизводства 289
Малаханов А. К. Внедрение современных требований из примера международной практики в государственный контроль за качеством строительства 270	Паутина Е. Ю. Анализ прав человека в условиях трансформирующегося российского общества 292
Милосердова Т. Г. Рассмотрение уголовных дел о терроризме с точки зрения разграничения схожих составов 273	Попова А. Н. Незаконное производство аборта..... 293
Милосердова Т. Г. Проблема расследования терроризма с точки зрения особенностей квалификации данных преступлений 274	Прокопенко А. В. Самозащита работниками трудовых прав и ее востребованность на практике 297
Мозговец А. П. Непоименованные и смешанные договорные конструкции в системе современного гражданского права России..... 276	Пуминова А. А. Исправительные работы: значение, проблемы применения..... 300
Мыльников А. С. Совершенствование законодательства о территориях опережающего социально- экономического развития на Дальнем Востоке России 278	Рассохина А. А., Суходолина Д. А. Проблемы совершения нотариальных действий 302
Нуруллина Э. Д. К вопросу о легитимности «революционного права» 282	Рушанян Д. А. Проблемы института объявления гражданина умершим и признания безвестно отсутствующим и перспективы его реформирования..... 304
Ольшанская Д. В., Рушанян Д. А. Право на жилище в Российской Федерации и проблемы его реализации детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей 284	Ситько Н. Г., Масленникова Л. В. Место нотариуса в медиативном процессе 308
Орлова А. А. Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам 287	Тонких В. А., Лытнева Н. А. Государственная служба в Российской Федерации: история и современность 310
	Худякова А. А. Архитектурные особенности сети Интернет и их влияние на виртуальные преступления... 312
	Эбзеева З. А., Каитова А. Х. К вопросу об основании уголовной ответственности пособника преступления 317

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Роль и значение борьбы с коррупцией при реформировании страны

Абдуллаева Зиёда Набиевна, старший преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Данная статья посвящена изучению проблем, порождающих коррупцию. В статье раскрывается теоретическое понятие «коррупции», приведены политические мысли руководителей страны, проведен анализ нормативно-правовых актов, принятых в стране по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, преступление, государство, концепция, закон, конвенция, противодействие, гражданское общество, злоупотребление, служебное положение

This article is devoted to the study of problems that generate corruption. In the article the theoretical concept of «corruption» is revealed, political thoughts of the country's leaders are presented, an analysis of normative and legal acts adopted in the country on combating corruption is made.

Key words: corruption, crime, state, concept, law, convention, opposition, civil society, abuse, official position

...преступность и коррупция подтачивают моральные устои общества, дезориентируют гражданскую позицию ее членов, создают предпосылки к формированию негативного отношения к осуществляемым преобразованиям, дискредитируют саму идею реформ и порождают ностальгию, в том числе по «сильной руке всемогущего центра».

И. Каримов «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса»

С первых дней обретения Независимости в нашей стране последовательно реализуются широкие мероприятия по реформированию судебной-правовой системы, защите прав и свобод граждан, обеспечения верховенства закона в рамках осуществления общей стратегии построения гражданского общества.

В процессе реализации преобразований в данном направлении особое внимание было уделено внедрению международных норм по этим вопросам, что нашло отражение в принятии в 2008 г. Закона «О присоединении Республики Узбекистан к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (Нью-Йорк, 31 октября 2003 года).

В 2010 г. Узбекистан присоединился к «Стамбульскому плану действий по борьбе с коррупцией» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Коррупция негативно влияет на взаимоотношения гражданина с представителями власти, наносит непоправимый вред обществу и государству.

«Коррупция — социальное явление, характеризующееся злоупотреблением сотрудниками государственных

органов своим служебным положением для извлечения личной выгоды.

Первый Президент нашей страны в своем докладе «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране» на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 ноября 2010 года подчеркивал, что возникла острая необходимость в принятии Закона «Об общественном контроле» в Республике Узбекистан, направленного на создание системного и эффективного правового механизма осуществления институтами гражданского общества контроля за исполнением органов государственной власти и управления законодательных актов.

Установление сильного общественного контроля над деятельностью органов государственной власти является одним из важнейших условий построения гражданского общества. Поскольку активность граждан, их равнодушие к социальным явлениям, уверенность государственных служащих в том, что их деятельность контролируется — залог закрепления и развития гражданского общества. Поэтому

следует повысить общественный контроль государственной деятельности, в частности уделить особое внимание всестороннему усилению контроля за деятельностью правоохранительных структур. Альтернатива этому пути нет. В этой связи огромное значение имеет принятие Закона «Об общественном контроле» в Республике Узбекистан.

В целом, общественный контроль в виде обращений институтов гражданского общества, органов самоуправления граждан, в органы государственной власти по определенным решениям, осуществления государственными органами запросов по вопросам, входящим в их компетенцию, прием отчетности руководителей органов государственной власти, предприятий и организаций на местах дает положительный результат. Кроме того, эффективно реализуются меры по созданию и изучению групп общественности в процессе обеспечения выполнения государственных программ на территории сходов граждан, приема по их результатам отчетности органов государственной власти и устранение выявленных недочетов, а также помощь в деятельности местных государственных органов. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что общественный контроль является основным фактором обеспечения взаимной ответственности в отношениях между государством с одной стороны и обществом, личность с другой.

Первый Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, выступая на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, отмечал: «Мы не можем дальше мириться с фактами вымогательства и коррупции в структурах власти и правоохранительных органах, дискредитирующих власть в глазах населения. С этими позорными явлениями мы должны бороться всем обществом.»

В последние годы был принят ряд важных нормативно-правовых актов, направленных на совершенствование правовых механизмов борьбы с коррупцией, в частности Бюджетный и Таможенный кодексы (в новой редакции), Законы «О профилактике правонарушений», «О социальном партнерстве», «Об открытости деятельности органов государственной власти управления», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об электронном правительстве», «Об органах внутренних дел».

В целях дальнейшего совершенствования правовых основ противодействия коррупции разработан проект Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» с учетом передового зарубежного опыта.

Проект закона направлен на полное регулирование правовых отношений в сфере противодействия коррупции, повышению эффективности мер по борьбе с коррупцией, осуществляемые государственными органами, организациями и институтами гражданского общества, а также устранение коррупции из всех сфер социальной жизни, со-

здание среды в обществе, неприемлемой для коррупции путем повышения правового сознания и правовой культуры граждан.

В проекте закона закреплены основные принципы борьбы с коррупцией, а также важные направления государственной политики, система полномочных органов, участие органов самоуправления граждан, институтов гражданского общества, средств массовой информации, граждан и вопросы международного сотрудничества в противодействии коррупции.

Кроме того, в целях укрепления сотрудничества и обеспечения координации деятельности субъектов по борьбе с коррупцией предусмотрена организация Межведомственной комиссии по борьбе с коррупцией, в состав которой могут входить представители бизнес-сообщества и других институтов гражданского общества.

Таким образом, внедрение закона в жизнь обеспечит дополнительные правовые гарантии защиты прав и свобод граждан, позволит ограничить незаконное вмешательство в деятельности субъектов предпринимательства, предотвратить угрозы целостности частной собственности.

19 октября 2016 г. в городе Ташкент на VIII съезде Либерально-демократической партии Республики Узбекистан было принято решение о выдвижении исполняющего обязанности Президента Республики Узбекистан, Премьер-министра Шавката Мирзиёева на пост Президента страны. На данном мероприятии Шавкат Мирзиёев выступил с докладом об основных направлениях своей предвыборной программы, в которой отметил, что основным гарантом обеспечения стабильности и мира в стране, повышения благосостояния в стране, достижения эффективности всех проводимых преобразований является обеспечение верховенства закона в обществе. Кандидат в Президенты подчеркнул, что «считаем нашей основной задачей обеспечение открытости и прозрачности деятельности правоохранительных органов, широкое применение эффективных механизмов взаимодействия институтов гражданского общества, средств массовой информации и населения», а также «одна из приоритетных задач — это борьба против коррупции и организованной преступности, а также эффективное решение вопросов предупреждения правонарушений.»

В этой связи Президент внес на рассмотрение Законодательной палатой Олий Мажлиса Республики Узбекистан проект Закона «О противодействии коррупции» в соответствии со статьей 83 Конституции Республики Узбекистан. Данный закон был принят Законодательной палатой 24 ноября 2016 г., одобрен Сенатом 13 декабря 2016 г. и подписан Президентом 3 января 2017 г. (№ ЗРУ-419), что играет не маловажную роль по борьбе с коррупцией в стране.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан. Т.: «Узбекистан», — 2014 г. 74 стр.
2. И. Каримов. По пути безопасности и стабильного развития. Том 6. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. 1998 г.

3. И. Каримов. Доклад «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране». 12 ноября 2010 г.
4. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции». 3 января 2017 г.
5. http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=3088013
6. «Коррупция — жамият тараққиёти кушандаси». Мақола. 2014 йил август. <http://www.minjust.uz/uz/press/ourpublications>.

Tasks on improving political and legal culture of the population in Uzbekistan

Avalbaeva Dilshodabonu Olimzhon kizi, Bachelor student
Uzbekistan State University of World Languages

The article proves that the primary tasks of Uzbek government involved in achieving political and legal literacy and a high level of legal awareness have been defined, with the aim of establishing a comprehensive, permanent system for the development of political culture and legal culture. Moreover, the article explains the terms of legal culture, political culture and its types. There are some facts about Uzbekistan and its political and legal mechanisms to achieve high political and legal culture of the population.

Keywords: *Uzbekistan, political culture, legal culture, legal state, civil society, youth*

Uzbekistan is a unitary, constitutional, presidential republic, comprising twelve provinces, one autonomous republic and a capital city. The Constitution of the Republic of Uzbekistan asserts that «democracy in the Republic of Uzbekistan shall be based upon common human principles, according to which the highest value shall be the human being, his life, freedom, honour, dignity and other inalienable rights.»

The official position is summarised in a memorandum «The measures taken by the government of the Republic of Uzbekistan in the field of providing and encouraging human rights» [1] and amounts to the following: the government does everything that is in its power to protect and to guarantee the human rights of Uzbekistan's citizens. Uzbekistan continuously improves its laws and institutions in order to create a more humane society. Over 300 laws regulating the rights and basic freedoms of the people have been passed by the parliament.

In Uzbekistan, legal mechanisms to achieve high legal culture of society across the country are developed and improving, where government agencies, educational institutions, national centers for human rights and civil society institutions are actively taking part.

According to Csaba Varga «The term «legal cultures» stands for an operative and creative contribution, through social activity rooted in underlying social culture, to express how people experience legal phenomenon, how and into what they form it through their co-operation, how in what way they conceptualise it, in what spirit, frame and purpose they make it the subject of theoretical representation and information.» [2]

The term «political culture» is used in the field of social science. It refers to historically-based, widely-shared beliefs, feelings, and values about the nature of political sys-

tems, which can serve as a link between citizens and government.

Political culture is defined by the International Encyclopedia of the Social Sciences as the «set of attitudes, beliefs and sentiments that give order and meaning to a political process and which provide the underlying assumptions and rules that govern behavior in the political system». It encompasses both the political ideals and operating norms of a polity. Political culture is thus the manifestation of the psychological and subjective dimensions of politics. A political culture is the product of both the history of a political system and the histories of the members. Thus it is rooted equally in public events and private experience. [3]

Almond and Verba have listed four ideal types of political culture. They are:

— Parochial Political Culture. Where the people have no understanding of «the national political system, do not possess any tendency to participate in the input processes and have no consciousness of the output processes, such a type of political culture is called parochial political culture. African tribes and Eskimos fall in this category. Such types of people have no role to play in the political culture.

— Subject political Culture. This type of political culture is found in the subject countries and monarchies. There the people are aware of the governmental system whether they like it or not. They also know the role of the government regarding law making, enforcement of laws and tax collection etc. In this type of culture people are not taught to participate in the input functions. Sometimes they are not allowed to do so, so the people find it difficult how to influence the working of the political system.

— Participant political Culture. In this type of political culture people are quite keen to participate in the political system and influence its working. They are always busy

making reasonable demands on the political system and are involved in the making of decisions. They develop a particular attitude towards the political system. Political parties and pressure groups (interest groups) fall in this category and decide for themselves what role they can play.

— Political Sub-culture. It is not necessary that all the groups in habiting a particular country may be equally advanced; some may be more advanced, while others may be less advanced. Therefore those groups who are more advanced, develop a participatory culture while others may still retain subject or parochial-culture. This is due to the reason that in many countries of the world there are different ethnic groups. Differences in political culture amongst them develop due to the difference in education, political training, economic and social background. [4]

The Republic of Uzbekistan is a presidential constitutional republic, whereby the President of Uzbekistan is both head of state and head of government. Executive power is exercised by the government. Legislative power is vested in the two chambers of the Supreme Assembly, the Senate and the Legislative Chamber. The judicial branch, is composed of the Supreme Court, Constitutional Court, and Higher Economic Court that exercises judicial power.

Bringing up a healthy generation that is well in every respect, raising their intellectual potential and protecting their rights and interests are priority areas of the state's policy. The raising of young people's political and legal culture was of important significance to Uzbekistan's comprehensive development and that one of the important tasks before deputies was to further increase young people's activeness in the process of implementation of democratic reforms in the country's society and their political and legal knowledge.

Carrying out of opinion surveys on problems of the legal culture, public opinion on law, legal awareness of citizens are one of the main methods of detection of real picture of legal culture in the society and in the various population strata.

Education of law-abiding and comprehensive development of the younger generation is another important place in the system of legal education. Practical measures has taken organization of learning the provisions of Uzbekistan's Constitution at all levels of education system, upbringing of legal consciousness, thinking and culture of the youth. Particularly, requirements to the adequate training programs were developed under the course «Study of Uzbekistan's Con-

stitution», approved textbooks and special literature for all stages of education, where was taken to account the age peculiarities of students, and teachers.

Enormous attention has been paid to the issues of preparation and increasing the qualifications of pedagogical cadres in this sphere and creation the necessary conditions, which requirements of modern standards, provision of literatures and methodological materials.

At the present the system of training the juridical cadres comprises Tashkent State Law University, Academy of Ministry of Internal Affairs, law faculties of universities, specialized colleges, as well as Center on Advanced Training of Lawyers under Ministry of Justice, High Courses of General Procurator's Office. Preparation of juridical cadres with modern standards is one of the objectives of judicial-legal reforms, where successful realization ensures the protections of rights and legal interests of citizen.

Non-governmental organizations together with national human rights institutions have been working to raise awareness of the norms of international law, provide education in the field of protection of human rights, implement national action plans to implement the recommendations of UN treaty bodies, which creates conditions for the establishment and further improving the legal culture of population.

Young men and women who came from different regions of the country had an excellent opportunity to get acquainted with the activities of parliament, with issues of youth policy, to discuss the results of reforms carried out in our country, directly acquainted with the process of lawmaking, get detailed answers to questions relating to the execution of different state programs, to enhance legal and political culture.

The sides exchanged views on implementation of various normative-legal acts, in particular, the laws of the Republic of Uzbekistan «On prevention of child neglect and juvenile delinquency», «On guarantees of the rights of the child», «On limiting distribution and consumption of alcohol and tobacco products», «On Advertising», the Labor Code of the Republic of Uzbekistan and other documents.

Over the years of independent development, Uzbekistan achieved significant results in the formation and support of civil society. Implemented measures have laid a solid foundation to build a democratic state of law. More than 30 adopted legislative acts in the field of development of civil society suggest that Uzbekistan pays enormous attention to this direction.

References:

1. Embassy of Uzbekistan to the US, Press-Release: «The measures taken by the government of the Republic of Uzbekistan in the field of providing and encouraging human rights», 24 October 2005.
2. Csaba Varga, Legal Traditions In Search for Families and Cultures of Law, 46 Acta Juridica Hungarica (2005).
3. International Encyclopedia of the Social Sciences, New York: Macmillan, 1968, Vol. 12, p. 218 (quoted in Jo Freedman, The Political Culture of the Democratic and Republican Parties (1986).
4. Almond, Gabriel A.; and Verba, Sidney 1963 The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton Univ. Press.

Национальные и международные нормы, связанные с борьбой с коррупцией: историко-аналитический взгляд

Азизова Мохира Анваровна, старший преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

В статье изучено понятие «коррупция», ее историческое происхождение и развитие. Проанализированы причины появления и варианты решений данного негативного явления. Проведен частичный анализ статей уголовного законодательства Узбекистана, которые противодействуют коррупции в стране.

Ключевые слова: государство, коррупция, закон, власть, государство, злоупотребление, конвенция, модельный закон, кодекс, контрабанда.

The article deals with the concept of «corruption», its historical origin and development. The causes of appearance and variants of the solutions of this negative phenomenon are analyzed. A partial analysis of articles of the criminal legislation of Uzbekistan, which counteract corruptions in the country, has been carried out.

Keywords: state, corruption, law, power, state, abuse, convention, model law, code, smuggling

В настоящее время одним из наиболее употребляемых терминов в национальном и международном праве является — Коррупция. Конечно же, коррупция как негативное явление появилось не сегодня, имеет древнюю историю. Древнегреческий философ Аристотель подчеркивал, что «в каждой государственной системе посредством законов и распоряжений необходимо так организовать работу, чтобы должностные лица не могли обогатиться незаконным путем». Французский мыслитель Шарль Монтескье по этому поводу сказал: «Из опыта веков известно, что любое лицо, обладающее государственной властью, склонно ею злоупотреблять и будет действовать пока не достигнет своей цели».

В новый период истории Западной Европы коррупция и коррупционные взаимоотношения приобрели различные формы и получили широкое распространение, что известно не только из исторических источников, но и нашло отражение в произведениях передовых мыслителей и литераторов. В частности, это хорошо описано в «Венецианском купце», «Мера за меру» Шекспира, «Ад», «Чистилище» Данте. Последний, к слову, предлагал разместить коррупционеров на выбор в самом темном или глубоком месте в аду.

Никколо Макиавелли изучив вопросы истории и развития коррупции, сравнивал коррупцию с кашлем: «Коррупция как кашель трудно предугадать, а вылечить легко, если же вы запустили болезнь, легко диагностировать, но трудно лечить».

Эти слова актуальны на сегодня для всех стран, в которых в той или иной мере распространена коррупция.

Как известно, термин «коррупция» латинского происхождения, означает (от лат. *согипреге* — растлевать, лат. *согиптио* — подкуп, порча, растление, продажность, разложение) «покупать, разлагать» и является отнокорневым со словом «коррозия», т. е. «ржавчина, гниение». Таким образом, социальное значение данного понятия «покупать, разлагать власть».

Хотя в национальном законодательстве существует четкое правовое определение данного термина, но все же обратимся к международным источникам, в частности на I сессии Группы по проблемам коррупции Совета Европы (22–24 февраля 1995 г., Страсбург) дается следующее определение коррупции:

«Коррупция — подкуп (взятка), а равно любое иное поведение в отношении лиц, наделённых полномочиями в государственном или частном секторе, которое нарушает обязанности, вытекающие из этого статуса должностного лица, лица, работающего в частном секторе, независимого агента, либо других отношений такого рода, и имеющего целью получение каких бы то ни было ненадлежащих преимуществ для себя или иных лиц».

При совершении указанных выше действий должностными и недолжностными лицами наносится огромный вред или урон общественным интересам, законам, правам человека.

Кроме того, коррупция «охватывает совершение или не совершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие» (Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17.12.1979 Резолюцией 34169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)).

«Коррупция — злоупотребление функциями государственной власти в личных целях» (Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции).

Коррупция — это злоупотребление своим служебным положением в личных целях (Отчет Всемирного банка, 1997 г.)

Кроме того, Первый Президент Республики Узбекистан И. Каримов давая определение понятию коррупции, отмечал: «Коррупция и взяточничество являются скрытым и отвратительным видом преступления. Этот вид престу-

пления не только сбивает с пути управленческий аппарат, но и разрушает принципы рыночных отношений». «Коррупция, сопряжена прежде всего с использованием возможностей государственной службы для содействия или прямого оказания помощи криминальным структурам».

В целях противодействия коррупции были приняты Постановление Кабинета Министров от 3 марта 1992 г. «О создании в структуре Прокуратуры Республики Узбекистан Управления по борьбе с коррупцией, хищениями и другими злоупотреблениями в сфере внешнеэкономической деятельности», от 11 мая 1994 г. «Об организационных мерах по защите частной собственности и предпринимательства от коррупции, рэкета и других проявлений организованной преступности»; от 28 мая 1997 г. «О дальнейшем развитии дел по совершенствованию борьбы с коррупцией, рэкетом и терроризмом» и разработаны меры по обеспечению их выполнению.

Согласно анализу Программы развития ООН («UN Development Program») большую роль в возникновении коррупции играют следующие факторы: власть или полномочия, личные интересы, непрозрачность, неподотчетность.

Следует особо отметить, что существуют международные правовые документы по противодействию коррупции на мировом уровне:

- а) Конвенция ООН по противодействию коррупции;
- б) Конвенция Европейского Союза об уголовной ответственности за коррупцию;
- в) Конвенция Европейского Союза о гражданской ответственности за коррупцию;
- г) Модельный закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике» в рамках СНГ;
- д) Программа действий по борьбе с коррупцией в Азии и Океании Азиатского банка реконструкции и развития;

Кроме того, 31 октября 2003 г. Организацией Объединенных Наций была принята Конвенция по противодействию коррупции (состоит из преамбулы, 8 глав, 74 статьи), к которой Республика Узбекистан присоединилась с Законом «О присоединении Республики Узбекистан к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. (Нью-Йорк, 31 октября 2003 года)

Анализ законодательства нашей страны показывает, что правовые основы противодействия коррупции нашли

отражение в действующем Уголовном кодексе Республики Узбекистан.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан предусмотрены следующие статьи по противодействию коррупции:

1. Хищение путем присвоения или растраты (статья 167);
2. Лжепредпринимательство (статья 179);
3. Лжебанкротство (статья);
4. Нарушение таможенного законодательства (статья 182);
5. Уклонение от уплаты налогов или других обязательных платежей (статья 184);
6. Злоупотребление властью или должностными полномочиями (статья 205);
7. Превышение власти или должностных полномочий (статья 206);
8. Должностной подлог (статья 209);
9. Получение взятки (статья 210);
10. Дача взятки (статья 211);
11. Посредничество во взяточничестве (статья 212);
12. Незаконное получение служащим государственного органа, организации с государственным участием или органа самоуправления граждан материальных ценностей или имущественной выгоды (статья 214)
13. Легализация доходов, полученных от преступной деятельности (статья 243);
14. Контрабанда (статья 246).

Указанные статьи не только не раскрывают сущность понятия коррупции, но не позволяют в должной мере оценить коррупционность определенных действий.

В заключении следует отметить, что принятый 3 января 2017 г. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» (состоит из 6 глав, 34 статей) послужит основой для эффективной борьбы с данным негативным явлением. Вместе с тем, коррупция считается сложным социальным явлением, эффективное противодействие которому нельзя вести отдельными мерами, а подходить к данному вопросу комплексно.

Кроме того, целью и объектом деятельности по борьбе с коррупцией является не отдельный коррупционер, а устранение и профилактика причин возникновения противоправных действий.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан. Т.: «Узбекистан», — 2014 г. 74 стр.
2. И. Каримов. По пути безопасности и стабильного развития. Том 6. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. 1998 г.
3. И. Каримов. Доклад «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране». 12 ноября 2010 г.
4. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-419 «О противодействии коррупции». 3 января 2017 г. http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=3088013
5. «Коррупция-жамият тараққиёти кушандаси» // <http://www.minjust.uz/uz/press/ourpublications>. 2014 й. август.

Меры административно-процессуального пресечения при рассмотрении дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест или административное выдворение

Бестаева Фатима Алихановна, аспирант

Научный руководитель: Ольга Владимировна Гречкина, доктор юридических наук, профессор
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

Рассмотрены особенности мер применения обеспечительных мер производства по делам об административных правонарушениях, влекущих административный арест, административное выдворение. Рассмотрены такие обеспечительные меры как административное задержание и доставление при сокращенных сроках рассмотрения дел об административных правонарушениях. Внимание обращено на необходимость применения указанных обеспечительных мер для своевременного рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Автором предлагается решение имеющихся проблем путем внесения изменений в некоторые нормы КоАП РФ.

Ключевые слова: *дело об административном правонарушении, производство по делу об административном правонарушении, административный арест, административное выдворение, сроки давности административной ответственности, сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях*

Нормы административного права являются одним из средств, с помощью которых государство предупреждает и пресекает административные правонарушения, а в случае совершения административных правонарушений привлекает к административной ответственности виновных лиц.

В соответствии со ст. 1.2 КоАП РФ задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений [1].

Административное право выполняет несколько функций которые можно разделить на три группы:

- правоисполнительная функция;
- правотворческая функция;
- правоохранительная функция.

Правоохранительная функция обеспечивает соблюдение установленного порядка и защиту законных прав и интересов участников регулируемых отношений [2].

Нормами административного права регулируется также производство по делам об административных правонарушениях, что можно отнести к правоохранительной функции. Административное право регламентирует правила привлечения лиц к административной ответственности, назначение наказаний судами и другими уполномоченными органами.

Государство осуществляет свои функции через такие методы государственного управления как убеждение и принуждение. Метод убеждения стимулирует должное поведение участников управленческих правоотношений.

К методу принуждения относится привлечение лиц к административной ответственности, а также ряд других иных мер административного принуждения [3].

Законодатель для сохранения общественного порядка помимо административной ответственности предусматривает также и методы принуждения, к которым относится и административное принуждение.

Административному принуждению Мигачевым Ю. дано следующее определение: «это особый вид государственного принуждения, имеющий своим назначением охрану общественных отношений, складывающихся преимущественно в сфере государственного управления» [4].

В настоящее время меры административного принуждения подразделяют на четыре группы:

- 1) административно-предупредительные меры;
- 2) меры административного пресечения;
- 3) меры административной ответственности;
- 4) меры административно-процессуального обеспечения.

В рамках настоящей статьи рассмотрим меры административно — процессуального обеспечения, поскольку данные меры применяются уже при совершении административного правонарушения в целях привлечения лица к административной ответственности и назначении ему соответствующего административного наказания. Мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях называется процессуальные действия, осуществляемые уполномоченными на то лицами в процессе возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях. Эти меры применяются в целях:

- пресечения административного правонарушения;
- установления личности правонарушителя;
- составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения;
- обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления [5].

Действующий Кодекс об административных правонарушениях РФ в ст. 27.1. предусматривает, что в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять следующие меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении: доставка, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов, изъятие вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства, арест товаров, транспортных средств и иных вещей, привод, временный запрет деятельности, залог за арестованное судно, помещение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальные учреждения [6].

Среди указанных двенадцати мер пресечения доставление, задержание лица и привод имеют важное значение для обеспечения своевременного рассмотрения дела. Данные меры пресечения имеют особенно важное значение именно для рассмотрения дел об административных правонарушениях, за которые предусмотрено наказание в виде административного ареста или выдворения за пределы РФ.

Важность этих мер при рассмотрении указанной категории административных дел связана с двумя нормами КоАП РФ, а именно с ч. 3 ст. 25.1., которая предусматривает обязательное участие лица, привлекаемого по делу об административной ответственности и ч. 4 ст. 29.6, согласно которой дело об административном правонарушении, влекущем административный арест или административное выдворение должно быть рассмотрено в день получения протокола об административном правонарушении.

Данные статьи обязывают суд рассмотреть дело об административном правонарушении в день поступления протокола в суд и с обязательным участием лица привлекаемого по делу, в связи с чем необходимо обязательно

обеспечить явку привлекаемого лица в суд. В случае недоставления лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении в суд, рассмотрение дела не всегда возможно. Невозможность связана с отсутствием лица привлекаемого по делу об административном правонарушении и в связи с невозможностью обеспечить его явку в суд в день поступления протокола. При таких обстоятельствах суды вынуждены обратно пересылать протоколы с другими материалами в орган, их составивший. Данная сложившаяся практика отмечена Куратовым А. А., который указывает, что обратная передача протокола в орган его составивший, действительно имеет место быть и приводит к затягиванию рассмотрения дела [7].

Между тем, законодателем в ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ закреплены сроки давности привлечения к административной ответственности. Согласно указанной статье постановление по делу не может быть вынесено по истечении двух месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, — трех месяцев), со дня совершения административного правонарушения. Затягивание рассмотрения дел об административных правонарушениях в большинстве случаев приводит к истечению сроков давности привлечения к административной ответственности и соответственно влечет прекращение дел об административных правонарушениях на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Для соблюдения сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест или выдворение в случае недоставления лица, привлекаемого к административной ответственности суд вынужден пересылать обратно протокол об административном правонарушении, мотивируя это пп. 4 п. 1 ст. 29.4 КоАП РФ. Данный порядок возврата протокола отражен и в работе Емельянова В. М., где указано, что основными причинами, по которым судьями выносятся определения о возвращении дел, являются:

- отсутствие указания в протоколе об административном правонарушении места, времени, конкретных обстоятельств совершения правонарушения, противоправности деяния;
- истечение срока давности привлечения к административной ответственности;
- недоставление лица, привлекаемого к административной ответственности;
- отсутствие в протоколе об административном правонарушении подписи должностного лица, составившего протокол [8].

Между тем, в указанной норме такого основания как недоставление лица, привлекаемого по делу об административной ответственности, не имеется. Ввиду этого, суды на практике это обстоятельство классифицируют как неполноту представленных материалов. Возврат протокола в орган его составивший, судам обеспечивает соблюдение сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест или административное выдворение.

Как видно из Постановления Верховного Суда РФ от 16.04.2014 г. за № 7-АД13—8, суды имеют право отсылать обратно протокол об административном правонарушении ввиду недоставления лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении, влекущем арест и невозможности рассмотрения дела в его отсутствие [9].

Президиумом Верховного Суда РФ также одобрена практика обратной пересылки протокола об административном правонарушении ввиду недоставления лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении [10].

Между тем, сложившаяся практика соблюдения срока рассмотрения дел об административных правонарушениях, влекущих административный арест или выдворение не исключает истечения сокращенного срока давности привлечения к административной ответственности лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении, который не был задержан и не доставлен в суд, а принудительный привод в день поступления протокола в суд не осуществлен. Данные наблюдения отражены в работе Л. Ю. Зуевой, где она указывает, что как показывает практика сотни тысяч правонарушителей уходят от ответственности [11].

Сокращенные сроки давности привлечения к административной ответственности Конституционный суд РФ считает целесообразным поскольку административные правонарушения характеризуются небольшой общественной опасностью и не наносят существенных последствий для общества [12]. Между тем, сокращенные сроки давности привлечения к административной ответственности, в случае недоставления лица, привлекаемого по делу об административной ответственности? приводит к безнаказанности виновных лиц. Лицо, привлекаемое по делу об административном правонарушении, зная о возможности ухода от ответственности по истечении трех месяцев в большинстве случаев уклоняется от явки в суд. При таких обстоятельствах исполнение меры процессуального обеспечения в виде административного задержания при составлении протокола об административном правонарушении являются гарантом своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, привлечении лица к административной ответственности.

Из анализа данной практики следует вывод, что пресечение производства по делу об административном

правонарушении приводит к безнаказанности лиц, привлекаемых по делам об административных правонарушениях, увеличению административных правонарушений, а для потерпевших по делам об административных правонарушениях — к лишению судебной защиты и восстановления их нарушенных прав.

Подводя итог, можно сказать, что ст. 25.1 КоАП РФ, содержит диспозитивную норму о доставлении и задержании лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении, т. е. сотрудник уполномоченного органа при составлении протокола об административном правонарушении, может задерживать или не задерживать лицо, привлекаемое по административному делу.

Более того, в ст. 27.3 КоАП РФ сказано, что административное задержание может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении. Согласно данной нормы задержание лица, в отношении которого составляется протокол об административном правонарушении, остается на усмотрение должностного лица? составляющего протокол об административном правонарушении.

Помимо изложенного, уполномоченное должностное лицо должно выяснить имеются ли исключительные обстоятельства для задержания лица, в отношении которого составляется протокол об административном правонарушении. Законодателем не указаны исключительные обстоятельства, когда необходимо задержание лица для обеспечения своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении. В статье 27.3 КоАП РФ не указан перечень исключительных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости задержания лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении для своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении.

В своей работе А. Ю. Анохина также отмечает, что правоприменитель сам определяет задерживать лицо или нет [13].

Для исключения указанных противоречий следует внести изменения в нормы КоАП РФ о мерах пресечения, а именно:

В статью 27.3 КоАП РФ внести изменения об обязательном задержании лица, привлекаемого по делу об административном правонарушении, влекущем административный арест или выдворение.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // www.consultant.ru.
2. Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров Административное право РФ учебник 2-ое издание МГЮА им. О.Е. Кутафина Москва. Юрайт. 2017. с. 27
3. Ю.И. Ю. И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров Административное право РФ // учебник 4-ое издание. МГЮУ им. О.Е. Кутафина. Москва. Юрайт — 2014. с. 519.
4. Ю.И. Ю. И. Мигачев, Л.Л. Попов, С.В. Тихомиров Административное право РФ // учебник 4-ое издание. МГЮУ им. О.Е. Кутафина. Москва. Юрайт — 2014. с. 519.

5. Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. Административное право. учебник 2-ое издание. Норма. Москва, 2006. с. 799
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ редакция от 3.04.2017 г. // www.consultant.ru.
7. Куратов, А. А. Организация меры обеспечения по делам об административных правонарушениях в виде принудительного привода // Административное право и процесс. Издательская группа «Юрист». 2011 № 6 с. 18–20.
8. Емельянов, В. М. Выявление и документирование административных правонарушений, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест // Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. № 2 (7). 2016. с. 43–4
9. Постановление Верховного Суда РФ от 16.04.2014 г. за № 7-АД13–8 <http://www.consultant.ru>
10. Постановление Президиума ВС РФ от 29.12.2010 г. // www.consultant.ru
11. Зуева, Л. Ю. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Зуева Л. Ю. М. 2014 с. 3–4 Электрон. б-ки // <http://www.library.customs-academy.ru>.
12. Постановление КС РФ № 9-П от 16.06.2009 г. «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5, 30.7 КоАП РФ, пункта 1 ст. 1070 и абз. 3 ст. 1100 ГК РФ и ст. 60 ГПК РФ в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова // Собрание законодательства РФ. 2009. № 27 с. 3382 // <http://www.consultant.ru>
13. А. Ю. Анохина Особенности юрисдикционной деятельности участковых уполномоченных полиции по применению законодательства об административных правонарушениях // учебное пособие. Барнаул. 2015. с. 19

Проблемы применения законодательства о конфискации имущества в уголовном праве

Бравилова Александра Борисовна, магистрант
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В статье рассматриваются проблемы применения законодательства о конфискации имущества, анализируется практика применения конфискации имущества как иной меры уголовно — правового характера в Приморском крае. Кроме того, в статье рассматривается законодательное определение правовой природы данной меры. В статье обосновывается вывод о некарательном характере конфискации имущества как иной меры уголовно — правового характера, которая не направлена на ограничение прав и законных интересов граждан, что обусловлено характером имущества, в отношении которого данная мера применяется. Также приводятся отличия конфискации имущества как меры уголовно-правового характера от конфискации имущества как меры наказания.

Ключевые слова: уголовное право, конфискация имущества, конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера, проблемы применения конфискации имущества

Институт конфискации имущества относится к разряду таких правовых явлений, отношение к которым меняется в зависимости от социально-экономических условий государства. Эта мера — одна из самых спорных как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве.

В течении длительного периода времени конфискация имущества в России была предусмотрена в Уголовном кодексе как вид дополнительного наказания. Возможности ее применения были довольно перспективны. В УК РСФСР 1960 г. она предусматривалась в 53 составах преступлений, что составляло 71 % от общего числа санкций, содержащих предписания о назначении дополнительных наказаний. В УК РФ 1996 г. сфера применения конфискации имущества в определенной степени уменьшилась.

В момент принятия этого кодекса она была предусмотрена по 45 составам преступлений, что составляло уже 30 %.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ конфискация имущества как вид наказания была исключена из УК РФ. Это уже не первое исключение данного вида наказания из уголовного законодательства. За все время своего существования конфискация трижды исключалась из уголовного законодательства и трижды восстанавливалась, что всегда вызывало неоднозначную реакцию и делило общество на два непримиримых лагеря — сторонников и противников отмены конфискации имущества. Авторы, выступавшие против исключения конфискации, всегда жестко критиковали законодателя [3].

Новая глава Уголовного кодекса Российской Федерации «Конфискация имущества» породила больше вопросов и проблем, чем ответов и изменения криминальной обстановки, борьбе с коррупцией, организованной и экономической преступностью. Законодатель, придав новый «статус» институту конфискации имущества в виде иной меры уголовно-правового характера и отказавшись от использования в качестве дополнительного вида наказания, поставил перед правоохранительными и судебными органами весьма трудную задачу. С одной стороны, он предоставил юридическую возможность применить конфискацию вне рамок наказания, с другой — не учитывая в целом карательной, основанной на наказании, системе правосудия, предложил судам практически самостоятельно, без процессуальной поддержки, реализовать нормы главы 15.1 Уголовного кодекса РФ [2].

В уголовном праве России конфискация имущества определяется как принудительное безвозмездное изъятие или обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенных видов имущества. Остановимся на ключевом моменте отнесения конфискации имущества в действующем уголовном законодательстве к иным мерам уголовно — правового характера, а именно на том, что конфискация имущества в действующем уголовном законодательстве не включена в систему наказаний. Следовательно, можно говорить о том, что конфискация имущества лишена карательного характера, она направлена на имущество, связанное с преступлением, а вовсе не на ограничение прав и свобод осужденного. Такое представление о правовой природе конфискации имущества, регламентированной в действующем уголовном законодательстве, является доминирующим в науке уголовного права России.

Основными отличиями конфискации имущества как меры уголовно-правового характера от конфискации имущества как меры наказания состоят в том, что:

— во-первых, конфискация исключена из перечня видов наказаний;

— во-вторых, конфискации подлежит не все имущество лица, признанного виновным в совершении преступления, а лишь деньги, ценности, иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, любые доходы от этого имущества, в том числе;

а) используемые или предназначенные для финансирования терроризма, деятельности организованной преступной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

б) деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

в) орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому;

— в-третьих, конфискации подлежит и имущество других лиц, если они при принятии имущества знали или

должны были знать, что оно получено в результате преступных действий;

— в-четвертых, если конфискация определенного предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104.1 УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета;

— в-пятых, при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного законному владельцу. При отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме указанного в частях первой и второй ст. 104.1 УК РФ, из его стоимости возмещается ущерб, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства [4].

Одной из главных характеристик применения любой из мер уголовно — правового характера является их практика применения. Таким образом, необходимо изучить и проанализировать практику применения судами применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

В ходе проведения анализа приговоров суда Приморского края, нами было изучено 101 приговор вынесенных судами Приморского края в период времени с 2010 по 2015 года включительно. Интересным представляется тот факт, что из огромного количества приговоров суда, в которых рассматривались вопросы о применении конфискации имущества как иной меры уголовно — правового характера в отношении подсудимого, количество приговоров, применяющих конфискацию имущества, составляет подавляющее меньшинство, а именно всего 2 аналогичных приговора.

Так, по приговору Октябрьского районного суда Приморского края от 21 июля 2014 года судом постановлено У Фучан признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ, и назначить наказание в виде штрафа в размере дохода осужденного У Фучан за три года, то есть в размере 226716 рублей 12 копеек.

Вещественное доказательство — денежные средства в сумме 6360985 рублей РФ, хранящиеся в ФЭО Управления ФСБ России по Приморскому краю, конфисковать в собственность государства в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Гражданин КНР У Фучан умышленно, незаконно путем не декларирования, переместил через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличные денежные средства в сумме 6360985 (шесть миллионов триста шестьдесят тысяч девятьсот восемьдесят пять) рублей, что по курсу Центрального банка Российской Федерации на ДД. ММ. ГГГГ (36,4015 рублей за 1 доллар США) составляет 174745,13 долларов США, и превышает пятикратный размер суммы наличных денежных средств, разрешенных таможенным законодательством Таможен-

ного союза в рамках ЕврАзЭС к перемещению без письменного декларирования, то есть, согласно примечанию 2 к ст. 200.1 УК РФ, является особо крупным размером.

Судьбу вещественных доказательств суд определяет в соответствии с требованиями ст. 81 УПК РФ. В ходе предварительного следствия постановлением суда был наложен арест на денежные средства в размере 6725000 рублей, при этом суд исходил из того, что все указанные денежные средства принадлежат У Фучан. Достаточных данных, свидетельствующих о принадлежности денежных средств в сумме 6725000 рублей иному лицу в ходе расследования дела получено не было [7].

Конфискация имущества — сильное средство в борьбе с преступностью, что доказывает как предшествующая отечественная практика, так и зарубежное законодательство. Однако выявленный факт анализа судебных решений, позволяет назвать применение таких мер уголовно — правового характера как конфискации имущества довольно редким явлением.

Причина неиспользования конфискации в практике борьбы с преступностью, прежде всего, лежит в неудовлетворительном законодательном регулировании этой меры. В ст. 104.1—104.3 УК РФ законодатель смешал три различных вида конфискации, не указал основания и цели ее применения, сформулировал не совсем удачный перечень так называемых конфискационных преступлений.

В ст. 104.1 УК РФ содержатся три самостоятельных вида конфискации, каждый из которых имеет свои особенности, основания и цели назначения. Конфискация может выступать мерой уголовно-правового характера (когда является наказанием); «иной мерой» уголовно-правового характера (когда изымается имущество, полученное в результате совершения преступления п. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ); специальной конфискацией или мерой безопасности (когда изымаются орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому [8].

Кроме того, остаются неразрешенными вопросы назначения конфискации имущества при вердикте присяжных о снисхождении, при назначении наказания ниже низшего предела, при неоконченном преступлении, условном осуждении, отсрочке исполнения приговора и в некоторых других случаях. Остается законодательно неурегулиро-

ванной проблема исполнения конфискации в случаях, когда у виновного имущество отсутствует [3].

Действующая конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера предполагает соединение ранее существовавшей конфискации имущества как вида дополнительного наказания (данная конфискация назначается принудительно и только судом, применяется к лицам, совершившим преступные деяния, по своей сущности связана с некоторыми правоограничениями) и новой конфискацией, как иной меры уголовно-правового характера, в наибольшей мере характерной для зарубежного уголовного законодательства (рассматриваемый вид конфискации не имеет карательной особенности).

Очевидной является проблема исполнения конфискации имущества. Если ранее порядок исполнения конфискации имущества был урегулирован ст. 62—67 Уголовно-исполнительного кодекса и приложением к нему, то в настоящее время отсутствует законодательный акт, регламентирующий исполнение конфискации имущества.

Действительно, в ч. 2 ст. 2 УИК РФ устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации [6]. Логически получается, что порядок исполнения должен быть урегулирован УИК РФ, однако фактически в нем не детализируется применение ни конфискации имущества, ни принудительных мер воспитательного воздействия, ни принудительных мер медицинского характера. В УИК РФ регламентируется порядок исполнения и отбывания наказаний, но не иных мер уголовно-правового характера. Некоторые ученые предлагают отнести исполнение конфискации имущества к исполнительному производству, но думается, что это неправильный подход [1].

Подводя итог, следует признать, что рассмотренный правовой институт в его нынешнем виде весьма далек от совершенства и требует дальнейшей разработки на теоретическом уровне и совершенствования на уровне законодательном. Только после устранения всех имеющихся противоречий и недостатков конфискация имущества сможет занять достойное место в системе мер уголовно-правового воздействия и выступать действительно эффективным средством борьбы с преступностью.

Литература:

1. Агильдин, В.В. Институт конфискации имущества как превентивная мера предупреждения преступности / В.В. Агильдин. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. с. 71—75.
2. Малышев, А.Г. Проблем конфискации имущества в уголовном праве РФ / А.Г. Малышев. // Актуальные проблемы Российского права. 2009. № 1. с. 339—341.
3. Мартыненко, Э.В. Положения о конфискации имущества, содержащиеся в Уголовном кодексе РФ, нуждающиеся в совершенствовании / Э.В. Мартыненко. // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 2—3. с. 151—155.
4. Тошнякова, О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность / О.В. Тошнякова. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. с. 79—90.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации РФ от 24.05.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»(далее УК РФ).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. 08.03.2015). [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Приговор № 1–178/2014 1–178/2014Г от 21 июля 2014 г. [Электронный ресурс] Сайт октябрьского районного суда приморского края.

Понятие виртуального объекта и оборотоспособность виртуальных объектов в системе современного отечественного законодательства на примере интернет-сайта

Виноградов Павел Алексеевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: виртуальное право, виртуальная собственность, виртуальные объекты, оборотоспособность виртуальных объектов, оборотоспособность интернет-сайта

В современном мире всё более очевидно прослеживается тенденция компьютеризации и информатизации всех сфер жизни общества. Так, с каждым годом растёт число пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сети Интернет), в результате чего увеличивается количество сделок, совершаемых посредством среды сети Интернет. Не вызывает сомнений тот факт, что скорость развития сети Интернет в целом и отдельных её элементов значительно опережает возможности отечественного законодателя по изданию актов, направленных на регулирование повеления пользователей в сети Интернет.

В то же время, архитектурные особенности строения виртуальной среды в сети Интернет обуславливают во многих случаях невозможность распространения на сделки, совершаемые в виртуальном мире, привычных правил, установленных Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) и другими нормативными правовыми актами. Связано это с тем, что виртуальная среда имеет свои особенности с точки зрения совершения гражданско-правовых сделок, которыми могут с успехом оперировать как добросовестные пользователи виртуальной среды, так и мошенники.

В конечном итоге ситуация такова, что данная сфера общественной жизни успешно и быстро развивается, опережая возможности отечественного законодателя по регулированию отношений в сети Интернет, в результате чего как правоприменителю, так и обычным пользователям приходится выходить из положения следующими путями:

- 1) Заявлять, что право не должно вмешиваться в подобный род отношения;
- 2) Применять аналогию права и распространять на виртуальные объекты нормы вещного права и права собственности;

3) Квалифицировать подобные отношения в контексте уже существующих лицензионных соглашений и иных договорных конструкций;

4) Считать объекты виртуальной собственности «иным имуществом» и применять к этим отношениям нормы о соответствующих видах договоров.

Представленные выше варианты регулирования отношений между пользователями и операторами виртуальных пространств в сети Интернет были обозначены А.И. Савельевым [1] в ходе анализа правовых доктрин и судебной практики. К сожалению, в настоящее время именно с таких позиций преимущественно квалифицируются оборот виртуальных объектов в сети Интернет, и связано это, как уже было сказано выше, с невозможностью оперативного регулирования отношений, возникающих в связи или по поводу объектов в сети Интернет, отечественным законодателем в тех правовых условиях, в которых мы сейчас находимся.

Данная же работа представляет собой попытку понять, как в настоящее время судебная практика и законодатель понимают виртуальные объекты и как относятся к возможности их оборота.

Прежде всего будет проведён анализ нормативных актов и правоприменительной практики отечественного законодательства, а также анализ зарубежных подходов к определению понятия виртуального объекта с целью выяснения, что следует понимать под выражением «виртуальный объект», и различаются ли пути подхода к определению данного понятия в России и в других странах.

Прежде всего проанализируем 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] (далее — 149-ФЗ), который был принят в качестве регулятора общественных отношений, складывающихся в связи с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации, применением

информационных технологий, а также обеспечением защиты информации, как это следует из статьи 1 указанного закона. Очевидно, что именно на 149-ФЗ возложена роль основного регулятора общественных отношений, складывающихся в сети Интернет в Российской Федерации, на что указывает анализ содержания подавляющего большинства его статей.

Тем не менее, несмотря на специальный характер данного закона, 149-ФЗ не содержит каких-либо упоминаний термина «виртуальный объект», поскольку исходя из предметного критерия, данное понятие должно содержаться именно в данном законодательном акте, либо в аналогичном ему.

Следует заметить, что не только 149-ФЗ не содержит определения понятия «виртуального объекта», но и никакой иной нормативный правовой акт в Российской Федерации не даёт нам легальной дефиниции. Из чего можно сделать вывод, что отечественный законодатель предпочитает уйти от определения дефиниции данного понятия.

С чем может быть связано такое решение? Представляется, что возможных вариантов ответа может быть два: либо российский законодатель считает, что понятие «виртуального объекта» не является общепринятым и необходимым для оборота, вследствие чего возможно уйти от его определения на уровне федерального закона. А возможно, напротив, связано такое решение с тем, что в данном случае можно провести достаточно очевидную аналогию с понятием объектов гражданских прав, которое приведено в ст. 128 ГК РФ [3], и просто определить виртуальные объекты по аналогии.

Как видится, обе приведённых позиции достаточно легко подвергнуть критике. Так, что касается первого варианта, отчасти данная позиция представляется верной, поскольку действительно в настоящий момент практика не испытывает настолько серьёзных проблем из-за отсутствия легального закрепления понятия виртуального объекта, что требовалось бы срочное внесение соответствующих поправок в действующее законодательство. Однако, с другой стороны, в результате отсутствия легального определения того, что же следует считать виртуальными объектами, в настоящее время практика успешно использует данное понятие в случаях, когда правоприменитель не знает, как наиболее правильно и полно определить тот или иной спорный объект.

Относительно же второй позиции можно отметить следующее. Из-за различий в форме объективного выражения, один и тот же предмет одновременно может являться как объектом гражданского права, так и виртуальным объектом. Более того, практически все виртуальные объекты, расположенные в сети «Интернет», являются объектами гражданского права. Проблема в том, что они не являются объектами реального мира в том смысле, что их нельзя осязать, чувствовать, их можно лишь увидеть посредством периферийного компьютерного устройства, отображающего движущиеся или неподвижные изображения, созданные компьютером и об-

работанные компьютерной графической платой. Причём виртуальные объекты выражаются вовне как некий графический объект, либо как часть компьютерного кода. И в данном контексте могут возникать определённые трудности, связанные с вопросом о том, а что именно считать объектом гражданского права: графическое обозначение объекта, которое видит обычный пользователь, или часть компьютерного кода, которая отвечает за то, как именно обычный пользователь будет воспринимать данный конкретный объект, либо же совокупность части компьютерного кода и графической составляющей? Можно лишь отметить, что в настоящее время практика идёт по третьему пути (ссылки на судебные решения будут представлены далее), однако, как видится, здесь ещё есть поводы для размышлений.

Что касается анализа правоприменительной практики, следует отметить следующую тенденцию: отечественные суды высших инстанций обращаются к понятию «виртуальный объект», хотя и не слишком часто. Однако, при изучении и анализе текстов соответствующих решений можно прийти к выводу о том, что фактически правоприменитель пользуется данным понятием для обозначения лишь таких объектов, которым по тем или иным причинам не может быть дано иное определение. Любая совокупность графических и символьных обозначений называется судами (будь то Высший Арбитражный Суд или Суд по Интеллектуальным Правам) «виртуальным объектом», при этом само понятие никак не раскрывается [4] [5] [6].

Также можно обратиться к работам отечественных учёных, в которых так или иначе высказывались мысли о том, что можно считать виртуальным объектом, что означает виртуальность вообще, и как соотносятся виртуальный объект и объект гражданских прав.

В начале 2014 года В.В. Архипов и Р.Ф. О. Азизов опубликовали в журнале «Закон» статью, посвящённую особенностям правового регулирования в контексте сетевой архитектуры отношений в сети Интернет формата WEB 2.0 [7], где авторы обосновывают реальность Интернета в широком смысле слова со всеми его составляющими в качестве технического и социального артефакта. Учёные утверждают, что феномен сети Интернет «виртуален» в том смысле, что пользователи взаимодействуют между собой, как правило, без выхода за пределы этой же сети, при этом такое взаимодействие в силу своей особой значимости не может и не должно быть проигнорировано юридической наукой. Посредством такого подхода авторы предлагают не уходить от необходимости установления адекватного регулирования отношений в сети Интернет попытками фиктивно признать соответствующие отношения несуществующими. Подобный подход некоторые исследователи [8] обосновывают тем, что термин «виртуальный» обычно понимается в качестве антонима термину «реальный», однако, когда речь идёт о виртуальных объектах или виртуальных мирах, необходимо понимать, что на фактическое существование указанных объектов обозначение термином «виртуальный» не влияет.

Также в 2006 году была опубликована работа К. Е. Когана [9], в которой автор высказывает мысль о том, что, считая интернет-сайт произведением, нуждающимся в самостоятельной правовой охране, юристы всё же ищут аналогии закона, предлагая приравнять сайты к уже нормативно закреплённым объектам, например, к базам данных. Учёный утверждает, что данный подход является наиболее приближенным к практике, поскольку позволяет отразить свойства сайта как целостного объекта и, в то же время, не создаёт двусмысленных юридических конструкций. Однако, по мнению автора, интернет-сайт нуждается не в установлении специального правового режима как для нового объекта права, а в выработке единообразного применения.

Проводя аналогию с понятием виртуального объекта, можно указать на следующее. Как и сам феномен интернет-сайта в 2006 году, понятие виртуального объекта в настоящее время законодательно не разработано, а правоприменительная практика время от времени ощущает необходимость использования соответствующего термина. И в этой связи встаёт вопрос о том, не будут ли создаваться в дальнейшем те самые двусмысленные юридические конструкции (данное понятие употреблено в данном случае несколько в другом смысле, чем его имел в виду К. Е. Коган). Безусловно, единообразное применение (правильнее даже сказать — использование) термина «виртуальный объект» необходимо, как минимум для того, чтобы избежать возможного недопонимания и разночтения.

Если же обратиться к зарубежной практике определения понятия «виртуальный объект», то в данном ключе всё также представляется неоднозначным. Так, например, на многочисленных англоязычных форумах встречается вопрос о том, что такое «виртуальный объект» (what is the meaning of virtual objects). Самым популярным мнением является то, в котором раскрываются две составляющих понятия «виртуальный объект»: с одной стороны, виртуальным объектом является «программный объект», что, по всей видимости, подразумевает часть программного кода — текста компьютерной программы на каком-либо языке программирования; с другой стороны, выражение «виртуальный объект» подразумевает под собой объект, который не существует в реальном мире [10].

Ещё одним интересным вариантом определения понятия виртуального объекта является идея о том, что виртуальным объектом выступает абстрактный объект, существование и/или параметры которого не отображаются в реальном мире [11].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно прийти к следующим выводам. Прежде всего, необходимо отметить, что понятие виртуального объекта не раскрывается ни в отечественном законодательстве, ни в зарубежном. Однако, данное обстоятельство не мешает (а возможно, и наоборот) правоприменителю с определённой долей успеха использовать его в случаях, когда нет других очевидных путей обозначения того или иного явления, обра-

зовавшегося в сети Интернет и нуждающегося в оценке в рамках конкретного судебного решения.

Если свести все позиции, существующие на данный момент, в одну мысль, то можно заключить, что виртуальным объектом признаётся объект, не имеющий иного выражения в реальном мире, помимо изображения либо изображений, воспринимаемых пользователем посредством периферийного компьютерного устройства, отображающего движущиеся или неподвижные изображения, созданные компьютером и обработанные компьютерной графической платой. Проблема данного определения видится в том, что оно представляет собой настолько размытое обозначение, что фактически виртуальным объектом может быть признан любой объект, так или иначе существующий в сети Интернет, будь то изображение, интернет-сайт или его часть в виде любой графической составляющей, или же любая часть компьютерной программы (компьютерного кода или его части), персонаж в компьютерной игре или варианты его облика. В результате мы получаем некое резиновое понятие, которым при желании можно обозначить всё, что угодно, либо же сузить его до таких пределов, чтобы возможно было употребить термин «виртуальный объект» с целью не прибегать к каким-либо аналогиям и не распространять действие схожего по смыслу понятия, чтобы не плодить тех самых двусмысленных юридических конструкций.

Представляется, что далеко не во всех случаях подобное употребление понятия «виртуальный объект» будет являться оправданным. В частности, стремительный рост экономических отношений в сети Интернет [12] предполагает соответствующий рост монетизации этих отношений, появление определённых злоупотреблений со стороны недобросовестных пользователей и правоприменителя в обращении к термину «виртуальный объект», поскольку существующие доктринальные подходы к толкованию приведённого термина, как указывалось ранее, не дают исчерпывающего понимания того, как следует использовать спорное понятие, в каких случаях к нему следует прибегать и что оно обозначает. При этом проблема определения термина «виртуальный объект» является актуальной как в рамках гражданского оборота, где речь идёт о защите имущественных и личных неимущественных прав граждан, так и в рамках уголовного права, где под угрозой уже могут оказаться не только интересы частных лиц, но и публичные интересы.

Таким образом, в настоящий момент проблема определения понятия виртуального объекта не является решённой. Скорее даже следует говорить о том, что данная проблема никем из исследователей не ставится. И в этой связи может возникнуть вопрос: действительно ли вообще понятие виртуального объекта нуждается в легальном закреплении, или же обороту скорее выгодна существующая ситуация, когда указанный термин не содержится в действующем законодательстве и используется на практике в случаях, когда суды не могут (или не хотят) по разным причинам прибегать к аналогии или созданию новых кон-

струкций, которыми можно было бы обозначить конкретный артефакт?

Далее перейдём к анализу отечественного законодательства для получения ответа на вопрос о том, могут ли виртуальные объекты участвовать в обороте. На основании выводов, которые были сделаны ранее, можно заключить, что в настоящее время фактически при желании можно признать виртуальным объектом любой объект, существующий в пространстве сети Интернет. В этом смысле очевидно, что дать исчерпывающий перечень виртуальных объектов, а также проанализировать каждый из них на возможность участия в обороте едва ли представляется возможным, особенно в отсутствие легальной дефиниции. Соответственно, в рамках данной работы будет проведён анализ интернет-сайта в качестве виртуального объекта.

Ранее уже неоднократно упоминался тот факт, что благодаря отсутствию какого-либо легального закрепления определения понятия виртуального объекта, при необходимости любой исследователь может признать виртуальным объектом абсолютно любой артефакт, который располагается в пространстве сети Интернет. Но какова юридическая природа интернет-сайта? На данный вопрос до недавнего времени существовало несколько позиций.

Как указывалось ранее, в 2006 году К.Е. Коган отмечал склонность юристов к поискам аналогии закона и попыткам приравнять сайт к, например, базам данных. В отсутствие легального определения понятия интернет-сайта такая позиция пользовалась наибольшей популярностью среди юристов-практиков, в то время как теоретики разделились на несколько лагерей: одни, считая сложившуюся на тот момент ситуацию наиболее удачной, поддерживали подход практиков, другие напротив — считали, что необходимо дать понятию интернет-сайта легальное толкование во избежание противоречий и споров.

Как известно, сайт является основным ресурсом в сети Интернет. При этом, с точки зрения информатики и программирования, интернет-сайт представляет собой удалённое от (внешнее для) пользователя объединение системы управления базами данных (программами для ЭВМ), баз данных и данных. Таким образом, интернет-сайт способен функционировать и существует лишь постольку, поскольку у пользователя имеется необходимое клиентское программное обеспечение, а у информационного посредника — программное обеспечение на стороне сервера.

В 2013 году была опубликована статья, в которой, на наш взгляд, представлен интересный взгляд на то, что такое интернет-сайт. Так, автор статьи предлагает следующую трактовку: «интернет-сайтом является представленная в объективной форме совокупность результатов интеллектуальной деятельности, систематизированных в единый объект таким образом, чтобы он мог быть размещён в сети Интернет» [13]. Данное определение является весьма интересным с той точки зрения, что в нём учитываются сразу несколько отличительных черт интер-

нет-сайта, как то: наличие результатов интеллектуальной деятельности, их систематизированность и объективная форма выражения, единство объекта и возможность размещения результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет.

Однако, в 2013 году также появляется Федеральный закон от 07.06.2013 № 112-ФЗ [14], в редакции которого в настоящее время существует легально закреплённое определение понятия сайта в сети «Интернет». В соответствии с легальной дефиницией, интернет-сайт представляет собой «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным имена и (или) сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет». Как мы видим, определение, сформулированное законодателем, опирается скорее на техническую составляющую сущности интернет-сайта, не учитывая при этом наличие результатов интеллектуальной деятельности (которые можно найти практически на любом сайте) (например — Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08, где суд отменил решение первой и кассационной инстанций и указал на необходимость оценивать интернет-сайт как составное произведение, автору которого принадлежит авторское право на осуществлённый им подбор или расположение материалов, представляющих результат творческого труда [15]).

Итак, после того, как некоторое представление о правовой природе интернет-сайта сложилось, следует перейти непосредственно к обсуждению оборотоспособности интернет-сайта. Статья 129 ГК РФ делит все объекты гражданских прав на три группы: вещи, не ограниченные в обороте; вещи, ограниченные в обороте; и вещи, изъятые из оборота. Для того, чтобы отнести интернет-сайт к одной из указанных категорий, необходимо сначала указать, что, безусловно, сайт в сети Интернет является объектом гражданских прав, даже исходя из формулировки, приведённой в статье 2149-ФЗ. Как мы помним, в законе интернет-сайт определяется как совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации — то есть, интернет-сайт законодатель определяет через такие вещи (в широком смысле слова), которые по отдельности могут выступать объектом гражданских прав. И, говоря об оборотоспособности интернет-сайта в данной части можно исходить из следующего: поскольку составные части, через которые законодатель определяет интернет-сайт, могут участвовать в обороте и являться объектами гражданских прав, то и сам интернет-сайт может участвовать в гражданском обороте.

Кроме того, в отношении оборота интернет-сайтов существует одна интересная особенность, которая заключается в том, что на них распространяет своё действие статья 1240 ГК РФ [16]. То есть, для того, чтобы на своём интернет-сайте его администратор смог разместить какие-либо результаты интеллектуальной деятельности, ему нужно

заключить с обладателем исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности договор об отчуждении исключительных прав или же лицензионный договор. При этом интернет-сайт рассматривается в правоприменительной практике как сложный объект, на что указывалось ранее, и за автором результата интеллектуальной деятельности, который был использован в сложном объекте (размещён на интернет-сайте) сохраняются права авторства и другие личные неимущественные права на такой результат.

И в данной связи возникает ещё один интересный вопрос: если лицо, владеющее интернет-сайтом, решит его продать, а предварительно на интернет-сайте были размещены результаты интеллектуальной деятельности иного лица на основании лицензионного договора, что тогда будет с лицензионным договором и возможностью дальнейшего размещения результата интеллектуальной деятельности на сайте? Очевидно, что в большинстве случаев стоимость, по которой будет продаваться интернет-сайт, будет напрямую зависеть от его содержания, наполнения, контента, соответственно результат интеллектуальной деятельности может занимать очень существенную роль в оценке стоимости сайта как объекта гражданских прав. По-видимому, в данной ситуации нужно будет руководствоваться правилами статьи 1232 ГК РФ в случаях, когда необходима государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности.

Что же касается возможности наследования интернет-сайта, то здесь можно отметить следующее. Исходя из положений статей 128–129 ГК РФ, интернет-сайт является объектом гражданских прав, при этом таким объектом, который может свободно отчуждаться. В статье 1112 ГК РФ также не содержится указаний на какие-либо ограничения в части возможности наследования интернет-сайта, поскольку абзац 1 данной статьи говорит о том, что в состав наследства входят принадлежащие правообладателю на день открытия наследства вещи и иное имущество. Однако, как мы помним, 149-ФЗ определяет интернет-сайт в качестве совокупности программ для ЭВМ и иной информации, так вот можно ли в таком случае признать сайт «иным имуществом»? Представляется, что ни-

каких ограничений в данной части действующее законодательство не содержит, и риски, которые может повлечь признание интернет-сайтов «иным имуществом», не являются существенными.

Таким образом, в итоге мы получаем, что интернет-сайт является вполне оборотоспособным объектом гражданских прав, на который, однако, будут распространяться все положения действующего законодательства относительно авторских прав и прав на результаты интеллектуальной деятельности, поскольку правоприменительная практика рассматривает интернет-сайт в качестве сложного объекта гражданских прав со всеми вытекающими последствиями.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать несколько выводов. Прежде всего, хотелось бы ещё раз обратить внимание на неразработанность проблемы определения понятия «виртуального объекта» в России и за рубежом. В настоящее время исследователи будто игнорируют (специально или намеренно) вопросы о том, что можно считать виртуальным объектом, где критерии его определения. В результате подобного отношения правоприменитель использует понятие «виртуального объекта» в любых случаях, когда у него нет желания или возможности иным образом определить конкретный объект, находящийся в пространстве сети Интернет, что не всегда можно назвать обоснованным. Кроме того, в результате отсутствия внимания со стороны законодателя и теоретиков, сейчас понятие «виртуального объекта» является неким неопределённым резиновым термином, которому можно при желании придавать любую форму. Возможно, именно с этой целью законодатель и уходит от определения указанного понятия. Остаётся только надеяться, что подобное решение не повлечёт за собой проблемы для правоприменительной практики.

Относительно возможности интернет-сайта участвовать в гражданском обороте по итогу проведённого анализа можно сделать вывод, что никаких указаний, запрещающих или ограничивающих оборот интернет-сайтов, отечественное законодательство не содержит. Таким образом, интернет-сайт является оборотоспособным объектом на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Савельев, А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1; СПС «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448. — (в ред. от 19 декабря 2016 г.). — СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — (в ред. от 07 фев. 2017 г. — СПС «Консультант Плюс».
4. [Электронный ресурс]: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ № ВАС-8143/11 по делу № А40–116118/09–104–553 от 30.06.2011 // СПС «Консультант Плюс».
5. [Электронный ресурс]: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам № С01–958/2016 по делу № СИП-193/2016 от 05.12.2016 // СПС «Консультант Плюс».

6. [Электронный ресурс]: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам № С01–762/2014 по делу № СИП-356/2013 от 03.09.2014 // СПС «Консультант Плюс».
7. Архипов, В. В., Азизов Р. Ф. О. Отношения в сети Интернет формата WEB 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием // Закон. 2014. № 1.
8. Lehdonvitra, V. Virtual Worlds Don't Exist: Questioning the Dichotomous Approach in MMO Studies // Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. Vol 10. Issue 1. April 2010 // URL: <http://gamestudies.org/1001/articles/lehdonvirta> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Коган, К. Е. К вопросу о правовом режиме виртуальных объектов права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы международной VI научной конференции молодых учёных (г. Самара, 28–29 апреля 2006 г.) — Самара: «Универс-групп», 2006. с. 307–309.
10. What is the meaning of virtual objects? [Электронный ресурс]: информ. ресурс. // Quora: [сайт]. — URL: <https://www.quora.com/What-is-the-meaning-of-virtual-objects> (дата обращения: 08.03.2017).
11. Virtual object [Электронный ресурс]: информ. ресурс. // PHORIO Standards: [сайт]. — URL: <https://standards.phorio.com/?t=definition&code=6388779521> (дата обращения: 07.03.2017).
12. Архипов, В. В., Килинкарлова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6.
13. Мазур, Е. А. Правовой режим интернет-сайта как сложного объекта по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). с. 132–134.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]: федер. закон от 7 июня 2013 г. № 112-ФЗ // Рос. газ. — 2013. — 11 июня — СПС «Консультант Плюс».
15. [Электронный ресурс]: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 255/08 по делу № А63–14046/2006-С1 от 22.04.2008.
16. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Рос. газ. — 2006. — 22 дек. — (в ред. от 03 июля 2016 г.). — СПС «Консультант Плюс».

Уголовно-правовая норма в Российской Федерации: понятие и структура

Галочкина Анастасия Алексеевна, магистрант

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассмотрены вопросы, связанные с содержанием понятия уголовно-правовой нормы, соотношением статьи уголовного кодекса РФ и уголовно-правовой нормы. Приводятся точки зрения юристов-исследователей на структуру уголовно-правовой нормы, аргументируется позиция самого автора.

Ключевые слова: *уголовно-правовая норма, гипотеза, диспозиция, санкция, двухчленная структура правовой нормы, трехчленная структура правовой нормы, норма-предписание*

Норма права — форма выражения права; санкционированное государством обязательное правило общего характера (закон, указ, постановление) в той или иной области общественных отношений. Совокупность норм права, регулирующих однородные отношения, образует отрасль права (гражданское, уголовное право и т. д.) [1, с. 156]. Как писал академик О. Е. Кутафин, правовые нормы — это как бы кирпичики, из которых строится здание, называемое системой права.

Уголовно-правовая норма — это правило, закрепленное в уголовном законе, устанавливающее запреты на совершение общественно опасных деяний и регулирующее отношения, возникающие в связи нарушением таких запретов. В юридической литературе понятие уголовно-правовой нормы трактуется, как общеобязательное правило

поведения, предоставляющее участникам уголовно-правовых отношений юридические права и возлагающие на них юридические обязанности, направленные на регулирование общественных отношений и их охрану от преступных посягательств. Эти правила закреплены в Уголовном Кодексе и состоят из Общей и Особенной частей, где в Общей части описаны задачи и принципы уголовного кодекса, понятие преступления и его виды, неоконченное преступление, основания уголовной ответственности, соучастие в преступлении, обстоятельства, исключающие преступность деяния, понятие и цели, виды и назначения наказания, и др.

Большинство норм Общей части УК имеет регулятивный характер, их применение само по себе не сопряжено с конкретным преступлением.

Необходимо различать уголовный закон и уголовно-правовую норму. Многие ученые-юристы считают, что уголовный закон или его статья выступает в качестве формы выражения норм уголовного права, то есть, закон является формой, а норма — его содержанием [2, с. 278]. В настоящее время, некоторые исследователи считают это утверждение необоснованным, поскольку содержание и форма — это категории, характеризующие различные грани одних и тех же явлений, из чего следует, что уголовно-правовая норма и статья закона имеют собственные содержание и форму [3, с. 18].

Можно выделить следующие варианты соотношения нормы и статьи закона:

1) уголовно-правовая норма содержится в одной статье закона или одна статья Уголовного кодекса содержит одну норму права. Примером может служить ст. 110 УК РФ, содержащая одну норму о доведении до самоубийства;

2) уголовно-правовая норма формулируется в нескольких статьях Уголовного кодекса. Например, норма о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления формулируется законодателем в четырех статьях УК РФ — 150, 151, а также в статьях 112, 113, 114 — норма о причинении вреда здоровью средней тяжести;

3) одна статья Уголовного кодекса может содержать две или более уголовно-правовые нормы. Так, ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией» УК РФ содержит в себе одновременно норму о заражении ВИЧ-инфекцией другого лица лицом, заведомо знавшим о наличии у него болезни и норму о заражении ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Под структурой уголовно-правовой нормы понимается совокупность ее элементов, их взаиморасположение и взаимосвязь. Правильное понимание структуры уголовно-правовой нормы очень важно как с практической, так и с теоретической точки зрения. Практический аспект подразумевает применение этих норм для квалификации преступления и определения меры уголовной ответственности. С другой стороны, невозможно совершенствовать уголовное законодательство, не имея правильного представления о структуре правовой нормы.

Существуют два основных взгляда на структуру уголовно-правовой нормы: норма права строится на правилах «если — то — иначе» (трехэлементная структура, т. е. гипотеза — диспозиция — санкция) и норма права строится на правилах «если — то» (двухэлементная формула: гипотеза-диспозиция). Гипотезой называют ту часть нормы, которая указывает на условия вступления нормы в действие, другими словами, дает описание юридических фактов. Диспозиция — это часть нормы, указывающая на юридические права и обязанности субъектов. Санкция — та часть нормы, которая указывает на меры правового принуждения, следующие за нарушение диспозиции, и словесная схема такого подхода выглядит следующим образом: «если..., то..., а в противном случае...». [4,

с. 512]. Деление юридических норм на гипотезу, диспозицию и санкцию впервые было предложено С. А. Голунским совместно с М. С. Строговичем — юристами, написавшими в 1940 году первый советский учебник «Теория государства и права». В качестве примера проанализируем статью 124 УК РФ: «Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, — наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев. Логические элементы анализируемой правовой нормы можно кратко сформулировать так: если лицо обязано оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом (гипотеза), но не оказал ее без уважительных причин, что повлекло причинение средней тяжести вреда здоровью больного (диспозиция), то это лицо наказывается штрафом и т. д. (санкция).

В определенной степени все юридические нормы находятся в неразрывной взаимосвязи между собой. В одном случае санкция одной нормы права может быть диспозицией другой. В другом — гипотезы могут быть диспозициями других норм права [5, с. 118].

Одна группа исследователей-сторонников двухэлементной структуры уголовно-правовой нормы считает, что в них гипотеза отсутствует. Так З. А. Незнамова, отмечая небеспорность своего мнения, утверждает, что «...в уголовном праве общепринята двухчленная классификация: диспозиция (где указываются деяния, которые признаются преступлениями и за совершение которых устанавливается наказание) и санкция (часть уголовно-правовой нормы и часть статьи УК РФ, определяющая вид и размер наказания)» [6, с. 310].

Ю. М. Ткачевский отмечает, что «...гипотеза в уголовно-правовой норме не приводится — она только предполагается примерно в следующей форме: «если кто-либо совершит убийство», а далее следует диспозиция, определяющая, что следует понимать под убийством» [7, с. 401].

О двухчленной структуре уголовно-правовой нормы говорил также В. Г. Смирнов. По его мнению, она состоит из гипотезы и санкции, причем санкция трактуется как диспозиция данной нормы, потому что санкция обращена к органам власти, которые определяют вид конкретного наказания за совершение преступления [8, с. 56].

Схожую позицию занимают Е. А. Крашенинников и Т. Н. Лисова, говоря, что «любая правовая норма складывается из двух рефлексированных друг в друга частей: гипотезы, указывающей на условия, при наличии которых возникают субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные диспозицией, и диспозиции, которая указывает на субъективные права и юридические обязан-

ности, возникающие при наличии предусмотренных гипотезой условий. В юридических нормах, рассчитанных на конфликтные ситуации, вторая часть называется санкцией, а все нормы данного вида фигурируют в качестве охранительных по отношению к охраняемым ими регулятивным нормам права» [9, с. 11].

Е. Я. Мотовиловкер писал: «...ни гипотеза, ни диспозиция логически непосредственно с санкцией не связаны: гипотеза — потому что она есть условие, влекущее диспозицию; диспозиция — потому что она как структурное образование является правовым последствием, заканчивающим нормативное предписание. Диспозиция сама по себе логически не способна вызвать санкцию. Таким образом, санкция в компании с гипотезой и диспозицией остается без своего логического основания. Выходит, что концепция трехчленности юридической нормы не в состоянии выразить правовую норму как структурное образование, как способ связи определенных элементов, ибо ее модель структуры нормы содержит в себе логический пробел в отношении «диспозиция-санкция»» [10, с. 14].

Вместе с тем, многие ученые считают, что смысловое содержание каждого элемента правовой конструкции невозможно понять вне связи и соотношении с другими элементами, поэтому нельзя рассматривать части двухэлементной уголовно-правовой нормы, как «гипотезу и диспозицию» или как «гипотезу и санкцию». Например, В. Д. Перевалов отмечает, что «...структуру правовой нормы можно представить как систему диалектически взаимосвязанных элементов, которые взаимодействуют в ее рамках». И далее: «Указанные элементы могут взаимозаменяться, превращаться друг в друга, объединяться и выступать в единстве» [11, с. 219].

Существует точка зрения, что гипотеза в нормах УК есть, но она одна для всех норм Особенной части УК и вытекает она из положений Общей части. А. Н. Комиссаров поддерживает эти взгляды и указывает, что гипотеза норм Особенной части УК РФ выражается в ч. 1 ст. 14 УК РФ, а именно в словосочетании «...запрещенное настоящим Кодексом...» и, следовательно, структура уголовно-правовых норм является трехчленной [12, с. 428].

А. В. Сумачев так же утверждает, что и в уголовно-правовой норме наличествуют три взаимосвязанных элемента: гипотеза, диспозиция и санкция. При этом гипотеза уголовно-правовой нормы является сложной по своей структуре и содержится в статьях Общей части УК РФ и не может быть единой для всех норм, ибо различаются возраст уголовной ответственности, условия правомерности необходимой обороны в зависимости от характера посягательства и т. п. А. В. Сумачев считает, что норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, в большинстве случаев не является уголовно-правовой нормой, а является нормой иных отраслей российского и международного права. По его мнению, санкция уголовно-правовой нормы — это меры принуждения, которые могут применяться за совершение действий (бездействия),

указанных в диспозиции нормы, и при наличии условий, определенных ее гипотезой [13, с. 37].

Ю. С. Жицинский, сторонник трехчленной структуры нормы права, писал: «Без диспозиции норма немыслима, без гипотезы — бессмысленна, без санкции — бессильна» [14, с. 31]. С ним солидарна Т. В. Кленова, которая говорит, что норма является самостоятельной, только если в ней наличествуют все три элемента: «...При отсутствии хотя бы одной из трех указанных составных частей структуры все сообщаемое в норме правило теряет логическую осмысленность и целостность, и механизм правового регулирования оказывается не обеспеченным нормой» [15, с. 97].

Сторонником трехчленной структуры является и Марчук В. В. Он пишет: «Отрицание гипотезы уголовно-правовой нормы либо отождествление ее с диспозицией, ставит под сомнение основание и условие, при которых норма должна применяться. Диспозиция закрепляет для всех граждан юридическую обязанность не совершать запрещенных деяний, определяя, таким образом, пределы дозволенного поведения. Санкция уголовно-правовой нормы непосредственно связана с гипотезой и диспозицией» [16, с. 169].

Некоторые ученые утверждают, что в структуру уголовно-правовой нормы входят четыре элемента. Так Г. О. Петрова выделяет в качестве компонентов уголовно-правовой нормы следующие: гипотезу, включающую фактическую конструкцию, субъектов уголовно-правового отношения, диспозицию и санкцию [17, с. 57].

Как следует из представленного обзора, существует множество точек зрения на проблему структуры уголовно-правовой нормы. Все модели структуры при этом имеют как достоинства, так и недостатки.

По нашему мнению, ошибочно утверждать, что все уголовно-правовые нормы имеют только трехчленную или двухчленную структуру и согласны с С. С. Алексеевым, который предложил использовать оба подхода (двухчленный и трехчленный) к структуре правовой нормы и ввел понятия логической нормы и нормы-предписания. Логическая норма выражает связи между нормативными предписаниями и в большинстве случаев содержится в нескольких статьях одного или нескольких нормативных актов.

Норма-предписание, как правило, соответствует первичной структурной части текста нормативного акта. Норма-предписание — это цельное, логически завершенное и формально закрепленное государственно-властное веление. Структура нормы-предписания выражается формулой «Если-то», т. е. являются двухчленными [18, с. 243]. Норма-предписание предусмотрена, в частности, в ст. 8 УК РФ, которая определяет основание уголовной ответственности. Она относится к числу фундаментальных положений отечественного уголовного права.

Уголовно-правовые нормы, представленные в Особенной части УК РФ имеют трехчленную структуру, при этом гипотеза отражается в Общей части Уголовного ко-

декса. В частности, в главе 10 УК РФ изложены общие начала назначения наказания.

Диспозицией являются деяния, описанные в статьях Особенной части. Каждая статья может содержать одну или несколько диспозиций. Так статья ст. 116 УК РФ описывает поведение, классифицируемое как побой.

Санкция — это вид и размер наказания за совершенные деяния (побои). Размер и вид наказания законодатель определяет в зависимости от характера и степени тяжести противоправного деяния. Каждой диспозиции со-

ответствует санкция. В каждой статье кодекса имеется одна или несколько санкций. В ст. 116 УК РФ предусмотрены такие санкции, как обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года и т. д.

Описанный выше подход, по нашему мнению, должен способствовать корректному выбору нормы, соответствующей фактическим обстоятельствам уголовного дела и правильному ее толкованию. Зачастую от этого зависит жизнь человека.

Литература:

1. Теория государства и права. Власенко Н. А. — Учебное пособие — М.: 2011. — 416 с.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. Т. 1: Общая часть. — 496 с.
3. Новоселов, Г. П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание и структура / Г. П. Новоселов // Российское право: образование, практика, наука. — 2015. — № 6. — с. 15–19
4. Мелехин, А. В. Теория государства и права. М.: 2007. — 640 с.
5. Протасов, В. Н. Лекции по общей теории права и теории государства: учебник / В. Н. Протасов, Н. В. Протасова. М.: Городец, 2010. — 192 с.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. М.: ИНФРА-М — НОРМА, 1997. — 516 с.
7. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. — 592 с.
8. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1965. — 86 с.
9. Крашенинников, Е. А. Структура нормы права / Е. А. Крашенинников, Т. Н. Лисова // Философские проблемы объективного права. Ярославль. — 1990. — с. 21.
10. Мотовиловкер, Е. Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж, 1989. — с. 35.
11. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1998. — 570 с.
12. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. — 512 с.
13. Сумачев, А. В. К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы // Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2005. — с. 37–38
14. Жицинский, Ю. С. Санкции нормы гражданского права. Воронеж, 1968. — с. 44.
15. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. — с. 161.
16. Марчук, В. В. Структура уголовно-правовой нормы / В. В. Марчук // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 17. — Минск: БГУ, 2006. — с. 162–175.
17. Петрова, Г. О. Норма и правоотношение — средства уголовно-правового регулирования. Н. Новгород, 1999. — с. 126.
18. Алексеев, С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. — 305 с.

Особенности исполнительного розыска ребенка

Деминова Виктория Юрьевна, студент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Розыск ребенка — лишь одно из направлений деятельности судебного пристава-исполнителя. От того, насколько качественно будет произведена данная деятельность, будет зависеть в целом реальное восстановление нарушенных прав ребенка, предусмотренные СК РФ, в

частности права ребенка жить и воспитываться в семье, знать своих родителей, право на общение с родителями и иными родственниками, право ребенка выражать свое мнение (ст. 54,55) [1]. Согласно ведомственной статистической отчетности по всей стране за 2016 год в ведении

ФССП находилось 55 исполнительных производств по делам о розыске ребенка, в 2015 году — 56 [2]; из них прекращено фактическим исполнением в 2016 году — 52, в 2015—53.

Заметим, что ранее всякая деятельность по розыску детей (в том числе в рамках гражданского процесса) относилась к ведению МВД, затем ее часть была передана ФССП. В тоже время розыск детей, пропавших без вести либо при обстоятельствах, которые могут свидетельствовать о криминальном характере их исчезновения остался в компетенции МВД России, и регламентируется Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об исполнительном производстве» [4] (далее — ФЗ № 229) предусматривает исполнительный розыск ребенка в случае, если совершенные судебным приставом-исполнителем действия, предусмотренные законом, не привели к установлению местонахождения ребенка (ст. 65).

В соответствии с п. 1.1 ч. 1 статьи 65 ФЗ № 229 под исполнительным розыском должника, его имущества или исполнительным розыском ребенка понимаются проводимые судебным приставом-исполнителем, на которого возложены функции по розыску, предусмотренные данной статьей, исполнительно-розыскные действия, направленные на установление местонахождения должника, имущества должника или местонахождения ребенка. Анализ названной статьи позволяет выделить два основных этапа всякого исполнительного розыска (в том числе розыска ребенка): 1) подготовка судебного пристава-исполнителя к совершению исполнительно-розыскных действий (организация); 2) совершение судебным приставом-исполнителем исполнительно-розыскных действий (производство розыска).

Для объявления исполнительного розыска необходима совокупность следующих фактов: возбуждение исполнительного производства; совершение судебным приставом-исполнителем исполнительных действий, направленных на установление местонахождения ребенка в срок, предусмотренный ст. 36 ФЗ № 229; безрезультатность принудительных действий (ст. 64 ФЗ № 229).

В целях наиболее детальной регламентации исполнительного розыска, в том числе розыска ребенка, Министерством юстиции были приняты «Методические рекомендации по организации и производству исполнительного розыска в Федеральной службе судебных приставов (утв. ФССП России 17.04.2014)» [5] (далее — Методические рекомендации). Данный акт описывает процедуру розыска и предшествующие ему действия судебного пристава-исполнителя, когда как Закон содержательную часть деятельности по розыску ребенка не регламентирует.

Согласно ст. 65 ФЗ № 229, п. 2.1.2. Методических рекомендаций исполнительный розыск объявляется по своей инициативе судебным приставом-исполнителем либо же объявляется по заявлению взыскателя по испол-

нительному документу, который содержит одно из следующих требований: 1) об отобрании ребенка; 2) о передаче ребенка; 3) о порядке общения с ребенком; 4) о возвращении ребенка незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации; 5) об осуществлении в отношении ребенка незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации прав доступа на основании международного договора Российской Федерации.

В целях обеспечения исполнения обязательств по международному договору Российской Федерации на основании запроса центрального органа судебный пристав-исполнитель объявляет розыск ребенка, незаконно перемещенного или удерживаемого в Российской Федерации. Центральным органом, отправляющим обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [6] (далее — Конвенция 1980 г.), постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 года № 1097, определено Министерство образования и науки Российской Федерации [7]. Таким образом, в распоряжении судебных приставов-исполнителей имеется закрытый, не подлежащий расширению перечень предпосылок для возбуждения исполнительного розыска ребенка.

Согласно Конвенции 1980 г. действия родителя будут рассматриваться как международное похищение при наличии следующих условий: 1) ребенок постоянно проживал в России (или другой стране — участнице Конвенции); при этом гражданство ребенка и родителей не имеет значения и не учитывается при вынесении решения о возвращении (ст. 4); 2) ребенок перемещен или удерживается за границей с нарушением прав опеки, причем эти права эффективно осуществлялись до его перемещения (ст. 3); 3) ребенок не достиг 16-летнего возраста (ст. 4). При этом термин «похищение», употребляемый в Конвенции, нельзя толковать буквально. Конвенция 1980 г. распространяется на случаи, когда целью перемещения или удержания ребенка является желание осуществлять в отношении его право, связанное с заботой о личности ребенка, включая право определять место его жительства или право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания.

Исполнительный розыск ребенка объявляется по месту исполнения исполнительного документа либо по последнему известному месту жительства или месту пребывания ребенка. Основанием для осуществления такого розыска является объявление розыска на территории Российской Федерации, а также на территориях иностранных государств. В последнем случае учитывается наличие международного договора между Российской Федерацией и государством, на территории которого запрашивается правовая помощь (например, договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Пекине 19.06.1992)), а также факт того,

предусматривается ли данным договором оказание соответствующей правовой помощи. Непосредственно объявление розыска ребенка производится на основании соответствующего заявления взыскателя либо по инициативе судебного пристава-исполнителя, в производстве которого находится исполнительное производство, при наличии оснований, указанных в ч. 3, 4, 5 статьи 65 ФЗ № 229.

Возбуждение исполнительного производства по розыску ребенка оформляется постановлением, которое выносится судебным приставом-исполнителем в течение суток с момента поступления к нему заявления взыскателя об объявлении розыска или со дня возникновения оснований для объявления розыска.

Начало исполнительного розыска ребенка, обусловленное вынесением судебным приставом-исполнителем постановления о розыске, утверждается старшим судебным приставом либо его заместителем. Далее утвержденное постановление о розыске с приложением копии исполнительного документа, копии постановления о возбуждении исполнительного производства, копии заявления взыскателя об объявлении розыска (при необходимости такового), справки о проведенных процессуальных действиях по установлению местонахождения должника, его имущества или ребенка — направляется судебному приставу-исполнителю, осуществляющему розыск.

Второй этап проведения исполнительного розыска, выявленный при анализе ст. 65 ФЗ № 229 — производство розыска — включает в себя совокупность исполнительно-розыскных действий, совершаемых судебным приставом-исполнителем в рамках производства розыска, в целях отыскания ребенка.

Пункт 10 ст. 65 ФЗ № 229, п. 3.4. Методических рекомендаций содержит положение, согласно которому при производстве исполнительного розыска судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск ребенка, совершает следующие исполнительно-розыскные действия: запрашивает из банков данных оперативно-справочной, розыскной информации и обрабатывает необходимые для производства розыска персональные данные, в том числе сведения о лицах и об их имуществе, проверяет документы, удостоверяющие личность гражданина, если имеются основания полагать, что он удерживает ребенка, находящегося в розыске, осуществляет отождествление личности, опрашивает граждан, наводит справки, изучает документы, осматривает имущество, обследует помещения, здания, сооружения, участки местности, занимаемые разыскиваемыми лицами или принадлежащие им, а также транспортные средства, принадлежащие указанным лицам.

Весьма важно отметить, что производство розыска ограничено перечисленными в п. 10 ст. 65 ФЗ № 229 исполнительно-розыскными действиями. При этом розыску детей, осуществляемому в рамках исполнительного производства, способствует привлечение частного сыска, что не запрещено ст. 65 ФЗ № 229. Напротив, согласно п. 8 ч. 2 ст. 3 Закона Российской Федерации от 11 марта 1992

№ 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности» [8] поиск ребенка по исполнительному документу, содержащему требование об отобрании ребенка, может осуществляться на договорной основе с взыскателем.

Основным документом, который ведется в ходе исполнительного розыска, является розыскное дело. Кроме вышеуказанных документов, розыскное дело обязательно включает в себя План розыскных мероприятий, состоящий из конкретных исполнительных и исполнительно-розыскных действий, с указанием конкретных сроков исполнения. Данный План утверждается старшим судебным приставом территориального ПССП. В соответствии с ч. 3 ст. 35 ФЗ № 229 судебный пристав-исполнитель осуществляет розыскное мероприятие, по общему правилу, в нерабочие дни с 22 часов до 6 часов. Поэтому при планировании розыскных мероприятий необходимо учитывать данное требование Закона.

В процессе осуществления розыска ребенка судебный пристав-исполнитель распространяет биометрические данные ребенка в территориальных ПССП, в зданиях судов, местах массового скопления людей, в средствах массовой информации, а также на официальном сайте ФССП России в разделе «розыск».

Обнаружение разыскиваемого ребенка является основанием для прекращения розыскного дела. Далее незамедлительно выносится постановление о прекращении розыскного дела, которым фактически заканчивается исполнительный розыск. О прекращении исполнительного розыска уведомляются взыскатель и судебный пристав-исполнитель, на исполнении которого находится исполнительное производство.

Пункт 3.14 Методических рекомендаций содержит положения о прекращении розыскного дела. В частности, указывается, что по факту обнаружения разыскиваемого ребенка пристав-исполнитель сообщает об этом органам опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка и принимает меры для передачи ребенка законному представителю, опекуну или попечителю, которому должен быть передан ребенок во исполнение требования исполнительного документа. В случае невозможности немедленной передачи ребенка судебный пристав-исполнитель передает ребенка органам опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка, о чем незамедлительно извещает указанного законного представителя, опекуна или попечителя.

Несомненно, при совершении исполнительно-розыскных действий судебный пристав-исполнитель обязан обеспечить соблюдение прав человека и гражданина, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Также в ходе исполнительного розыска судебному приставу запрещается разглашать сведения, составляющие личную и семейную тайну [9]. При осуществлении исполнительного розыска, в частности, при решении вопроса о передаче ребенка, необходимо учитывать положения ст. 57 СК РФ «Право ребенка выражать свое мнение».

Обращая внимание на формулировки норм об исполнительном розыске ребенка ФЗ № 229, в заключение мы не могли не заметить, что норма ст. 65 не должна содержать указание на розыск ребенка наряду с розыском имущества должника. В последнем случае речь идет о защите имущественного права лица, тогда как исполнительным розыском обеспечивается защита личных прав и интересов несовершеннолетних и иных членов семьи.

Таким образом, действующее законодательство наделило Федеральную службу судебных приставов РФ действенным механизмом исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов, а именно возможностью организации и производства эффективного исполнительного розыска, о чем свидетельствуют данные ведомственной статистической отчетности.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Ведомственная статистическая отчетность. [Электронный ресурс]. URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 20.02.2017).
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Об исполнительном производстве» Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 30.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.
5. Методические рекомендации по организации и производству исполнительного розыска в Федеральной службе судебных приставов: письмо > ФССП России от 18.04.2014 № 0014/10 (ред. от 15.09.2014), утв. ФССП России 17.04.2014) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=170808&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9756986944291657#0> (дата обращения: 19.02.2017).
6. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (заключена в г. Гааге 25.10.1980) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 51. Ст. 7452.
7. О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: постановление Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 141.
8. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в ред. от 03.07.2016) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 888.
9. Михин, А. В. Преимущества исполнительного розыска должника-гражданина в рамках исполнительного производства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-ispolnitelnogo-rozyska-dolzhnika-grazhdanina-v-ramkah-ispolnitelnogo-proizvodstva> (дата обращения: 22.02.2017).

Проблемы охраны и учёта объектов культурного наследия Оренбургской области и города Оренбурга

Дьячкова Ирина Сергеевна, студент;

Петрищев Вадим Павлович, доктор географических наук, доцент, заведующий кафедрой
Оренбургский государственный университет

Объекты культурного наследия (далее ОКН) представляют собой уникальную ценность как неотъемлемая часть культурного наследия и свидетели исторических событий, способствующие устойчивому развитию общества.

Город Оренбург имеет многоликую и насыщенную историю, которая оставила отпечатки в виде памятников истории и культуры. Важность и значимость этих объектов соизмерима, пожалуй, только с памятниками природы. В настоящее время вопросы охраны объектов культурного наследия становятся все более актуальными, а

вместе с ростом необходимости в сохранении и популяризации памятников возрастает необходимость государственного учета этих объектов одновременно как памятников истории и культуры и как особого вида объектов недвижимости.

В целях охраны и сохранения ОКН для каждого объекта определяют: территорию (как объекта градостроительной деятельности особого регулирования) и зоны охраны (охранная зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природ-

ного ландшафта), в пределах границ которых определяют режимы использования и градостроительные регламенты [1].

Территорией объекта культурного наследия называется территория, на которой расположен этот объект, которая связана с объектом исторически и функционально. Границы территории устанавливаются проектом границ территории объекта культурного наследия, который оформляется в графической форме и в текстовой форме (в виде схемы границ). Для установления зон охраны оформляется проект зон охраны памятников истории и культуры, который утверждается актом органа государственной власти. Сведения о зонах охраны и территориях объектов культурного наследия вносятся в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и представляются в орган, осуществляющий деятельность по ведению государственного кадастра недвижимости [1].

Зоны охраны ОКН относятся к ЗОУИТ. В реестр границ Единого государственного реестра недвижимости вносятся следующие сведения о зонах с особыми условиями использования территорий, территориях объектов культурного наследия:

- 1) индивидуальные обозначения таких зон и территорий (вид, тип, номер, индекс и другие обозначения);
- 2) описание местоположения границ таких зон и территорий;
- 3) наименования органов государственной власти или органов местного самоуправления, принявших решения об установлении таких зон, о создании таких территорий;
- 4) реквизиты решений органов государственной власти или органов местного самоуправления об установлении или изменении таких зон [2].

Так как зоны с особыми условиями использования территорий являются объектами землеустройства, для внесения в государственный кадастр недвижимости подготавливают карту (план) объекта землеустройства.

Для подготовки карты (плана) территории и зон охраны ОКН используются сведения из паспорта и охранного обязательства. Паспорт памятника истории и культуры содержит информацию, касающуюся исторической ценности объекта. В его состав включаются сведения о полном наименовании объекта; об основных временных характеристиках, категория объекта культурного наследия, номер и дата принятия органом государственной власти решения о включении объекта в реестр; сведения о местоположении объекта, сведения о границах территории объекта и описание непосредственно предмета охраны и ценности объекта, фото-материалы и сведения о границах зон охраны объекта с указанием номера акта принятия решения об утверждении зон охраны объекта.

Охранное обязательство собственника или иного владельца составляется для объектов культурного наследия, включенного в реестр. В нем указываются требования при содержании и использовании такого объекта к сохранению, содержанию и использованию объекта, к обе-

спечению доступа к объекту. Если требования, которые указаны в охранном обязательстве, не устраивают собственника, он имеет право обжаловать их в суде.

В целях описания местоположения и внесения в ГКН границ территорий и зон охраны ОКН определили следующие этапы: подготовительные работы; формирование цифровой модели зон охраны и территорий; предварительное согласование цифровой модели объекта землеустройства; подготовка и согласование карт (планов) объекта землеустройства заказчику и в государственный фонд данных; сопровождение внесения в ГКН территорий и зон охраны объектов культурного наследия [1].

Для большинства памятников истории и культуры в Оренбургской области характерны следующие проблемы, связанные с сохранением, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия:

1. большинство выявленных объектов культурного наследия не имеет документации, необходимой для их регистрации в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ;
2. большинство объектов культурного наследия не имеет охранных обязательств;
3. земельные участки под памятниками архитектуры в ряде случаев числятся в кадастре как ранее учтенные, не имеют правоустанавливающих документов;
4. в кадастре недвижимости в основном отсутствует информация об охранных обязательствах в отношении объектов культурного наследия;
5. большинство памятников археологии не имеют утвержденных зоны охраны объектов культурного наследия и утвержденных режимов использования земель;
6. зоны охраны объектов культурного наследия не имеют точных географических координат и нанесены на документах территориального планирования условно;
7. многие здания-памятники, находятся в неудовлетворительном техническом состоянии;
8. не установлены эффективные механизмы привлечения внебюджетных средств для проведения реставрационных работ на объектах культурного наследия.

Также существуют некоторые проблемы в сфере кадастрового учета объектов истории и культуры на территории города Оренбурга. К таким случаям можно пересечение территориальных зон с земельными участками, где не соблюдаются правила хозяйствования, введенные на территории памятника истории и культуры; проблемы постановки на кадастровый учет многоквартирных домов, которые являются памятниками истории и культуры, но при этом относятся к жилым домам; частые случаи пересечения охранных зон памятников истории и культуры с другими охранными зонными и земельными участками; нахождение на территории памятников истории и культуры не поставленных на кадастровый учет земельных участков.

На состояние 24.01.2014 поставлены на кадастровый учет 45 территорий объектов культурного наследия, 9 ох-

ранных зон. Например, зона охраняемого природного ландшафта объекта культурного наследия федерального значения «Здание Оренбургского высшего авиацион-

ного училища, в котором в 1955–1957 гг. учился первый в мире летчик-космонавт Гагарин Юрий Алексеевич» (рисунок 1).

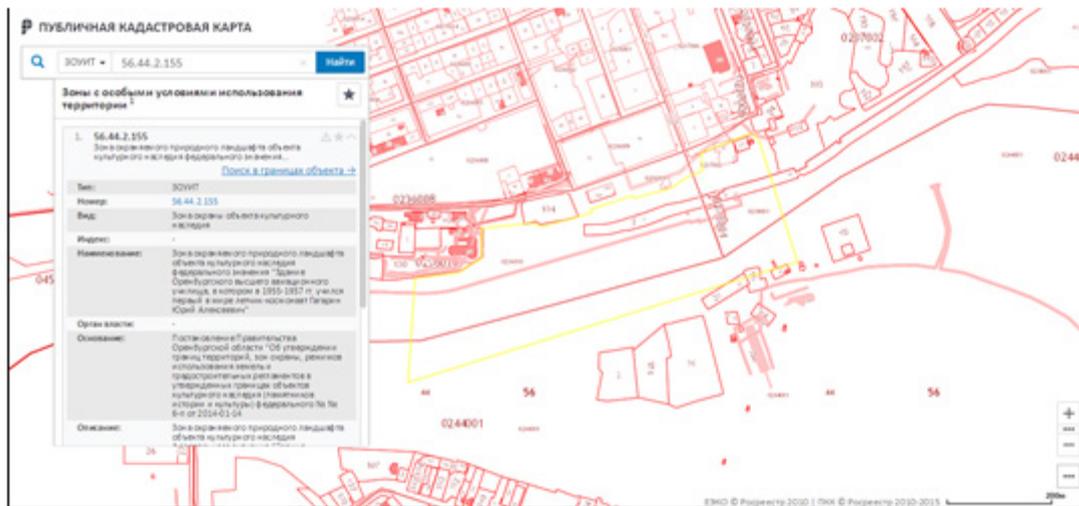

Рис. 1. Зона охраняемого природного ландшафта ОКН «Здание Оренбургского высшего авиационного училища, в котором в 1955–1957 гг. учился первый в мире летчик-космонавт Гагарин Юрий Алексеевич»

На территории Оренбургской области и также на территории самого города Оренбурга располагаются множество объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Федерального, регионального и местного значения.

На сайте Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области опубликованы списки всех выявленных и занесенных в реестр объектов культурного наследия памятников истории и культуры по Оренбургской области.

Согласно анализу данных на территории Оренбурга расположено 423 объекты культурного наследия, из них 207 выявленных памятников, 16 памятников федерального значения, 197 памятников регионального значения и 3 местного значения.

Проанализировав списки объектов культурного наследия города Оренбурга на 23 сентября 2016 года можно сделать вывод, что почти половина памятников истории и культуры являются выявленными, то есть в их отношении необходимо проведение государственной историко-культурной экспертизы для составления паспорта памятника истории и культуры и внесения его в реестр объектов культурного наследия.

Среди объектов культурного наследия в г. Оренбурге больше всего памятников (их насчитывается 412), всего 10 ансамблей, например, ансамбль «Хусаиния» федерального значения, 1906года, в составе которого 2 объекта: Мечеть с минаретом и Медресе, и одно достопримечательное место — место захоронения жертв сталинских репрессий в 1930–1950 годах в Зауральной роще (рисунок 2).

Ситуация с охраной объектов культурного наследия в нашей области и Оренбурге также показывает менее оп-

тимистичную динамику, чем в соседних с нашей областью регионах.

Большая проблема состоит в малом финансировании государством сферы охраны памятников историко-культурного наследия.

К памятникам истории и культуры относят также лесопарковые зоны. Но в большинстве случаев эти территории внесены в реестр памятников природы. Однако лесопарковые участки, прилегающие к историческим усадьбам, имеют важное историко-культурное значение и антропогенное происхождение. Например, лесопарковая зона усадьбы П.И. Рычкова в селе Рычковка, Аксаковский парк в с. Аксаково, лесопарк и лесопосадки А.Н. Карамзина в с. Полибино. Поэтому лесопарковые зоны, имеющие историческую ценность, и которые необходимо сохранить, следует вносить в реестр объектов истории и культуры. При этом необходимо причислять к памятникам истории весь ансамбль, включая и лесопарковую зону, и саму усадьбу. По-прежнему сохраняются проблемы отнесения к памятникам природы археологических объектов — курганов, древних рудников [3, 4].

Поэтому для решения проблем с кадастровым учетом необходимо решить отдельные задачи в области сохранения, популяризации и охраны объектов культурного наследия.

Во-первых, обеспечение государственного надзора, применение современных научных методов и вовлечение объектов истории и культуры, в том числе и памятники археологии, в сферу туризма и рекреации.

Во-вторых, восстановление и обновление храмов и монастырей, которые всегда были важными центрами духовной жизни.

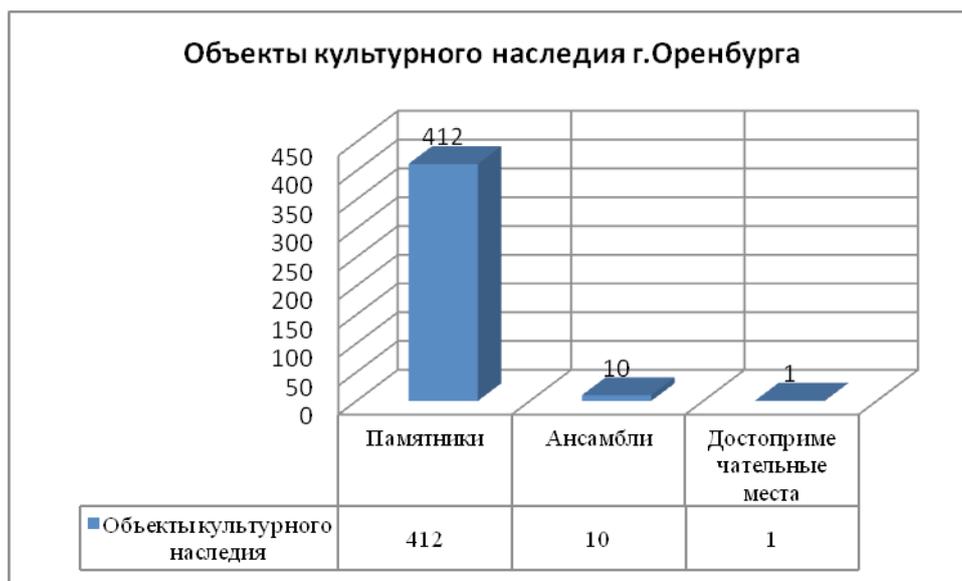

Рис. 2. Виды объектов культурного наследия г. Оренбурга

В-третьих, сохранение народных художественных промыслов и ремесел, которые являются частью национальной культуры, выражают ее самобытность и неповторимость [5].

Важным моментом является отсутствие в документах территориального планирования программы перспективного развития муниципального образования в сфере популяризации и сохранения историко-культурного наследия. Наличие в документах территориального планирования направлений градостроительной деятельности, которая бы регулировала сохранение и учёт объектов истории и культуры, значительно улучшило бы современное состояние в области сохранения и учета объектов культурного наследия, позволило бы оценивать существующие положение памятников истории и культуры, их учет и присвоенные статусы [6].

Популяризация объектов культурного наследия имеет значимость не только для развития туризма, но и для охраны этих объектов. Развитие туристического направления в области памятников истории и культуры способствует привлечению инвестиций в регион и сохранению объектов. Пропаганда значимости и уникальности этих объектов развивает направление охраны объектов культурного наследия. Развитие исторического туризма создает привлекательный образ региона в сфере сохранения истории и культуры.

В целях реализации документов стратегического планирования региональным органом власти, уполномоченным в сфере сохранности, использования и популяризация объектов культурного наследия предлагаются для исполнения следующие мероприятия:

1. провести инвентаризацию объектов культурного наследия и мониторинг их состояния;
2. актуализировать зоны охраны и территории объектов культурного наследия, уточнить характерные точки их границ и режимы использования территории;
3. разработать и утвердить подпрограммы сохранения и развития исторических поселений;
4. разработать комплекс правовых, организационных и финансовых мер, направленных на укрепление системы органов охраны объектов культурного наследия;
5. активизировать применение имеющихся административно-процессуальных полномочий в целях пресечения и профилактики правонарушений в сфере охраны объектов культурного наследия [5].

На сегодняшний день система правового обеспечения объектов истории и культуры в г. Оренбурге требует существенных доработок, соответственно она может и должна развиваться, в это же время развитие должно происходить и в техническом аспекте.

Литература:

1. Калужин, В. А., Одинцова Н. В. Опыт внесения в государственный кадастр недвижимости зон с особыми условиями использования территорий // Вестник СГУиТ. — 2013. — Вып. № 3 (23). — с. 82–87.
2. Федеральный закон от 13 июля 2015 № 218-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2017) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ — 02.04.2017;
3. Петрищев, В. П. Проблемы антропогенной трансформации объектов природного наследия Оренбургской области / В. П. Петрищев, И. Г. Яковлев // Природное наследие России в 21 веке: доклады II Междунар. науч.-практ. конф. — Уфа, 2008. — с. 327–332.

4. Петрищев, В. П. Ландшафтно-генетические особенности и современное состояние памятников природы Оренбургской области / В. П. Петрищев, И. Г. Яковлев // Урал. Бирюков. чтения: сб. науч. и науч.-попул. ст., посвящ. 120-летию В. П. Бирюкова. — Челябинск, 2008. — Вып. 5, ч. 2: историко-культурное наследие российских регионов. — с. 375–379.
5. Бергаль, Е. В. Интеграция концепций сохранения объектов культурного наследия в стратегию социально-экономического развития региона на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016). Труды научно-практической конференции с зарубежным участием / под ред. А. В. Бабкина. — Санкт-Петербург: 2016. — с. 106–122. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25699877-28.01.2017>.
6. Голякова, Ю. Е. Становление и развитие системы кадастрового учета и охраны объектов историко-культурного наследия в России // Вестник СГУГиТ. — 2012. — Вып. № 4 (20). — с. 69–79.

Правовое регулирование отношений в условиях информационного общества

Дятлова Екатерина Владимировна, студент;

Юсупов Тимур Зирякович, кандидат юридических наук, доцент, научный руководитель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье обозначаются понятия информационного общества и информационного пространства. Рассматриваются источники правового регулирования отношений в информационном обществе Российской Федерации.

Ключевые слова: информационное общество, информационное пространство, проблемы регулирования, правовое регулирование

Благодаря стремительному развитию рыночной экономики и переходу общества на новый уровень развития с использованием информационных технологий, в правовом демократическом государстве появились новые проблемы по формированию единого информационно-правового пространства. Благодаря формированию единого информационного пространства обеспечивается правовая информированность каждого гражданина и все общество в целом.

В настоящее время развитие государства и общества от прошлого отличается тем, что информационные отношения и процессы являются важным элементом в обеспечении деятельности граждан, различных предприятий и государственных органов. Информация используется на всех стадиях общественных отношений и на всех стадиях производства. Первостепенный потенциал любого общества и государства составляют информационные, финансовые, природные и другие ресурсы. Поэтому информация важна для всего человечества.

Под информацией понимаются сведения любого характера, которые сохраняются, принимаются и передаются информационными системами, электронными машинами или живыми организмами.

Понятие единого информационного пространства включает в себя общность банков и баз данных, которые содержат различную информацию, а также технологии ведения и использования таких данных. Другое определение приводят учёные в сфере информационного права: Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А.

По их мнению «под единым информационным пространством страны предлагается понимать совокупность информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, позволяющая на основе единых принципов и по общим правилам обеспечивать безопасное информационное взаимодействие государства, организаций и граждан при их равнодоступности к открытым информационным ресурсам, а также максимально полное удовлетворение их информационных потребностей на всей территории государства при сохранении баланса интересов на вхождение в мировое информационное пространство и обеспечения национального информационного суверенитета» [5].

К основополагающим признакам единого информационного пространства государства относятся:

— безопасное информационное сотрудничество между национальными организациями, гражданами и государством;

— удовлетворение важных информационных потребностей граждан государством;

— государственное регулирование отношений между субъектами по информационному взаимодействию посредством применения единых правил и общих принципов, используемых в развитии и формировании единого информационного пространства;

— одинаковая доступность для граждан, органов и государства к открытым источникам предоставляемой информации, а также наличие правового равенства;

— сбережение равноправия интересов для вхождения в глобальное информационное пространство, а также обе-

спечение внутригосударственного информационного суверенитета.

Под информационным обществом обычно понимается новая фаза исторического развития, концепция постиндустриального общества самым важным для которого является обладание знаниями и информацией.

Важным достоинством единого информационного пространства является способность влияния граждан на происходящие процессы в обществе. Также ещё одним достоинством информационного пространства является возможность удовлетворения социальных процессов с помощью использования и распределения информации.

Согласно п. 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [1]. И статья 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит, что «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [2]. На свободное получение гражданином правовой информации также не должно устанавливаться каких-либо ограничений. Согласно п. 2 статьи 24 Конституции Российской Федерации «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

Поэтому можно сделать вывод, что право общества на пользование, хранение и распоряжение информацией признается не только на международном уровне, но и на национальном уровне. Положения законодательства, обеспечивающие свободу и доступность информации для человечества, имеют важное значение.

Национальное законодательство Российской Федерации регулирующее сферу информации помогает решать проблемы, связанные с развитием информационного пространства в стране. А именно Федеральный Закон «Об информации, информатизации и защите информации» [4], который отражает возможности для граждан, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Данный Федеральный Закон устанавливает равное право на получение и пользование информацией для граждан, право на производство и разработку информационных систем и критерии разграничения информации относящуюся к служебной, коммерческой, государственной или иным видам конфиденциальной информации.

В Конституции Российской Федерации прямо закреплено право граждан на семейную и личную тайну, а также на неприкосновенность частной жизни. С помощью закрепления этого права государство установило определенные ограничения права на получение информации связывая их охраной личных прав человека. В данном случае таковыми

являются: право на неприкосновенность частной жизни, и право на обеспечение репутации иных лиц. В Конституции сказано, что незаконное, то есть без согласия лица хранение, распространение, использование и сбор информации о личной жизни не разрешаются.

Установленная в Конституции РФ норма сформулирована достаточно обширно, и она обязывает неукоснительно соблюдать абсолютно всех определенные правила. Также выполнение такой обязанности относится не только к гражданам, но и к органам государственной и муниципальной власти, к предприятиям и организациям.

Ограничение права в области информации распространяется не только на персональные данные, но также и на другие сведения. Например, на сведения, которые составляют служебную, государственную и коммерческую тайну. Под ограничения подпадает и иная информация имеющая ограниченный доступ и именуемая конфиденциальной. На каждую информацию устанавливается соответствующий правовой режим, который может ограничивать доступ к ней по специальным критериям.

Главную роль информация играет не только для граждан в государстве, но и для внутригосударственных органов, специализирующихся на управлении обществом. Процесс управления обществом включает в себя информированность государственных органов о происходящих в государстве и мире явлениях и процессах. Первостепенное значение для государственных органов исполнительной власти имеет информация, получаемая в результате информационного обслуживания.

Порядок и основные правила регулирующие информационное обеспечение государственных органов закреплены в нормативно-правовых актах как федерального, так и локального значения, обычно информационное обеспечение осуществляется в силу закона. Также информационное обеспечение регулируется актами международного характера.

Основным международным актом, положившим начало по созданию законодательства в области информационной безопасности и информатизации в рамках СНГ, является «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» заключенное 08 декабря 1991 года [3]. Данное соглашение установило приоритеты благоприятных условий вхождения государств в международный информационный альянс. Согласно статье 4 «государства обязуются развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства». А согласно статье 5 «государства гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества».

Множество отношений между государством и гражданами порождаемые развитием информационного обще-

ства подталкивает на создание различных подходов к созданию правовых механизмов регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что современное общество трудно уже представить без развитых информационных технологий. Но чтобы можно было использовать

свободно информацию и базы данных, нужно создать защиту на законодательном уровне. В усиленной защите от внешних посягательств нуждается информация, используемая в системе государственной власти и в различных отраслях государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 30.07.2014). // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 145.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. — 1995. — № 67.
3. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. // Сборник международных договоров. — 1994. — № 47.
4. Федеральный Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. — 2006. — № 165.
5. Бачило, И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право СПб.: Юридический центр Пресс. — 2001. — 789 с.

Актуальные проблемы участия прокуратуры в противодействии коррупционным правонарушениям

Жданов Иван Дмитриевич, магистрант

Научный руководитель: Усачев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (г. Москва)

На сегодняшний день проблема коррупции в органах государственной власти и управления приобрела по-настоящему глобальный и системный характер. Кроме того, в современный период развития и становления Российской государственности коррупция стала одним из непреодолимых препятствий на пути государственно-правовых реформ, которые направлены на совершение социально-экономических преобразований нашей страны. Последствия данной проблемы напрямую подвергают удару как экономическое развитие Российской Федерации, так и жизнедеятельность каждого ее гражданина. В результате, хозяйствующие субъекты несут потери и издержки, которые влияют на их развитие и экономический рост, а в более широком масштабе мы можем наблюдать прямую угрозу экономическому росту, стабильности и правопорядку государства.

Сегодня, на борьбу с коррупцией ориентированы практически все государственно-правовые средства и институты, тем не менее видимого результата в деле противодействия коррупции в силу как объективных, так и субъективных причин наблюдать пока не приходится.

В своем исследовании мне бы хотелось сослаться на данные предоставленные международной организацией антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International», которая публикует ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран.

Согласно исследованиям за 2014 год, опубликованным на сайте организации [5], Россия набрала 27 баллов и заняла лишь 136 место из 175 возможных по уровню восприятия коррупции. Следует отметить, что при изучении мною рейтингов данной организации за прошедшие 5 лет место Российской Федерации с каждым годом только ухудшалось. Так, в 2013 году Россия набрала 28 баллов, что позволило занять ей 127 место из 177, а в 2012 133 место из 177. Делая вывод, следует констатировать, что несмотря на широкий перечень средств, направленных на противодействие коррупции в нашей стране видимых сдвигов пока не наблюдается.

Одним из государственно-правовых институтов призванных осуществлять противодействие коррупции как в органах власти и управления, так и в сфере хозяйственной деятельности, являются органы прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура — (согласно ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации») единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [1]. Из определения изложенного законодателем можно сделать справедливое суждение о том, что прокуратура является тем субъектом, в компетенции которого лежит осуществление надзора за соблюдением законодательства о противодействии коррупции, а так же выполнением государственных

ными и муниципальными служащими запретов и ограничений, обусловленных их публичным положением. Кроме того, на органы прокуратуры возложен целый пласт полномочий по осуществлению мер административного принуждения за нарушение законодательства о противодействии коррупции. Так же в Федеральном Законе «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 9.1 закреплены положения о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Согласно положениям статьи прокурорам, в рамках осуществления своих полномочий надлежит проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления, их должностных лиц. При этом при выявлении в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов прокурору надлежит внести авторам данного акта требование об изменении акта, которые будут являться обязательными к исполнению и предложить доступные способы по устранению выявленных коррупциогенных факторов. Так же законом предусмотрена возможность обращения в суд с целью вынесения решения об отмене нормативно-правового акта как несоответствующего законодательству РФ [1].

Несмотря на факт наличия в арсенале органов прокуратуры достаточного арсенала полномочий по противодействию коррупции, говорить о том, что их потенциал реализован в полном объеме пока не приходится. Для более успешной и эффективной реализации всего потенциала законодательства о противодействии коррупции, необходим комплекс методических рекомендаций и организационных средств, касающихся применения соответствующего законодательства, а так же наделяния прокуратуры дополнительными организационными полномочиями в сфере противодействия коррупции. Так, в частности, при проверке уровня доходов, расходов и наличия имущества у государственных и муниципальных служащих, осуществляемой прокуратурой, на мой взгляд, отсутствует должный объем полномочий по проверке прокурорскими работниками банковских счетов и имущественных реестров, скрывающих материальное положение, проверяемого служащего. Прокуратуре в данной деятельности приходится сотрудничать с органами Федеральной налоговой службы и счетной палаты, что зачастую значительно затягивает проводимую проверку и как следствие, затрудняет своевременное реагирование на допущенные нарушения. В данной деятельности необходима гибкость и оперативность, так как зачастую при подаче в органы прокуратуры деклараций о доходах и расходах, государственными служащими намеренно совершаются действия по сокрытию финансов и имущества, путем финансовых переводов на

счета иных лиц, не подлежащих проверке и передаче им своего имущества по договорам дарения или фиктивным договорам купли-продажи. В связи с этим, на мой взгляд, было бы целесообразно внести изменения в Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3] в части расширения круга субъектов членов семьи госслужащего в отношении которых так же проводится проверка их доходов и расходов.

Судебная статистика по делам коррупционной направленности, весьма противоречива, так как коррупционные правонарушения высоко латентны. Поэтому статистические данные лишь с определенной оговоркой способны показать уровень коррупционной деликтности в государстве. Так, согласно данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по результатам рассмотрения в 2014 году уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям осуждено 10784 лица, факт совершения которыми коррупционного преступления является доказанным. [7]

Согласно данным представленным генеральной прокуратурой Российской Федерации на координационном совещании руководителей правоохранительных органов, посвященному вопросу исполнения Национального плана по борьбе с коррупцией на 2014–2015 годы, состоявшимся 25 ноября 2015 года, за 2014 год правоохранительными органами было выявлено свыше 32,2 тысяч преступлений коррупционной направленности. [6] Не трудно заметить, что цифра выявленных преступлений, представленная генеральной прокуратурой сильно разнится с результатами статистики, представленными судебным департаментом Верховного суда в трехкратном размере. Объяснение данному противоречию можно найти как в том, что преступления коррупционной направленности являются труднодоказуемыми и зачастую в отношении лиц, обвиняемых в совершении данного вида преступлений выносятся оправдательный приговор, так и в том, что статистика предоставляемая государственными органами не может являться с полной вероятностью достоверной, как было сказано мною выше.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в Российской Федерации в настоящее время уровень коррупции очень высок, вследствие чего ее пагубные последствия непосредственным образом угрожают национальной безопасности, а также правам граждан. Принятое антикоррупционное законодательство пока в полной мере не приносит ожидаемых результатов в деле противодействия коррупционным правонарушениям, а значит поле для обсуждения и разрешения проблемы противодействия коррупции остается открытым.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2201–1-ФЗ (ред. от 17.11.1995) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // «Российская Газета» — Федеральный выпуск № 5953.
4. Прокурорский надзор / под ред. Ю. Е. Винокурова. М.: Высшее образование, 2005. 460 с.
5. Международная организация антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International»: сайт. URL: <http://www.transparency.org/> (дата обращения: 27.11.2015).
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 27.11.2015).
7. Судебный департамент при верховном суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 27.11.2015).

Распределение бремени доказывания по жилищным делам

Зарецкая Анастасия Алексеевна, магистрант

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Зантересованность лица в благоприятном разрешении дела стимулирует его представлять доказательства в обоснование своей позиции.

В случае, когда истец просит признать за ним право и в связи с этим возложить на ответчика обязанность по совершению в отношении него определенных действий, то наличие и объем такого права доказывает истец, а наличие правопрепятствующих фактов — ответчик. Так, например, по делам о признании права на жилую площадь обязанность по доказыванию распределяется следующим образом: истец должен представить доказательства заключения договора социального найма жилого помещения в установленном порядке, свое вселение на спорную жилую площадь в качестве члена семьи нанимателя и фактическое проживание на ней, условия вселения и пользования спорной жилплощадью, а также ведение общего хозяйства, в случае если истец не является нанимателем или члену его семьи ни супругом, ни ребенком, ни родителем. Ответчик же в свою очередь должен доказать вселение истца на спорную жилплощадь не в качестве члена семьи нанимателя, а на иных условиях, при которых он не приобретает самостоятельного права пользования.

Также стоит сказать об особенностях в распределении бремени доказывания при рассмотрении жилищных дел по правилам производства, возникающего из публичных правоотношений. При рассмотрении судами общей юрисдикции жилищных дел об оспаривании решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего обязанность доказывания факта нарушения прав, свобод и законных интересов возлагается на лицо, подавшее административное исковое заявление. В свою очередь факт соблю-

дения требований нормативных правовых актов, соответствие содержания оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения, должен доказать орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями и принявшие оспариваемые решения либо совершившие оспариваемые действия (бездействие).

Например, судам при разрешении дел, связанных с изъятием жилого помещения, находящегося в собственности, путем выкупа в связи с изъятием соответствующего земельного участка для государственных или муниципальных нужд, необходимо иметь в виду, что обязанность по доказыванию того, что принятое решение об изъятии земельного участка обусловлено государственными или муниципальными нуждами и использование данного земельного участка в целях, для которых он изымается, невозможно без прекращения права собственности на соответствующее жилое помещение, возлагается на государственный орган или орган местного самоуправления [1].

Законодатель справедливо посчитал, что такое распределение бремени доказывания «будет способствовать повышению эффективности осуществления властно-распорядительной деятельности и предотвращению причинения вреда» [7].

Так, решением Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан отказано в удовлетворении административных исковых требований М.А. И. к Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан о признании незаконными постановления Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан «Об изъятии жилых и нежилых помещений, земельных участков для строительства продолжения дороги <...>» «в части принятия решения об изъятии

земельного участка и жилого помещения и возложении на Администрацию городского округа обязанности по отмене указанных постановлений и исключении Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним записи об обременении.

Отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемые постановления приняты в пределах полномочий администрации и при наличии правовых оснований для изъятия жилого дома и земельного участка для муниципальных нужд в рамках реализации программы по развитию застроенной территории.

Отменяя решение Октябрьского районного суда г. Уфы, Верховный суд Республики Башкортостан в своем определении указал, что вопреки требованиям ст. 32 Жилищного кодекса РФ, части 11 статьи 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации Администрацией городского округа город Уфа не представлены доказательства исключительных обстоятельств, которые бы обуславливали невозможность развития застроенной территории без принудительного изъятия принадлежащего на праве собственности М.А. И. объекта. Кроме того ответчиком не представлены доказательства тому факту, сопровождалось ли принятие постановлений направлением административному истцу уведомления о выплате ей подлежащей компенсации, в объем которой включается рыночная стоимость жилого помещения, а также все убытки, причиненные собственнику жилого помещения его изъятием. Поэтому Верховный суд Республики Башкортостан признал незаконными постановления Администрации городского округа город Уфа в части принятия решения об изъятии земельного участка и жилого помещения, возложил на Администрацию городского округа город Уфа обязанность отменить указанные постановления в оспариваемой части [3].

Кроме общего правила по распределению доказывания в доктрине гражданского процессуального права имеются и частные правила. Одним из таких правил перераспределения бремени доказывания является презумпция — «правовое предположение» [7]. Например, статьей 1964 ГК РФ презюмируется вина причинителя вреда, последний может быть освобожден от возмещения ущерба только в том случае, если докажет, что вред причинен не по его вине. Так, по спорам о возмещении ущерба, причиненного заливом квартиры, именно ответчик должен опровергнуть свою вину в причинении ущерба имуществу. Истец же в свою очередь должен будет представить суду доказательства, подтверждающие факт повреждения квартиры, а также доказать причинно-следственную связь между противоправными действиями ответчика и возникшим ущербом. Однако, в судебной практике по данной категории дел встречаются случаи, когда суд, игнорируя презумпцию причинения вреда, допускал ошибку в распределении бремени доказывания, что влекло за собой вынесение незаконного и необоснованного решения, например, заочным решением Люберецкого городского суда

Московской области от 8 октября 2014 года удовлетворены иски о возмещении ущерба, причиненного заливом принадлежащей ему на праве собственности квартиры. Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 1064 ГК РФ, возложил ответственность по возмещению причиненного Ц. ущерба на ответчика С., указав, что истцом доказан факт причинения ему материального ущерба, а ответчик не доказал отсутствие своей вины в возникновении ситуации, повлекшей залив квартиры истца и причинения ему ущерба.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда 28 января 2015 года отменила заочное решение суда, постановив по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, исходя из того, что истец не доказал наличие вины в действиях ответчика, в результате которых произошел залив квартиры и, как следствие, наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением нарушителя и возникшим вредом.

Президиум Московского областного суда 11 ноября 2015 года не согласился с выводами судебной коллегии, указав, что суд первой инстанции пришел к верному решению о том, что истец представил суду доказательства, свидетельствующие о причинении ему ущерба при заливе его квартиры, а также о том, что залив квартиры произошел из квартиры, принадлежащей ответчику. Т. е. у истца имелись все основания полагать, что ущерб причинен ему в результате действий ответчика. Обязанность доказать отсутствие вины в причинении ущерба истцу в данном случае лежала на ответчике.

Возложив на истца обязанность по доказыванию наличия вины в действиях ответчика, в результате которых произошел залив квартиры, судебная коллегия неправильно распределила бремя доказывания, что привело к вынесению незаконного судебного акта. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение [2].

Презумпцию вины причинителя вреда можно называть межотраслевым институтом. Между тем презумпции, непосредственно вытекающие из жилищных правоотношений, в отличие от трудового или семейного права, отсутствуют. Как указывает Невоструев А.А. весьма необходимо введение специальных правил по распределению бремени доказывания по некоторым категориям жилищных дел. Так, по жилищным спорам, одной из сторон которых является жилищный орган, либо уполномоченная данным органом на выполнение функций наймодателя организация (о признании договора социального найма недействительным, о признании отказа на обмен жилыми помещениями), разумно бремя доказывания возложить именно на указанных лиц, поскольку по понятным причинам правило о возложении обязанности доказывания на публичное лицо в данном производстве применено быть не может. Законодательное закрепление такой презумпции видится достаточно разумным, так как на-

званные субъекты обладают большей частью письменных доказательств, необходимых для установления юридически значимых обстоятельств дела [6]. Определение бремени доказывания по таким категориям жилищных дел должно быть поставлено в зависимость от того, кому удобнее и легче представить то или иное доказательство. Данная точка зрения находит отражение и в судебной практике: при разрешении жилищных дел с участием государственных органов или уполномоченных организаций, на последних судом возлагается бремя представления находящихся в их распоряжении документов.

Так, решением Балаковского районного суда Саратовской области от 29.08.2016 года удовлетворены иски требования К. Е. к администрации Балаковского муниципального района Саратовской области, постановление администрации «Об отказе в предоставлении жилого помещения по договору социального найма» <...> признано незаконным, на ответчика возложена обязанность восстановить истца в очереди граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, с 13.10.1997 года.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14» О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru>.
2. Постановление Президиума Московского областного суда от 11 ноября 2015 г. № 544 // <http://www.consultant.ru>.
3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 03.08.2016 по делу N 33а-13916/2016 // <http://www.consultant.ru>.
4. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 23.11.2016 № 33–8974/2016 // <http://www.consultant.ru>.
5. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. с. 189.
6. Невоструев, А. Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел. Учебное пособие. М.: Статус. 2015. с. 84.
7. Современные проблемы приобретения и защиты прав участников гражданских отношений / под ред. Демидовой Г. С. М.: Юрлитинформ, 2015. с. 156.
8. Фокина, М. А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. с. 71.

При распределении бремени доказывания суд предлагал ответчику представить подлежащие надлежащему хранению книги регистрации заявлений граждан о принятии на учет для получения жилья и регистрации граждан, принятых на учет для получения жилья, за спорный период. Однако администрация Балаковского муниципального района вопреки требованиям статьи 56 ГПК таких доказательств не представила ни при рассмотрении дела по существу, ни при оспаривании решения суда первой инстанции в апелляционном порядке, поэтому судебная коллегия по гражданским делам Саратовского областного суда оставила апелляционную жалобу без удовлетворения, решение Балаковского районного суда Саратовской области без изменения [4].

Таким образом, при рассмотрении жилищных дел в исковом порядке представляется необходимым закрепить специальное правило о возложении бремени доказывания законности принятого решения, совершения действия (бездействия) на организацию, которая принимает указанные решения, либо совершает действия (бездействия).

Мировое и медиативное соглашение по жилищным спорам

Зарецкая Анастасия Алексеевна, магистрант

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Утверждение судом мирового соглашения возможно по тем жилищным спорам, которые могут быть разрешены сторонами и без участия суда, т. е. которые находятся в сфере договорного регулирования, например, по делам о возмещении ущерба в результате залива квартиры, о предоставлении жилого помещения по договору социального найма, о признании утратившим права пользования жилым помещением и снятии с регистрационного

учета, об устранении препятствий в пользовании жилым помещением и т. п.

Анализ судебной практики показывает, что при утверждении мирового соглашения о предоставлении жилого помещения по договору социального найма гражданину, имеющему в собственности жилое помещение, суду необходимо учитывать площадь жилого помещения, находящегося у такого лица в собственности, а также действия

и гражданско-правовые сделки с жилыми помещениями, которые привели к уменьшению размера занимаемых жилых помещений или к их отчуждению [1].

Наиболее полно названное положение отражает следующий пример из судебной практики. Истцы А. и Б., обратились в Ноябрьский городской суда Ямало-Ненецкого автономного округа с иском к Администрации муниципального образования о предоставлении их семье из шести человек, на условиях договора социального найма благоустроенного жилого помещения в пределах границ муниципального образования, общей площадью не менее 96 кв. м.

Судом утверждено мировое соглашение сторон, в связи с чем производство по делу прекращено. Утверждая мировое соглашение, суд первой инстанции исходил из того, что оно по форме и содержанию соответствует требованиям, установленным ГПК РФ. Однако судебная коллегия по гражданским делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа с такими выводами не согласилась, определение посчитала подлежащим отмене, а дело направлению в суд первой инстанции для рассмотрения по существу по следующим основаниям.

По условиям утвержденного мирового соглашения Администрация муниципального образования по договору социального найма предоставляет истцам благоустроенное жилое помещение, общей площадью 76,7 кв. м., взамен аварийного жилого помещения. Однако, как следует из выписки из единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним в собственности истца находится 1/3 доля в праве общей долевой собственности на жилое помещение общей площадью 72,4 кв. м. Кроме того, истцами осуществлено отчуждение 1/3 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение общей площадью 73,1 кв. м.

Таким образом, при утверждении мирового соглашения сторон, суд не исследовал и не проверил указанные вопросы, что повлекло за собой признание определения незаконным и необоснованным, а следовательно, подлежащим отмене [3].

Исходя из положений Гражданского процессуального кодекса РФ мировое соглашение по жилищным спорам может быть утверждено на любой стадии судопроизводства: как при подготовке дела к судебному разбирательству, так и в ходе рассмотрения дела по существу. Кроме того, утверждение мирового соглашения возможно и при пересмотре дела в апелляционной инстанции. В таком случае суд апелляционной инстанции отменяет принятое решение суда и прекращает производство по делу. Так, решением Мичуринского городского суда Тамбовской области Т.В. А. отказано в удовлетворении исковых требований к Т.А. А. о признании не приобретшим право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета, встречные иски требования Т.А. А. к Т.В. А. удовлетворены частично: за Т.А. А. признано право собственности на 1/6 долю земельного участка и двух домовладений, вселить Т.А. А. в домовладение, обязать Т.В. А. не чинить препятствий в проживании.

При пересмотре дела в суде апелляционной инстанции стороны пришли к мировому соглашению, которое судебная коллегия по гражданским делам Тамбовского областного суда утвердила, посчитав его не противоречащим закону и не нарушающим прав и законных интересов других лиц. В связи с чем решение Мичуринского городского суда Тамбовской области было отменено, производство по делу прекращено с связи с утверждением мирового соглашения [6].

Кроме того, согласно п. 3 ч. 2 ст. 43 Федерального закона 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» мировое соглашение может быть утверждено и после вступления решения суда в законную силу на стадии исполнительного производства. Однако такое мировое соглашение не тождественно мировому соглашению, утвержденному при рассмотрении дела в суде первой или второй инстанции, поскольку в качестве лица, участвующего в деле будет привлечен судебный пристав-исполнитель.

В этой связи интерес представляет следующее жилищное дело. Решением Неманского городского суда Калининградской области удовлетворены иски требования Т.Ю. Н. по обязанности Администрации городского поселения провести ремонтные работы жилого помещения: выполнить перекрытие в жилой комнате, заменить оконные блоки, заменить потолки и т. д. Решение вступило в законную силу, исполнительный лист предъявлен к исполнению, возбуждено исполнительное производство.

Администрация городского поселения обратилась в суд с заявлением об утверждении мирового соглашения, по условиям которого ответчик предоставляет истцу Т.Ю. Н. жилое помещение по договору социального найма, отвечающее всем санитарным и техническим требованиям, взамен выполнения ремонтных работ жилого помещения. К участию в деле был привлечен судебный пристав-исполнитель, который возражал против утверждения мирового соглашения на предлагаемых ответчиком условиях.

Неманский городской суд Калининградской области отказал в утверждении мирового соглашения на стадии исполнительного производства указав, что кроме истца Т.Ю. Н. в спорном жилом помещении зарегистрированы двое ее малолетних детей, отец, привлеченный к участию в деле в качестве третьего лица, и брат. Однако по условиям мирового соглашения жилое помещение по договору социального найма предоставляется только Т.Ю. Н. без учета ее детей и членов семьи [8].

Как уже отмечалось ранее, третьи лица без самостоятельных требований очень часто привлекаются к участию в жилищных делах, поэтому суд, утверждая мировое соглашение на любой из названных стадий процесса, должен тщательно исследовать вопрос о том, будут ли затронуты права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Анализ судебной практики по жилищным делам Амурского областного суда показал, что утверждение мирового соглашения между истцом и ответчиком может и не затрагивать права иных лиц, даже при участии таковых в качестве третьих лиц и наличии возражений с их стороны.

Так, Благовещенским городским судом Амурской области было утверждено мировое соглашение по требованию истца — участника долевой собственности на жилое помещение, о добровольном выселении ответчика, вселенного другим участником долевой собственности. Последний, будучи привлеченным к участию в деле в качестве третьего лица, подал апелляционную жалобу на определение об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу. Амурский областной суд в удовлетворении указанной жалобы отказал, указав, что заключение мирового соглашения о выселении между истцом и вселенным без его согласия ответчиком не затрагивает права и законные интересы подателя жалобы как собственника доли в праве собственности [2].

Возвращаясь к вопросу о категориях жилищных дел, по которым возможно утверждение мирового соглашения сторонами, особое внимание хочется уделить мирному урегулированию споров в публичном производстве — об оспаривании действий и решений субъектов власти. В таком порядке рассматриваются следующие категории жилищных дел: о признании недействительным решения об отказе в выдаче разрешения на переустройство или перепланировку жилого помещения, о признании незаконным заключения о признании дома аварийным и подлежащим реконструкции, о признании отказа в даче согласия на обмен недействительным, об оспаривании решения об отказе в постановке на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий и т. п.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации позволяет сторонам заключить соглашение о примирении. Кроме того, ч. 1 ст. 137 КАС РФ оговорены условия: примирение сторон должно касаться только их прав и обязанностей, как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон. При этом суд откажет в утверждении соглашения о примирении сторон, если его условия противоречат закону, нарушают права, свободы и законные интересы третьих лиц. Например, утверждая соглашение о примирении сторон о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения, суд должен проверить соответствие указанного соглашения требованиям закона, а также касается ли оно существа рассматриваемого спора.

Так, определением Савеловского районного суда было утверждено соглашение о примирении сторон по административному иску ФИО к Администрации о признании решения об отказе в согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения незаконным, обязанности принять решение о согласовании. Согласно условиям мирового соглашения, истец отказывается от требования о признании незаконным решения Администрации об отказе в согласовании переустройства, а ответчик обязуется принять решение в установленном законом порядке о согласовании переустройства жилого помещения в соответствии с представленным истцом рабочим проектом.

Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда, рассмотрев частную жалобу

представителя Администрации, посчитала определение суда о примирении сторон не соответствующим требованиям процессуального законодательства, исходя из следующего. Административный истец обратился к Администрации с заявлением о согласовании переустройства жилого помещения, а именно: разделения трехкомнатной квартиры на две самостоятельные квартиры с организацией дополнительного помещения кухни за счет помещений кладовой, устройства двух входов, увеличение площади санузла за счет коридора и т. д.

Утвержденными между сторонами соглашением о примирении на Администрацию возложена обязанность по принятию решения о переустройстве жилого помещения в соответствии с представленным истцом проектом. Однако совокупность работ и строительных мероприятий, планируемых истцом, приведут к изменению количества объектов недвижимости, величины жилой площади, количества комнат, что по своей сути не отвечает понятиям перепланировки (переустройства) жилого помещения, согласование которых осуществляется органом местного самоуправления. Истец намерен провести реконструкцию жилого помещения. Между тем, действующее законодательство не относит к компетенции органа местного самоуправления согласование реконструкции, в связи с чем определение суда не может быть признано законным и обоснованным, а потом подлежит отмене, а дело направлению в суд первой инстанции для рассмотрения по существу [5].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что суд первой инстанции утвердил соглашение о примирении сторон, несоответствующее существу рассматриваемого спора, а также права и обязанностям сторон как субъектов публичных правоотношений, тем самым нарушив требования статьи 137 КАС РФ. Таким образом, проверка законности соглашений о примирении сторон по жилищным делам, заключаемым по правилам административного судопроизводства требует особой тщательности.

Процессуальному законодательству, помимо мирового соглашения, известны и другие распорядительные действия сторон, а именно отказ от иска и признание иска. Между этими институтами имеется некоторое сходство, поэтому неслучайно, что суды в отдельных случаях ошибочно расценивают отказ от иска или признание иска как мировое соглашение сторон и, наоборот, признают отказ от иска, в то время как имело место мировое соглашение сторон [11].

Так, прокурор района обратился в суд с иском в интересах семьи Л. к Администрации поселка о предоставлении вне очереди благоустроенного жилого помещения на условиях договора социального найма.

Соистцы представили в суд заявление об отказе от иска, сославшись на то, что желают реализовать право на получение жилого помещения в доме капитального исполнения. Тазовский районный суд принял отказ от иска и своим определением прекратил производство по делу, в связи с отказом соистцов от иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Ямало-Немецкого автономного округа отменила определение судьи о прекращении производства по делу и направила гражданское дело в суд первой инстанции на стадию рассмотрения по существу по следующим основаниям. Прекращая производство по делу, суд исходил из того, что отказ соистцов от заявленных требований не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц. Однако, данный вывод судьи является необоснованным и не подтвержден материалами дела. Из текста заявления об отказе от иска следует, что соистцы просят прекратить производство по делу ввиду того, что имеют желание получить квартиру в доме капитального исполнения. Между тем, из существа искового заявления прокурора, поданного в интересах семьи Л., не следует о том, что реализация жилищных прав последних обусловлена именно предоставлением определенного вида жилого помещения. Напротив, обращение прокурора мотивировано наличием оснований для предоставления соистцам иного жилого помещения (без относительно данных о его исполнении), отвечающего санитарным и техническим требованиям по причине аварийного состояния занимаемой квартиры.

Таким образом, судебная коллегия пришла к выводу о том, что в рассматриваемом случае, суд не дал обоснованную правовую оценку заявлению соистцов об отказе от заявленных требований и не выяснил их действительную волю, выраженную в таковых [4].

Приведенный пример из судебной практики является случаем, когда суд, приняв отказ истца от заявленных требований, неправильно квалифицировал совершаемое им распорядительное действие. На наш взгляд, при верном определении истинных мотивов такого действия истца, суд должен был исполнить возлагаемую на него законом обязанность и предложить сторонам окончить дело мировым соглашением на взаимоприемлемых условиях. Следует отметить, что судья в обязательном порядке должен принимать меры к примирению сторон. Причем указанное действие не должно носить формального характера — участники процесса должны быть осведомлены не только о существовании мирового соглашения, но также о правовых последствиях его заключения.

Еще одним институтом примирительных процедур в урегулировании жилищных споров является медиация. Суть процедуры заключается в достижении сторонами взаимовыгодного решения при содействии медиатора. После возбуждения производства по делу стороны используют медиацию по следующим категориям жилищных дел: об определении порядка пользования жилым помещением, о выселении, об устранении препятствий в пользовании жилым помещением, о соразмерном умень-

шении покупной цены квартиры, о выделе доли в натуре, о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло- и электроэнергию [9].

С появлением института медиации во многих судах появились комнаты примирения. В комнатах переговоров стороны и другие участвующие в деле лица могут получить консультацию по вопросам медиации, ее преимуществ, возможностей урегулирования конфликта мирным путем [12].

Применение процедуры медиации может осуществляться при возникновении спора как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства (судебная медиация). При этом в последнем случае медиативное соглашение утверждается судом в качестве мирового соглашения. Так, определением Елецкого городского суда Липецкой области утверждено в качестве мирового соглашения заключенное между А. и П. медиативное соглашение по иску о реальном разделе жилого дома. В ходе рассмотрения дела стороны прошли процедуру медиации, которая была проведена при участии медиатора, осуществляющего деятельность на профессиональной основе [7].

На наш взгляд, приведенные примеры судебной практики демонстрируют проблему смешения институтов медиативного и мирового соглашения. Заключенное сторонами медиативное соглашение после обращения в суд нецелесообразно подгоняется под модель мирового соглашения, являясь по своей природе альтернативным способом урегулирования спора. Считаем необходимым законодательно закрепить заключение медиативного соглашения как самостоятельное основание для прекращения производства по делу, путем вынесения судом соответствующего определения.

Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности судов общей юрисдикции за первое полугодие 2016 года процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда проводилась по 909 гражданским делам [10].

На основании статистических данных можно сделать вывод о том, что востребованность примирительных процедур с участием посредника остается достаточно низкой. При этом за последние несколько лет количество споров, урегулированных в процессе проведения медиации, возросло. На наш взгляд, суды должны предпринимать всевозможные меры, направленные на повышение востребованности примирительных процедур, ведь мировое урегулирование жилищного спора на взаимоприемлемых условиях является наиболее прогрессивным способом разрешения конфликтов, поскольку при утверждении такового, как правило, удовлетворяются требования обеих сторон, что практически невозможно при вынесении решения судом.

Литература:

1. Обобщение судебной практики при отказе в принятии, возвращении, оставлении без движения и оставлении без рассмотрения исковых заявлений, прекращении производства по делам за 2015 год, утв. Президиумом суда ЯНАО 17.08.2016 // <http://www.consultant.ru>.

2. Апелляционное определение Амурского областного суда по делу № 33 АП-523/12 // <http://www.oblsud.tsl.ru>
3. Апелляционное определение Суда ЯНАО от 07.09.2015 по делу N 33–2231/2015// <http://www.consultant.ru>.
4. Апелляционное определение Суда ЯНАО от 01.10.2015 по делу N 33–2480/2015 // <http://www.consultant.ru>.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.09.2016 по делу N 33а-16465/2016 // <http://www.consultant.ru>.
6. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 2 марта 2015 г. по делу № 33–310/2015 // <http://www.consultant.ru>.
7. Определение Елецкого городского суда Липецкой области от 13 декабря 2016 года по делу № 2–4017/2016, <http://sudact.ru>.
8. Определение Неманского городского суда Калининградской области по делу № 13–174/11 от 20 сентября 2011 г. // <https://rospravosudie.com>.
9. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год, утв. Президиумом ВС РФ 22.06.2016, <http://www.consultant.ru>.
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 30.06.2016 г. № 141, <http://www.cdep.ru>.
11. Лукасян, Р.Е. Процессуальные особенности рассмотрения судами жилищных дел: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидату юридических наук / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского. Саратов, 1964. с. 15.
12. Смолина, Л. А. Место медиации в системе досудебных примирительных процедур / Полномочия суда в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола. Верховный суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; Университет Восточной Финляндии. 2014. с. 245–248.

Признание и исполнение судебных решений иностранных судов по семейным делам в Российской Федерации

Зубарева Юлия Владимировна, студент¹, секретарь судебного заседания²

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

²Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Правовое регулирование семейных споров с участием иностранных лиц подразумевает под собой наличие определенных норм о подсудности. В случае если такая норма определит, что дело подлежит рассмотрению в суде иностранного государства, то именно этот суд рассмотрит и вынесет решение по делу. Для того, чтобы обеспечить соблюдение прав и законных интересов участвующих в деле лиц и реализовать, установленные решением права за границей необходимо согласие соответствующего государства на признание и исполнение иностранного судебного решения.

Главным источником, регулирующим данный правовой институт, является глава 45 ГПК РФ. В соответствии со ст. 409 ГПК РФ иностранные судебные решения признаются и исполняются в Российской Федерации судами, если это предусмотрено международным договором. Решения иностранных судов, которые не подлежат принудительному исполнению, перечисленные в ст. 415 ГПК РФ (например, о расторжении или признании недействительным брака между российскими гражданами, если оба супруга в момент рассмотрения дела проживали вне пределов РФ),

признаются в Российской Федерации без какого-либо специального производства, если со стороны заинтересованного лица не поступит возражения против этого признания. [1]

Законодатель ставит возможность признания и исполнения судебного решения иностранного государства от наличия соответствующего международного договора. Возникает вопрос о том, что если имеется соответствующий договор между государствами, а в нем отсутствует условие о признании и исполнении, тогда отсюда вытекает не менее дискуссионный вопрос, а стоит ли осуществлять это на принципах взаимности или международной вежливости.

Например, по делу о взыскании алиментов на двух несовершеннолетних Определением Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ, со ссылкой на отсутствие международного договора о правовой помощи по семейным делам между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия было оставлено в силу, признано законным и обоснованным определением Московского областного суда об отказе в удовлетворении ходатайства Ф.

о принудительном исполнении на российской территории решения районного суда ФРГ. [2]

В настоящее время в России и в доктрине, и в судебной практике поднимается вопрос о целесообразности расширения круга признаваемых и исполняемых решений иностранных судов (имеются в виду любые решения, в том числе по семейным делам) за счет допущения исполнения при наличии взаимности. [3]

Положение о том, что на принципе взаимности, можно признать и исполнить судебное решение, и при отсутствии международного договора нашло отражение в работах Р.В. Зайцева, А.И. Муранова. Данная точка зрения неоднократно подвергалась критике в научной литературе.

При закреплении данной нормы в ГПК РФ и применении на практике возникнет проблема определения границ и вообще наличия взаимности между государствами. Так, Д.В. Литвиновский указывает, что носящий неопределенный характер принцип взаимности создает сложности при его интерпретации. Он, как и международный договор, может в случае его буквального понимания вступать в противоречие с интересами национального правопорядка и с принятыми государством международными обязательствами. [4]

Международная вежливость, как и взаимность, рассматривается как общепризнанный международно-правовой принцип, который применяется и используется в правовой системе России. Маршева Н.И. указывает, на то, что едва ли можно утверждать, что международная вежливость, как и международная взаимность, — это общепризнанный правовой принцип, определяющий необходимость признания и исполнения иностранных судебных решений. [5]

Приведем пример из судебной практики, когда суд отказал в признании и исполнении решения. Решением суда Республики Швейцарии и кантона Женевы от 16 мая 2008 года постановлено: «Приговорить В.Н. к выплате, ежемесячно и заранее, О. Рамель-Саррока Н. в качестве возмещения расходов на содержание ребенка».

О. Рамель-Саррока Н. обратилась в Московский городской суд с ходатайством о признании и принудительном исполнении на территории Российской Федерации вышеуказанного решения суда. В обоснование ходатайства указала, что данное решение вступило в законную силу, и подлежит исполнению, должник проживает на территории Российской Федерации в городе Москве, там же имеет имущество.

Суд отказал в признании и принудительном исполнении решения суда Республики Швейцарии и кантона Женевы, в связи с тем, что договора о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, в том числе и договора по вопросам алиментных обязательств в отношении несовершеннолетних детей при расторжении брака родителей, между Российской Федерацией и Швейцарией не имеется, тогда, как решения иностранных судов могут быть признаны и исполнены на территории Российской Федерации только лишь при наличии международного договора. [6]

Из вышеуказанных положений можно сделать вывод о том, что избежать отсутствия международного договора и признать и исполнить решения иностранного суда иным способом в настоящее время невозможно. Судебная практика идет по пути отказа в удовлетворении ходатайства о признании и исполнении судебного решения по семейным делам с участием иностранного лица. В научной литературе сложившиеся ситуация обосновывается тем, что распространение действия решения иного государства на территорию Российской Федерации может затронуть национальную правовую систему и оказать негативное воздействие на нее.

В российском процессуальном законодательстве решения, которые не требуют принудительного исполнения, признаются без дальнейшего производства, если не поступят возражения от заинтересованного лица.

По семейным отношениям это решения о расторжении или признании недействительным брака между российским гражданином и иностранным гражданином, если в момент рассмотрения дела, хотя бы один из супругов проживал вне пределов Российской Федерации; о расторжении или признании недействительным брака между российскими гражданами, если оба супруга в момент рассмотрения дела проживали вне пределов Российской Федерации; в других предусмотренных федеральным законом случаях.

Необходимой предпосылкой исполнения иностранного судебного решения является его признание. Чаще всего, на практике решение только признается, и не исполняется. Это категории дел, решения по которым по своему характеру не требуют исполнения: решения по делам о расторжении брака, о признании отцовства, установлении фактов и т. п. [8]

При признании и исполнении решения иностранного суда на территории Российской Федерации существуют условия, которые являются возможными основаниями для отказа в удовлетворении заявления о признании и исполнении.

Данное положение об отказе закреплено в статье 414 ГПК РФ, в которой имеется ссылка на статью 412, где в пункте первом и закреплены эти условия.

Так, первое основание для отказа, если решение не вступило в законную силу или не подлежит исполнению, и это подтверждается иностранным судом, вынесшим решение, в соответствии с законодательством этой страны.

Следующим основанием для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда является ситуация, при которой сторона, против которой принято решение, была лишена возможности принять участие в процессе вследствие того, что ей не было своевременно и надлежащим образом вручено извещение о времени и месте рассмотрения дела.

Судебная практика при этом разнородна, что означает надлежащая форма извещения. Р.В. Зайцев указывает, что понятия «своевременности» и «надлежащая форма извещения» содержатся в Гагской конвенции от 15 но-

ября 1965 г. «О вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам», участником которой является Россия. В ней сказано, что по общему правилу документ должен быть вручен способом, предписанным законодательством запрашиваемого государства. [9]

Например, заочным решением Жетысуского районного суда г. Алматы Республики Казахстан с Е. В. в пользу Е. Ф. взысканы алименты на содержание родителя в размере месячных расчетных показателей его заработка ежемесячно. Е. Ф. обратился в Московский городской суд с ходатайством о принудительном исполнении на территории Российской Федерации заочного решения Жетысуского районного суда г. Алматы Республики Казахстан, указывая на то, что должник Е. В. проживает в Российской Федерации.

Судом установлено, что согласно представленным документам рассмотрение дела по иску Е. Ф. к Елецкому В. Ф. состоялось в отсутствие ответчика по делу Е. В., достоверные данные о надлежащем и своевременном его извещении о рассмотрении дела в иностранном суде в материалах отсутствуют. Ходатайств о рассмотрении дела в его отсутствие Е. В. не заявлял.

В деле не имеется судебных документов, свидетельствующих о том, что Е. В. лично, под расписку, своевременно и надлежащим образом был вручен вызов в суд г. Алматы Республики Казахстан. Справка судьи Жетысуского районного суда г. Алматы Республики Казахстан о его своевременном и надлежащем извещении о времени и месте рассмотрения дела, телефонограмма об извещении представителя Е. В. — К., о рассмотрении дела в иностранном суде, действительность направления и получения которой прямо отрицалась должником, не могут заменить документ суда об извещении на указанную дату, поскольку иные требования об извещении установлены законом.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, суд пришел к выводу о том, что отсутствуют необходимые условия для принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения г. Алматы Республики Казахстан, поскольку Е. В. не принял участия в процессе вследствие его несвоевременного и ненадлежащего извещения о разбирательстве дела в иностранном суде. [10]

В-третьих, основанием для отказа является исключительная подсудность российского суда по делу, рассмотренному иностранным судом (п. 3 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ). Исключительная подсудность устанавливается обычно государством в связи со стремлением оставить в компетенции дела своих судов, которые затрагивают личный статус граждан, публичные интересы, а также касающиеся территории, которая подконтрольна данному государству.

Исключительная подсудность устанавливается внутренним законодательством государства и не предусматривает вынесение решения по данным категориям споров иностранными судами.

Следующим основанием к отказу служит наличие вступившего в законную силу решения суда в Российской Федерации, принятого по тождественному иску, либо нахождение в производстве суда в Российской Федерации дела, возбужденного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям до возбуждения дела в иностранном суде.

Отдельно следует отметить, что основанием для отказа в признании и исполнении решения может послужить и то, если исполнение решения иностранного суда в отношении ответчика — гражданина Российской Федерации противоречит публичному порядку Российской Федерации (п. 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ).

Решением Конотопского горрайонного суда Сумской области Украины от 26 ноября 2007 г. с С. в пользу Е. взысканы алименты на дочь Ю. Е. обратилась в суд с ходатайством о принудительном исполнении указанного решения иностранного суда на территории России. Определением Псковского областного суда от 3 апреля 2008 г. в удовлетворении ходатайства отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 19 августа 2008 г. определение суда отменила по следующим основаниям. Отказывая в удовлетворении ходатайства Е. о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения иностранного суда, суд счел, что исполнение решения иностранного суда противоречит публичному порядку Российской Федерации. Вышестоящий суд установил, что суд первой инстанции ошибочно растолковал п. 5 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ. [11]

В силу названной нормы отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда допускается в случае, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации либо противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Содержание понятия «публичный порядок» не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации [12]. Под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные устои основ правопорядка, закрепленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации. Нарушений такого рода при разбирательстве данного дела судом не установлено, и доказательств иного не имеется. [13]

Сделаем вывод, что признание и приведение в исполнение на территории России иностранных судебных постановлений обусловлено объективной необходимостью, поскольку направлено на обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, и является обязанностью любого демократического правового государства.

В настоящее время имеется проблема при признании и исполнении решения иностранного суда, в случае, если отсутствует международный договор или условие в нем о

признании и исполнении. Как поступить в таком случае? Стоит ли дополнять нормы процессуального законодательства положениями о международной вежливости или взаимности, и как это отразится на национальной правовой системе.

Мы считаем, что следует использовать принцип взаимности при признании и исполнении решений иностранных судов по семейным спорам. Но при этом, не нарушая вну-

тренний порядок, сложившийся в государстве, и соблюдая права и законные интересы граждан своего государства, а также обеспечить защиту прав человека, вне зависимости от гражданства и его места жительства. Также судам следует тщательно подходить к рассмотрению каждого заявления о признании и исполнении решения, которые затрагивают семейные отношения, отношения детей и родителей, вопросы проживания и содержания детей.

Литература:

1. Гражданский процесс: Учебник / Е. А. Борисова, С. А. Иванова, Е. В. Кудрявцева и др.; под ред. М. К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. с. 247.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 1 декабря 2009 г. №4-Г09–27 // СПС Консультант.
3. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2007.
4. Литвинский, Д. В. Указ. соч. с. 32. См. также: Он же. «Исполнить нельзя отказать»: еще раз к вопросу о возможности приведения в исполнение решений иностранных судов на территории Российской Федерации в отсутствие международного договора // Вестник ВАС РФ. 2006. № 5.
5. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 27.07.2016 по делу N 33–24441/2016 // СПС Консультант.
7. Московский городской суд, Апелляционное определение от 28 ноября 2013 г. по делу № 11–38765 // СПС Консультант.
8. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2007.
9. Зайцев, Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов. Под ред. В. В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2007. 208 с.
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.07.2013 по делу № 11–21057 // СПС Консультант.
11. Громоздин, С. А., Громоздина М. В. Правовые основания для отказа в признании и исполнении решений иностранных судов по семейным делам на территории России. Инновационная наука. 2016. № 8–3. с. 89–92.
12. Малкин, О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. — М.: Изд-во СГУ, 2008. с. 61–64.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 августа 2008 г. № 91-Г08–6.

Принцип разделения властей и взаимоотношения центральных органов государственной власти

Касимова Асаль Аруслоновна, кандидат юридических наук, доцент
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Статья посвящена изучению принципа разделения властей и взаимоотношения центральных органов государственной власти. Приведены примеры из политико-правовых учений таких ученых как Платон, Аристотель, Монтескье. Изучен зарубежный опыт принципа разделения властей.

Ключевые слова: власть, орган, государство, политика, право, демократия, тирания, закон, судебная власть, исполнительная власть

The article is devoted to the study of the principle of separation of powers and the relationship between the central bodies of state power. Examples from political and legal doctrines of such scientists as Plato, Aristotle, Montesquieu are given. The foreign experience of the principle of separation of powers has been studied.

Key words: power, authority, state, politics, law, democracy, tyranny, law, judicial power, executive power

Принцип разделения властей является одним из основополагающих принципов демократического устройства во всех демократических странах. Разделение властей имеет долгую историю.

Формирование принципа разделения властей как самостоятельного и целостного политико-правового подхода началось в XVII—XVIII вв., период буржуазных революций. Идея ограничения деятельности государственных органов (полномочий) в самых общих чертах выражено в трудах великих мыслителей античности — Платона, Аристотеля, Полибия, Ликурга.

У истоков теории принципа разделения властей стояли Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Кант, Дж. Локк.

По мнению Монтескье: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их» [1]. Таким образом, Монтескье проводит различия между ветвями власти, выделяя законодательную, исполнительную и судебную власть.

В настоящее время требования принципа разделения властей могут реализовываться в разных странах по-разному. Они могут соответствовать социальной системе страны, удовлетворять общество, но в то же время вопросы совершенствования принципа разделения властей не теряют своей актуальности. Наряду с тем, что вопросы функционирования принципа разделения властей являются актуальными в сфере государственного строительства в течение многих веков, данные требования расширяются по своему содержанию и сущности.

Одно из важнейших условий принципа разделения властей связано с вопросом распределения полномочий государственной власти, в котором полномочия ветвей власти закреплены в Конституции.

В президентской республике принцип разделения властей выражается наиболее последовательно. Опыт США показывает, что вышеуказанный принцип дополнен «система сдержек и противовесов», благодаря которой реализуется не только сама система разделения властных полномочий, но и сохраняется взаимный баланс и определенная стабильность.

Принцип разделения властей также свойственен и парламентским республикам. В данном случае обеспечивается независимость законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, но взаимный баланс реализуется своеобразно. Баланс между законодательной и исполнительной властями закреплен правом парламента вынести, вотум недоверия правительству и правом роспуска Парламента главой государства.

В смешанных республиках (полупрезидентских республиках) также существуют свои особенности. Например, согласно французской доктрине принцип разделения властей не означает фрагментацию власти, а наоборот, обеспечение их взаимодействия. Только такая сильная власть служит интересам человека, в этом проявляется значимость государства как института.

Сущность принципа разделения властей выражается соответствием правовых и практических аспектов взаимоотношений центральных органов власти демократическим принципам.

После обретения Республикой Узбекистан независимости были определены стратегические задачи по формированию развитого современного демократического государства и гражданского общества на основе государственности с вековыми традициями. Принцип разделения властей как один из важнейших факторов реализации данных задач, а именно применение системы сдержек и противовесов с правовой и практической точек зрения, осуществляется поэтапно в соответствии с избранным эволюционным путем развития нашей страны.

По этому поводу Первый Президент нашего государства И. А. Каримов отмечал: «...В политической сфере это означает: — построение национальной государственности на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную» [2]. Правовые основы данного подхода нашли отражение в Конституции Республики Узбекистан и других нормативно-правовых актах, научные основы, история принципа разделения властей, сегодняшнее состояние и реализация — монографиях и работах ведущих ученых-правоведов А. Азизходжаева, Х. Адылкариева и З. Исламова.

Разделение властей — принцип, свойственный демократическому правовому государству. Применение данного принципа при осуществлении функций государственной власти не только защищает граждан от произвола должностных лиц, но и позволяет создать эффективную систему по обеспечению деятельности государственных органов. Самое главное — внедрение принципа разделения властей при рациональном учете исторических условий обеспечивает равные права и взаимный баланс разных ветвей власти [3].

Значимость принципа разделения властей для развития Узбекистана и его поэтапная реализация нашли отражение в официальных выступлениях Первого Президента Республики Узбекистан, в частности в выступлении на одиннадцатой сессии Олий Мажлиса второго созыва: — «Нам всем придется изучать и на практике реализовывать систему соблюдения баланса сил, систему сдержек и противовесов между, в первую очередь, законодательной, исполнительной и судебной властью, без чего невозможно существование демократического государства». [4].

Обеспечение эффективного взаимодействия разных ветвей власти является важнейшей задачей. В этой связи Президент нашей страны Ш. Мирзиёев в своем докладе «Обеспечение верховенства закона и интересов человека — гарантия развития страны и благополучия народа» по случаю 24-летия принятия Конституции Республики Узбекистан внес предложение: «...в целях более эффективной организации взаимодействия правительства и парламента в законотворческой и контрольно-аналитической сферах было бы целесообразно учредить должность действующего на постоянной основе представителя Кабинета Министров в Олий Мажлисе» [5]. Президент подчеркнул: «Основной вопрос заключается в своевременном доведении до народа и ответственных исполнителей сути и значения законов, организации их правильного исполнения и обеспечении неукоснительного соблюдения их требований».

Только при последовательном обеспечении эффективного взаимодействия всех трех ветвей власти государственная политика станет оперативной, открытой, прозрачной и действенной. Тем самым повысится доверие населения к государственным органам.

Внедрение в жизнь нашего общества основных принципов представляется наиболее важным. Одним из таких принципов является «Еще более глубокое внедрение демократических стандартов и принципов в государственное управление и общественное строительство. Обеспечение баланса законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Обеспечение их независимости, создание на практике механизмов для выполнения каждой из ветвей власти возложенных на них задач и обязанностей». [6].

Литература:

1. Монтескье, Ш. Избранные произведения. — М.: 1955. с. 290.
2. Каримов, И. А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. — Т.: «Узбекистон», 1996. — 349 с.
3. Одилқориев, Х. Т. Ўзбекистон Республикасида қонун чиқариш жараёни. — Т., 1995. 19 — бет.
4. Каримов, И. А. Избранный нами путь — это путь демократического развития и сотрудничества с прогрессивным миром. Т. 11 — Ташкент: Узбекистон, 2003. — 223 с.
5. Ш. Мирзиёев. Обеспечение верховенства закона и интересов человека — гарантия развития страны и благополучия народа. Доклад на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан. (электронный ресурс) <http://www.press-service.uz/ru/news/5384/>. Время просмотра-19.02.2017 г.
6. Каримов, И. А. За безопасность и мир надо бороться. — Т.: «Узбекистон», 2002. — 416 с.

Уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия

Кочкаров Руслан Махарович, кандидат юридических наук, доцент;

Казиева Альмира Хусеевна, студент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

Ключевые слова: небрежное хранение, уголовная ответственность, преступные лица, снаряжение, пороховой заряд, незаконный оборот оружия

В ст. 244 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия. Нарушение правил хранения огнестрельного оружия выражается в несоблюдении владельцем оружия правил его хранения. Так, оставление оружия в общественном месте, где оно будет доступно для других лиц, создает благоприятную обстановку не только для использования оружия преступными лицами, но и для причинения тяжких последствий гражданским лицам. Известный российский адвокат Хасан Бороков верно отмечает, что если человек взял на себя ответственность за хранение оружия, то он должен нести и уголовную ответственность, если в результате его небрежного отношения к своим обязанностям пострадали люди [7].

Законодательное определение огнестрельного оружия дается в Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», в соответствии с которым огнестрельным оружием является оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда [5].

В данном составе преступления в качестве обязательного признака выступает наличие правовых оснований для владения лицом огнестрельным оружием. Этот признак позволяет отличить небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ) от незаконного хранения оружия и боеприпасов (ст. 222 УК РФ), где отсутствуют любые правовые основания для хранения огнестрельного оружия.

Авторы П.С. Матышевский и И.Я. Козаченко полагают, что при небрежном хранении огнестрельного оружия и при отсутствии на него разрешения, деяния субъекта должны квалифицироваться по совокупности преступлений — по ст. 224 и 222 УК РФ. Хотя, по смыслу в ст. 224 УК РФ законодатель четко закрепляет, что состав преступления образуется при наличии именно законных оснований для его хранения, а соответственно при отсутствии таковых, действия должны быть квалифицированы по ст. 222 УК РФ. Ранее Пленум Верховного Суда РФ закреплял это положение в постановлении от 25 июня 1996 № 5 «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ», но указанное постановление утратило силу, а на сегодняшний день регламентация действий при незаконном небрежном хранении оружия отсутствует. Потому, полагаем, что необходимы

дополнения, и разрешение вопроса относительно квалификации действий субъекта при незаконном небрежном хранении огнестрельного оружия.

Основным непосредственным объектом является общественная безопасность, а указание в статье на наличие тяжких последствий и причинения смерти, позволяют говорить о дополнительном объекте — жизни и здоровья людей, собственности. Судебная практика показывает, что зачастую наряду с общественной безопасностью, нарушаются и общественные отношения, связанные с жизнью и здоровьем людей.

Предмет преступления — специальный: исправное огнестрельное оружие. Законодатель закрепляет, что общественную опасность представляет именно огнестрельное оружие, готовое к использованию, тогда как хранение иных видов оружия не представляет такой опасности, которая создавала бы необходимость его криминализации. Такой подход нельзя назвать корректным, ведь и газовое, и холодное оружие, и боеприпасы могут причинить тяжкий вред здоровью человека, а потому мы считаем необходимым дополнить ст. 224 УК РФ, и обозначить предметом преступления газовое, холодное оружие, а также боеприпасы.

Объективная сторона преступления характеризуется нарушением правил хранения огнестрельного оружия, повлекшим возможность его применения другими лицами. Как правило, деяние субъекта выражается в форме бездействия. Следует учитывать, что условия хранения определяются для каждого вида оружия, а также влияют и условия жизни различных категорий владельцев.

Условия хранения нормативно урегулированы Федеральным законом от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [5], Постановлением Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» [6]. При вынесении судом решения, необходимо учитывать, что критерии хранения огнестрельного оружия определены также и соответствующими ведомственными актами.

Объективная сторона включает в себя и наступившие последствия, так как по конструкции состав материальный: законодатель использует формулировку «наступление смерти человека или иных тяжких последствий». Термин «тяжкие последствия» является субъективно оценочным, как отмечает сам Пленум Верховного Суда РФ. Отсутствие детализации не позволяет говорить о

конкретных примерах таких последствий, но представляется, что таковыми будут являться: грабеж, захват заложников с использованием огнестрельного оружия, причинение значительного материального ущерба, доведение до самоубийства и т. д. По каждому делу вопрос о наличии тяжких последствий решается судом с индивидуальным подходом.

Относительно формулировки «тяжкие последствия» в доктрине уголовного права ученые часто высказываются в пользу исключения условия наступления тяжких последствий по ст. 224 УК РФ, полагая, что сам факт небрежного хранения огнестрельного оружия является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Мы поддерживаем эту позицию, так как основной причиной наступивших последствий является небрежность со стороны владельца оружия, — исходя из этого мы предлагаем сконструировать основной состав как формальный, а в качестве квалифицирующего признака указать следующую формулировку *«то же деяние, повлекшее причинение смерти или иные тяжкие последствия»*.

Особенность причинной связи деяния с наступившими последствиями состоит в том, что наступление общественно опасных последствий зависит одновременно от действий лица, допустившего небрежное хранение оружия и действия лица, воспользовавшегося этим. Ранее нами было отмечено, что законный владелец оружия лишь создает условия для его использования, хотя ст. 224 УК РФ не может вменяться без наступивших общественно-опасных последствий.

Несмотря на то, что тяжкие последствия фактически причиняются третьим лицом, за них отвечает не только это третье лицо, но и владелец, небрежно хранивший огнестрельное оружие. Вместе с тем, непосредственный причинитель преступного вреда не всегда отвечает за содеянное, например, при недостижении им возраста уголовной ответственности, по причине невменяемости и т. п. [2, с. 8]

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется неосторожной формой вины. При буквальном толковании нормы, складывается мнение, что преступление может быть совершено только в форме небрежности.

Некоторые авторы в своих научных исследованиях отмечают, что действительно форма вины данного состава — небрежность, хотя преступление может быть совершено как в форме небрежности, так и в форме легкомыслия. Данный факт связан с тем, что законодатель, употребляя формулировку «небрежное хранение огнестрельного оружия», описывает не сторону субъективную, но объективную, что можно охарактеризовать тем, что лицо ненадлежащим образом выполняет условия хранения оружия. Мы полагаем, что недопустимо использование термина «небрежное» в данном преступлении, так как нормы уголовного права толкуются буквально, а потому предла-

гаем ввести термин *«нарушение правил хранения огнестрельного оружия»*.

По смыслу ст. 224 УК РФ необходимы законные основания для владения лицом огнестрельным оружием, а законодательно определены следующие критерии — граждане РФ, достигшие возраста 18 лет, — субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 18 лет, обладающее правом хранения огнестрельного оружия, то есть субъект специальный.

Отметим, что в соответствии со статьей 22 Федерального закона «Об оружии» юридическим лицам и гражданам запрещаются хранение и использование найденного ими или переданного им огнестрельного оружия, собственниками которого они не являются, за исключением случаев, определенных Федеральным законом. Подобное оружие подлежит немедленной сдаче в органы внутренних дел [5].

Вопрос о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих, работников других военизированных организаций за небрежное хранение огнестрельного оружия, повлекшее его утрату и использование иными лицами, если это повлекло за собой причинение тяжких последствий, разрешается по ст. 348 УК РФ, — лицо, которому поручена охрана огнестрельного оружия, несет ответственность по ст. 225 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 224 УК РФ не требуется. В случаях, когда огнестрельное оружие находится во владении на нелегальных основаниях, лицо должно привлекаться к ответственности только по ст. 222 УК РФ [3, с. 10].

Несоблюдение норм хранения оружия порождает большое количество преступлений. В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики, только за январь 2017 г. в России было совершено 2,3 тыс. преступлений с использованием огнестрельного оружия [1]. Данный показатель нельзя назвать утешительным, особенно учитывая тот факт, что в 2014 году наказание по ст. 224 УК РФ было ужесточено: ч. 2 ст. 224 УК РФ предусматривает до двух лет лишения свободы. Предложение по ужесточению наказания было внесено в Государственную думу после инцидента в одной из московских школ, когда ученик пришел в школу с винтовкой, убил двух человек, и взял заложников.

По нашему мнению, совершенно верно ужесточено наказание по данной статье, хотя и предполагаем, что его можно было бы увеличить, ведь, как сказал российский юрист Сергей Жорин, «надо прививать культуру хранения оружия».

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в рассмотренном составе преступления существуют определенные нюансы, и особенности, которые необходимо учитывать при назначении наказания, а также сформулированные нами предложения и выводы обладают практической значимостью, так как в будущем могут способствовать разрешению многих пробелов, возникающих при квалификации деяний по ст. 224 УК РФ.

Литература:

1. Статистика Федеральной службы Государственной статистики об основных показателях преступности в РФ [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/
2. Задоян, А. А. Ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия: статья // А. А. Задоян. — М.: Актуальные вопросы российского права. 2014.
3. Степанова, М. А. Небрежное хранение огнестрельного оружия: особенности квалификации и отграничение от смежных составов: статья // М. А. Степанова. — Белгород: Проблемы правоохранительной деятельности. 2016.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/
6. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (ред. от 06.05.2015) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504/
7. «Законодательство. РАПСИ» от 05.02.2014 // [Электронный ресурс]: http://rapsinews.ru/legislation_news/20140205/270653091.html

Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и законодательного применения

Лисица Анастасия Алексеевна, студент;

Шищенко Елена Андреевна, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В данной статье поднимается тема, которая очень актуальна на сегодняшний день, и которая порождает много вопросов в правоприменительной практике, но ответов на эти вопросы не так много. Соучастие в преступлениях — это тема нашей статьи. В ней будут рассмотрены проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются суды при разрешении уголовных дел и вынесении приговоров лицам, совершившим преступление в соучастии, и пути решения этих проблем. Также будут приведены примеры из судебной практики, когда судами были допущены ошибки при разбирательстве дел о соучастии.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; проблемы института соучастия в преступлении; соучастие с несовершеннолетними лицами; квалификация преступлений, совершенных в соучастии

Впервые законодательно такой институт, как соучастие в преступлении, нашел отражение в Уголовном уложении 1903 года. Далее, в советском уголовном праве он был закреплен в УК РСФСР 1960 г., и статья 17 звучала таким образом: «Умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления» [2].

В ныне действующем Уголовном кодексе РФ 1996 года содержится целая глава 7, которая состоит из пяти статей и включает в себя такие понятия, как: формы соучастия, эксцесс исполнителя преступления, виды соучастников, особенности ответственности соучастников [1].

В правоприменительной практике при квалификации преступлений, совершенных группой лиц без предварительного сговора, группой лиц по предварительному сговору, преступным сообществом или организованной

группой, возникают трудности, так как соучастие требует давать правовую характеристику сразу нескольких лиц, действия которых связаны единым умыслом и совместным совершением общественно опасного деяния.

В настоящее время в институте соучастия возникает много проблем. Они, в большинстве своем, являются спорными.

Стоит перечислить некоторые проблемы соучастия в преступлении, встречающиеся на практике.

1. Проблема неосторожного сопричинения. В этом случае несколько лиц, заранее не договариваясь и не согласовывая между собой свои намерения, действуя в одиночку, по неосторожности совершают одно преступление.

2. Проблема неправильной квалификации. Не являются редкостью такие случаи, когда суд квалифицирует

преступление как совершенное по предварительномуговору, когда сговора не было или пособника преступления квалифицируют как соисполнителя.

3. Проблема отсутствия в действующем УК РФ отличительных критериев «преступного сообщества» от «преступной организации» или «группы лиц по предварительномуговору» от «организованной группы».

4. Проблема посредственного исполнительства (посредственного причинения вреда) при соучастии в преступлении. В данном случае одно лицо, которое рассматривается как исполнитель, совершает преступную деятельность, и в качестве орудия преступления использует лиц, не обладающих признаками субъекта преступления (невменяемых или не достигших возраста уголовной ответственности).

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, лицо, вовлекшее в совершение преступления, не достигшего возраста уголовной ответственности или невменяемого, несет уголовную ответственность за данное общественно опасное деяние как исполнитель.

Об этом же говорится и в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 [3].

Но при этом некоторые ученые утверждают, что при таком соучастии, в котором участвуют не подлежащие уголовной ответственности лица под руководством невменяемого и достигшего возраста уголовной ответственности лица, соучастия как такового нет, так как невменяемое и не достигшее возраста лицо не является субъектом преступления [4]. Из этого следует, что уголовной ответственности подлежит только одно лицо исполнитель. Как нам известно из статьи 32 УК РФ, в соучастии принимают участие два или более лица. При этом подразумевается, что эти лица являются вменяемыми и достигли возраста уголовной ответственности на момент совершения преступления (по общему правилу — 16 лет, а в некоторых случаях 14 лет). А значит, в таком соучастии участвует только одно лицо, являющееся субъектом преступления, и вряд ли такое лицо может называться исполнителем преступления.

Непонятно, почему посредственное исполнительство или посредственное причинение относится к соучастию (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Ведь как говорится в той же ч. 2 ст. 33 УК РФ «другие лица», под которыми понимаются, в том числе, и невменяемые лица, не являются субъектами преступления и не подлежат уголовной ответственности, как уже было сказано ранее, именно поэтому они и не могут являться соучастниками преступления. Из этого следует, что в этих случаях соучастия как такового нет.

Что касается проблемы неосторожного сопричинения, то она на сегодняшнее время остается довольно спорной.

Уголовное законодательство Российской Федерации не признает неосторожность при соучастии. В статье 32 УК РФ четко определено, что соучастием является только совершение умышленного преступления. Но некоторые ученые придерживаются другого мнения, согласно которому неосторожность в соучастии возможна.

Н. Д. Сергеевский полагал, что неосторожное соучастие случается, когда соучастники не предвидят последствия, но могут и должны предвидеть. Например, на крыше дома работают люди, и начальник без достаточных предостережений приказывает сбросить бревно вниз, один рабочий подзывает на помощь другого, и они вместе скидывают его. Бревно падает на человека и причиняет ему смерть. В этом случае, начальник — подстрекатель в неосторожном соучастии, первый работник — исполнитель, а второй — пособник или соисполнитель, в зависимости от того, какие действия он предпринимал, чтобы помочь [5].

С Н. Д. Сергеевским был солидарен и И. Я. Хейфец, который в своей книге выделил целую главу о неосторожном подстрекательстве [6].

Ф. Лифт был не согласен с тем, что в соучастии есть место неосторожности. Он считал, что нет неосторожного подстрекательства и пособничества, есть только умышленное, так как и подстрекатель и пособник вполне могут осознавать свои действия и их последствия [7].

Что касается остальных перечисленных проблем, то можно обратиться непосредственно к судебной практике.

Приведем примеры неверной квалификации. Так, Я. и К. были осуждены Истринским городским судом Московской области за соучастие в служебном подлоге, повлекшим существенное нарушение охраняемым законом интересов государства, совершенного в форме подстрекательства, а также в форме пособничества. Судебная коллегия Московского областного суда признала квалификацию по соучастию ошибочной, указав, что в суде первой инстанции при составлении протокола М. внес заведомо ложную информацию с целью добиться более высоких показателей в работе. Также, суд первой инстанции при вынесении приговора Я. и К. не принял во внимание правила, которые содержатся в статье 32 УК РФ и части 4 статьи 33 УК РФ, тем самым нарушил требования уголовно-процессуального и уголовного закона. При вынесении приговора суд первой инстанции необоснованно принимал ложные показания свидетелей, а правдивые показания отвергал. Кроме того, судебной коллегией Московского областного суда были замечены грубые ошибки, допущенные судом первой инстанции, в выводе описательно-мотивировочной части приговора, в которую были занесены недостоверные и ничем не доказанные показания свидетеля М. При этом, как выяснилось, М. не давал тех показаний, которые были учтены судом первой инстанции в описательно-мотивировочной части приговора. В результате обнаружения факта нарушения судом первой инстанции уголовно-процессуального и уголовного закона, судебная коллегия Московского областного суда отменила квалификацию преступления как совершение преступления в соучастии в отношении Я. и К. [8]. Другим примером является уголовное дело в отношении К., который в суде первой инстанции был осужден за покушение на кражу группой лиц по предварительномуговору, с причинением значительного ущерба гражданину. Но суд первой инстанции не учел ч. 2 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой преступление

признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Кроме того, суд первой инстанции не посчитал нужным обратиться к разъяснениям Пленума Верховного суда РФ п. 8 Постановления от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором говорится, что содеянное исполнителем, то есть К., не может квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, если организатор, пособник либо подстрекатель непосредственно не участвовали в совершении хищения чужого имущества. А так как неустановленное лицо по независящим от него причинам не принимало участие в совершении кражи, в действиях К. отсутствует квалификационный признак — совершения хищения «группой лиц по предварительному сговору». Вследствие чего размер наказания был снижен [9].

Также в судебной практике есть случаи возникновения проблем при разграничении понятий «организованная группа» и «группа лиц по предварительному сговору». Так, в Ставропольском крае суд кассационной инстанции отменил решение суда первой и апелляционной инстанций в отношении двух лиц, выявив ошибку в применении уголовного закона, что существенно повлияло на квалификацию преступления. Ставропольский краевой суд установил, что в действиях Ф. и Н. не имеется признаков организованной группы, а именно: профессионализма; большой степени устойчивости, которая предполагает наличие постоянных связей между членами группы и специфических методов деятельности по подготовке преступлений; распределения ролей; тщательной подготовки и планирования преступления организатором; технического оснащения и координации соучастников; тщательного подбора и вербовки соучастников; особого порядка вступления в организованную группу; стабильности и сплоченности ее состава; узкой преступной специализации соучастников, а также подчинения жесткой групповой дисциплине. Учитывая это, в ходе разбирательства было установлено, что для совершения преступления Ф. и Н. вступили в предварительный сговор, но признаков организованной группы нет, из этого следует, что в их действиях усматривается квалифицирующий признак совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору». В результате чего квалифицирующий признак «совершение разбоя организованной группой лиц» был изменен на «группой лиц по предварительному сговору» и размер наказания снижен [10].

При изучении спорных и проблемных моментов в институте соучастия, а также судебной практики по соучастию, можно сделать вывод, что наши суды, как и раньше,

достаточно серьезно и часто ошибаются в квалификации преступлений по данному институту. Не вносят ясности и четкости также и постановления Пленума Верховного Суда РФ. Многие люди осуждены по результатам неправильной квалификации и срок заключения под стражей у них выше, чем они того заслужили.

На наш взгляд, существование таких проблемы зависит от нескольких причин. Прежде всего, правоохранительные органы хотят повысить процент показателей о раскрываемости преступлений в институте соучастия. Здесь идет речь непосредственно о группах по предварительному сговору, преступных сообществах и т. д. И при этом не принимается во внимание, что в конкретном преступлении отсутствуют признаки, например, организованной группы. Также некоторые свидетели вводят в заблуждение суд, дав ложные показания насчет конкретного лица, а суд, в свою очередь, не разобравшись до конца, выносит приговор на основании ложных показаний свидетеля, тем самым утверждает неправильную квалификацию преступления. Как уже было сказано выше, отсутствие четких критериев различия между группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в уголовном законодательстве также может вводить в заблуждение суд.

Уголовному законодательству нашей страны необходимо в срочном порядке решать эти проблемы, потому что соучастие представляет собой очень серьезный институт, так как в одном преступлении задействуются сразу несколько лиц, от чего общественная опасность поднимается в разы.

На наш взгляд, государству необходимо принять ряд мер для исправления этих ошибок и проблем. В первую очередь, нужно разработать четкие критерии разграничения между группой лиц по предварительному сговору, преступным сообществом, организованной группой и т. д. Также следует тщательнее проводить следствие по данному институту, при этом обязательно привлекать к ответственности должностных лиц правоохранительных органов, которые сознательно «закрыли глаза» на отсутствие признаков конкретного преступления. В каждом случае, в суде при разрешении дела о соучастии, необходимо обязать суд обращаться не только к нормам уголовного закона, но и к всевозможным действующим постановлениям, которые уточняют и расширяют положения о соучастии.

Когда уголовное законодательство начнет активно бороться с проблемами соучастия, процент преступлений, совершенных в соучастии, станет меньше, повысится процент раскрываемости таких преступлений, и что самое важное — будет снижен процент ошибочной квалификации при вынесении приговора и назначении уголовного наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 07.03.2017) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу с 01.01.1997) // Ведомости ВС РСФСР, 1960, N 40, ст. 591.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2011.
4. Назаренко, Г. В. Квалификация особых случаев соучастия: соучастие и невменяемость // Правоведение. 2008. № 3. с. 95.
5. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1887. с. 371–372.
6. Хейфец, И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1912. с. 377–378, 396.
7. Лифт, Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. с. 245–251.
8. Дело № 22–3496/2016 // Архив Московского областного суда г. Красногорск (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-moskovskij-oblastnoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-105296217/> (Дата обращения: 09.03.2017).
9. Дело № 22–13/2017 (22–1810/2016) // Архив Новгородского областного суда г. Великий Новгород (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-novgorodskij-oblastnoj-sud-novgorodskaya-oblast-s/act-548798637/> (Дата обращения: 09.03.2017).
10. Дело № 4У-1633/2016 [44У-325/2016] // Архив Ставропольского краевого суда (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-stavropolskij-kraevoj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-540267653/> (Дата обращения: 09.03.2017).

Институт реабилитации в уголовном процессе России

Лисовец Дмитрий Андреевич, магистрант

Научный руководитель: Коблева Мария Мухадиновна, кандидат юридических наук, декан

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Правовая реабилитация является одним из слабо изученных институтов уголовного процесса России и нуждается в основательном законодательном закреплении.

На протяжении длительного периода времени интересы потерпевших в России не являлись предметом особой заботы и правовой защиты. Органы, осуществлявшие уголовное судопроизводство, зачастую пренебрегали правом лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию на восстановление их прав и возмещение вреда.

Принятые 18 мая 1981 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и Положение «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда», способствовали чёткому законодательному закреплению и признанию за государством возможных ошибок со стороны должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, несмотря на то, что они (ошибки) осознавались обществом и были предметом исследования многих русских юристов.

С момента принятия вышеуказанных нормативных актов прошёл длительный период времени и в государстве произошли глобальные перестроения. Изменилось законодательство, политический режим, структура государства и, в конце концов, существенно изменилось сознание общества.

Из функций современного государства, в его гуманистическом смысле, происходят сущность представленного института, его назначение и необходимость. Институт реабилитации неразрывно связан с понятием современного правового государства, в котором основными принципами являются:

- 1) наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина;
- 2) создание для личности режима правового стимулирования;
- 3) наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти;
- 4) формирование для государственных структур правового режима ограничения.

Реформа уголовно-процессуального законодательства уделила особое внимание проблеме ответственности государства перед гражданином за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (далее — УПК РФ) закрепляет в своих нормах понятие и институт реабилитации, основываясь на положениях и принципах Конституции Российской Федерации, международном праве и международных соглашениях.

Реабилитация — это процесс восстановления прав и свобод, а также порядок возмещения вреда в отношении лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17, лица, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу, причинён вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию. Однако в случае причинения вреда указанным лицам они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ. [6]

В настоящее время основанием для возникновения у лица права на реабилитацию является вынесенный в отношении него оправдательный приговор или вынесенное постановление (определение) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям, указанным в части 2 статьи 133 УПК РФ, либо об отмене незаконного или необоснованного постановления о применении принудительных мер медицинского характера.

Согласно ч. 1 ст. 134 УПК Российской Федерации, суд в приговоре, определении, постановлении, а следователь, дознаватель — в постановлении, признают за оправданным, либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию.

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание правоприменителей на то, что «по смыслу ст. 134 УПК РФ приговор, определение, постановление суда, вынесенные по основаниям, предусмотренным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, обязательно должны содержать указание о праве гражданина на реабилитацию, включая возмещение причиненного ему вреда». [7, с. 105]

Необходимо согласиться с мнением Д. В. Татьяна, который отмечает, что требуется вынести дополнительный процессуальный акт, в котором должно быть указано признание за лицом права на реабилитацию. Данная необходимость вызвана отсутствием в процессуальном документе указания о признании за лицом права на реабилитацию и возмещение имущественного вреда, при наличии оснований, предоставляющих указанное право.

Зачастую правоприменители исходят из того, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает вынесение дополнительного акта о признании права на реабилитацию. В соответствии с п. 1 ст. 397 УПК РФ в порядке исполнения приговора рассматриваются вопросы возмещения вреда реабилитированному, а не признания его права на это. Из этого следует, что заявления лиц, в которых поднимается вопрос только о признании за ними права на реабилитацию, без какого-либо требования о возмещении определенного вреда или восстановлении нарушенных прав, не подлежат рассмотрению в порядке исполнения приговора, суды отказывают в принятии таких заявлений, вынося соответствующее постановление.

Однако существуют примеры, когда аналогичные ходатайства лиц, считавших, что за ними безосновательно не было признано право на реабилитацию, были удовлетворены. Подобные случаи имели место при вынесении приговоров, по которым лицо было оправдано по одному и осуждено по другому обвинению.

Основываясь на судебных стадиях уголовного судопроизводства к лицам, имеющим право на реабилитацию, соответственно относятся:

1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;

2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и (или) по иным реабилитирующим основаниям;

3) осужденный — в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК. [7]

Также правом на реабилитацию может воспользоваться лицо, в отношении которого были применены принудительные меры медицинского характера, в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры.

Анализируя судебную практику, рассматривается проблема того, что должностные лица и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, решая вопросы о признании права на реабилитацию, основываясь на содержании ч. 2 ст. 133 УПК РФ, руководствуются исчерпывающим перечнем оснований возникновения права на реабилитацию. Данная тенденция вызвана недостаточно четкой регламентацией норм ст. 133 УПК РФ, которая приводит на практике к обращению в суд граждан, уголовное преследование в отношении которых прекращено в связи с отказом частного обвинителя от обвинения.

В соответствии со ст. 135 УПК РФ под возмещением реабилитированному исключительно имущественного вреда следует понимать издержки, которые понёс гражданин в результате уголовного преследования: штрафы, уплаченные им во исполнение приговора, оплата юридической помощи, конфискованное в имущество, иные расходы (стоимость проезда к месту вызова реабилитированного и обратно, его расходы по найму жилого помещения, суточные и др.) и заработная плата, при выплате которой необходимо учитывать процесс её изменения с момента осуждения и до момента принятия решения о возмещении вреда.

В рамках иска, который заявляется реабилитированным исключительно в пределах гражданского судопроизводства в районном суде, производится компенсация морального вреда. В свою очередь Прокурор от имени государства приносит официальные извинения за причинённый реабилитированному вред.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что в целом институт реабилитации содержит в себе нормы, способствующие лицу, подвергнутому незаконному уголовному преследованию и осуждению, восстановить нарушенные

права, возместить причинённый ущерб и получить компенсацию морального вреда (хотя бы частично). Данный институт полностью соответствует назначению уголовного судопроизводства, равно как и уголовное преследование и назначение виновному справедливого наказания, возводя реабилитацию в один из основополагающих принципов уголовного процесса.

Также полагаем, что сущность института реабилитации состоит в том, что государство признаёт ошибки своих должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, делая всё возможное для упрощения этой процедуры, не устанавливая сложных бюрократических барьеров.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принятая резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) // Российская газета от 10 декабря 1998 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с измен. и доп. от 7 февраля 2017 г. № 12-ФЗ) \ \ \ Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с измен. и доп. от 7 марта 2017 г. № 33-ФЗ).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. — 1998. № 20.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). М., 2017 (с измен. и доп. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Андреева, И. А. Возмещение вреда государством как конституционно — правовой институт: Дисс. канд. Юрид. Наук. М., 2010.
8. Вандышев, В. В. Уголовный процесс общая и особенная часть / Учебник для юридических вузов и факультетов // Межрегиональный институт экономики и права. 2015.
9. Гуляев, А. П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5.
10. Макарова, О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5.
11. Статья: Институт реабилитации (Рохлин В., Миронов М.) («Законность», 2007, N 5)
12. Татьянин, Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования и проблемы его определения

Лукьянова Арина Юрьевна, магистрант
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены основные правовые проблемы, существующие в деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальный финансовый контроль, контрольно-счетные органы муниципальных образований

Контрольный орган муниципального образования выступает особым институтом муниципального контроля, организация и деятельность которого своим юридическим первоначалом имеют конституционные нормы, которые оформляют государственно значимую потребность муниципальных территориальных коллективов в рамках самоорганизации принимать ответственные ре-

шения об эффективном использовании финансово-экономических потенциалов муниципальных образований и соответственно контролировать их безусловное выполнение обязанностями субъектами. Роль такой структуры весьма важна и приобретает все большее значение в силу приближенности контроля к решению социально-экономических проблем муниципальной власти.

С момента принятия Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее — Федеральный закон № 6-ФЗ) в Российской Федерации была сформирована необходимая основа для формирования системы постоянно действующих органов, осуществляющих внешний государственный финансовый контроль. Принятие указанного Федерального закона является крайне важным и актуальным для повышения эффективности и целевого характера расходования бюджетных средств. Вместе с тем, установив общие принципы организации, деятельности и основные полномочия контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, Федеральный закон № 6-ФЗ вызвал на практике множество споров и противоречий. [1]

Часть 1 статьи 34 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» имеет общий характер и предусматривает в себе лишь перечень (набор) органов местного самоуправления, которые могут образовываться в конкретном муниципалитете. В частности, в ней говорится о том, что структуру органов местного самоуправления, помимо представительного органа, главы муниципального образования, местной администрации, составляет также контрольно-счетный орган муниципального образования. [2]

Кроме этого, структуру органов местного самоуправления могут составлять и иные органы в случае, если они предусмотрены уставом муниципального образования.

Вместе с тем ключевое значение для понимания правового статуса контрольно-счетного органа имеет часть 2 статьи 34 Федерального закона № 131-ФЗ. В данной части четко и исчерпывающим образом называются органы местного самоуправления, наличие которых является строго обязательным для каждого муниципального образования. В их числе: представительный орган, глава муниципального образования и местная администрация. Другие органы местного самоуправления, в том числе контрольно-счетный орган, не называются в таком качестве.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие контрольно-счетного органа как отдельного самостоятельного органа местного самоуправления в муниципальном образовании не является обязательным. Создание этого органа местного самоуправления отнесено к дискреционным полномочиям самого муниципального образования, является его правом, но не обязанностью. Действующая редакция Федерального закона № 6-ФЗ также не устанавливает каких-либо правовых норм, которые обязывали бы каждое муниципальное образование формировать у себя контрольно-счетный орган в качестве самостоятельного органа местного самоуправления. Бюджетный кодекс Российской Федерации также не предусматривает положений, которые указывали бы на обязательность формирования контрольно-счетного

органа в качестве органа местного самоуправления в каждом муниципальном образовании. Решения о создании органа внешнего финансового контроля как отдельного органа должны приниматься муниципальными образованиями самостоятельно, взвешенно, оценивая, прежде всего, бюджетные (финансовые) и кадровые ресурсы конкретного муниципального образования.

У муниципальных образований имеется возможность сохранить модель, при которой внешний финансовый контроль осуществляется контрольными органами, созданными в составе представительных органов. Между тем по своему правовому статусу контрольные органы представительных органов, конечно же, отличаются от контрольно-счетных органов муниципальных образований.

Контрольный орган представительного органа муниципального образования не является самостоятельным органом местного самоуправления. Следовательно, он не обладает собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, организационной и функциональной независимостью, не может осуществлять свою деятельность самостоятельно. Данный контрольный орган входит в состав представительного органа на правах его структурного подразделения.

Также, существенные различия заключаются в объеме полномочий. Это обусловлено тем, что контрольный орган в составе представительного органа может выполнять функции в области муниципального финансового контроля только в пределах и целях обеспечения собственных полномочий представительного органа муниципалитета. Данные полномочия заключаются в осуществлении: предварительного контроля — в ходе обсуждения и утверждения проекта решения о бюджете, иных проектов решений по бюджетно-финансовым вопросам, текущего контроля — в ходе рассмотрения отдельных вопросов исполнения бюджета, последующего контроля — в ходе рассмотрения и утверждения отчета об исполнении бюджета. При этом полномочие по проведению внешней проверки годового отчета об исполнении местного бюджета остается в любом случае за представительным органом муниципального образования. Контрольный орган как его структурное подразделение может подготовить необходимые документы для представительного органа, на основании которых сам представительный орган утверждает заключение.

Помимо противоречия в вопросе обязательности создания КСО в муниципальном образовании, имеются также спорные вопросы в наделении контрольно-счетного органа муниципального образования правами юридических лиц.

Наличие у контрольно-счетного органа муниципального образования прав юридического лица в организационно-правовой форме «учреждение» дает ему возможность участвовать, в том числе, в гражданско-правовых отношениях. Так, обладая правами юридического лица, контрольно-счетный орган может иметь на праве оперативного управления имущество, иметь самостоятельный баланс и (или) смету, что позволяет ему осуществлять

свою деятельность самостоятельно, сохраняя организационную и функциональную независимость в соответствии с требованиями части 4 статьи 3 Федерального закона № 6-ФЗ.

Самостоятельное решение вопросов, связанных с оформлением трудовых отношений, ведением трудовых книжек, подачей сведений о сотрудниках во внебюджетные фонды и осуществление в них отчислений также связано с наличием у органа прав юридического лица.

Однако федеральный законодатель оставил решение вопроса о придании контрольно-счетному органу муниципального образования статуса юридического лица на усмотрение органов местного самоуправления (часть 8 статьи 3 Федерального закона № 6-ФЗ).

Не вызывает сомнений то, что создание контрольно-счетного органа муниципального образования без наделения его правами юридического лица оправдано в случае небольшой штатной численности, обусловленной недостаточностью средств местного бюджета, и, следовательно, невозможностью самостоятельно осуществлять материально-техническое и организационное обеспечение своей деятельности.

В этом случае организационную и функциональную независимость контрольно-счетного органа муниципального образования должен гарантировать особый порядок обеспечения его деятельности.

Возможным вариантом решения проблемы создания контрольно-счетного органа в поселениях может стать заключение соглашения между представительным органом муниципального района и представительными органами поселений, входящих в состав данного муниципального района, о передаче контрольно-счетному органу муниципального района полномочий контрольно-счетного органа поселений по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля (часть 11 статьи 3 Федерального закона № 6-ФЗ).

Относительно порядка поступления гражданина на должность председателя, заместителя председателя или аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования полагаем необходимым отметить следующее.

Исходя из положений Федерального закона № 6-ФЗ, поступление гражданина на должность председателя контрольно-счетного органа муниципального образования осуществляется посредством его назначения на указанную должность представительным органом муниципального образования. Представляется, что такое назначение должно быть оформлено решением представительного органа муниципального образования.

Необходимо обратить внимание на то, что вопросы оформления трудовых отношений с председателем, заместителем председателя, аудитором и другими работниками контрольно-счетного органа муниципального образования, не являющегося юридическим лицом, остались не урегулированы действующим законодательством.

В своей деятельности КСО должны руководствоваться законодательно закрепленными принципами. В ст. 3 закона № 6-ФЗ нашли отражение положения Лимской декларации, устанавливающие основные принципы деятельности органов финансового контроля. Так, законом установлены принципы организации и принципы деятельности, при этом принципы деятельности четко определены и перечислены в статье 4, а принципы организации указываются по всему тексту закона без определенного перечисления. Каким образом, можно сделать вывод тем, что законодатель на первом месте в степени значимости ставит принципы деятельности, такие, как: принцип законности, объективности, эффективности, независимости и гласности [3].

Несмотря на попытки правительства усовершенствовать систему государственного финансового контроля, в нашей стране до сих пор существует множество субъектов контроля с параллельными функциями и дублирующими полномочиями. Финансовый контроль в рамках органов исполнительной власти и администраций муниципальных образований осуществляют Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Федеральное казначейство, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и уполномоченные ими органы, главные распорядители, распорядители бюджетных средств. [4]

Литература:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов в субъектах Российской Федерации и муниципальных образований» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12182695/>
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
3. Лагутин, И. Б. Невеллы регионов финансово-контроля в России: науч.-практ. комментарии к Федеральному закону «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов в субъектах Российской Федерации и муниципальных образований» // Вестник ВГУ. Серия: Прав. — 2011. — № 2. — с. 353.
4. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 15.02.2016, с изм. от 30.03.2016) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_19702/

Внедрение современных требований из примера международной практики в государственный контроль за качеством строительства

Малаханов Абзал Кайратович, магистрант

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (г. Алматы)

В статье рассматриваются обеспечение качества строительства, путем насыщения рынка организациями, имеющими в своем составе квалифицированных инженерно-технических работников, прошедших аттестацию в аккредитованных аттестационных центрах.

Ключевые слова: качество, строительство, квалификация, инженерно-технические работники, аттестация, аккредитация

В Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» Президент Республики Казахстан — Лидер нации Н.А. Назарбаев особо подчеркнул, что необходим новый тип государственного управления. Для достижения данной цели поставлены конкретные задачи — сформировать профессиональный государственный аппарат и совершенствовать управленческий ресурс. Развитие государственной службы, глобализация и современные вызовы показали актуальность повышения качества принимаемых управленческими решениями. В свою очередь эффективность таких решений в значительной степени определяется уровнем профессионализма государственного аппарата.

На формирование полноценной среды обитания и жизнедеятельности человека, устойчивое развитие населенных пунктов и межселенных территорий в нашей стране не регулируются должным образом отношения, возникающие между государственными органами, физическими и юридическими лицами в процессе осуществления архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан, а именно имеются противоречия в нормативно-правовых базах, отсутствия компетентности в деятельности государственных служащих и правил по техническому обследованию надежности и устойчивости зданий и сооружений.

Исследование теоретико-методологических проблем информационного обеспечения управления, поиск способов его включения в управленческую деятельность опирается на широкий спектр научных взглядов отечественных и зарубежных ученых и практиков.

Информационное обеспечение в организационных системах управления рассматривается в работах Зигера И.С., Иванова П.Ф., Ильиной О.П., Афанасьев Э.В., Ярошенко В.Н., Атаманчука Г.В., Козбаненко В.Л., Елякова А.Д., Белла Д., Кастельса М., Ракитова А.И., Степановой Е.Е., Хмелевской Н.В., Мукалиева Н.К., Мецик О.И.

В настоящее время органы государственных органов все чаще и чаще сталкиваются с новыми проблемами управления. Данные проблемы заставляют поменять устоявшиеся манеры управления государством. Действительно так, организации в частном секторе, которые

имеют обновленную менеджеральную программу управления, и бывшие руководители или сотрудники которых, устраиваясь на государственную службу, бросают вызов государству применяя менеджеральный подход. Эти изменения в государственном управлении должны управляться в первой приоритетности.

Эти реформы вдохновляют на обширную модель ставящие точки в частном секторе, которые имеют на своей стороне, и живут с реальной менеджеральной революцией (активизация, мыслить по менеджменту). Вся эта работа относительно менеджмента позволила лучше понять, все, что происходит в секторе, который можно назвать «черный ящик менеджмента», и которое подсказывает в начале подсказывает обдумывать, рассматривать, и только потом анализировать некоторую проблематику и со временем, должна содержать в государственном управлении следующее:

— контролировать власть, уполномоченную в своей компетенции: необходимо проинвентаризовать свою собственную организацию, свой сервис, у нас отсутствует, как наследство идеальная организация, следовательно, сегодня не нужно применять старые меры управления, а необходимо извлечь, те полезности, которые уже имеем;

— мотивировать сотрудников (соавторов, участников), имеющие личную приверженность, ставшие необходимостью в эффективном функционировании институтов власти;

— оценить, рассчитать доступные ресурсы, которые появляются часто в недостаточном количестве, и которые требуют обязательных сложений в настоящее время, как отсутствующие;

— организовать, поддержать и провести изменения организаций, которые именовались, быстро развивающиеся.

Эти изменения предлагают в контроллинге новых полезностей. Которые представляют три ветви, это бенчмаркинг, анализ значимости и возможности.

Менеджмент в упрощенном понимании — это умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей. Менеджмент — «управление» — функция, вид деятельности по руководству людьми в самых разнообразных организациях. Менеджмент — это также область человеческого знания,

помогающего осуществить эту функцию. Наконец, менеджмент как собирательное от слова «менеджер» — это определенная категория людей, социальный слой тех, кто осуществляет работу по управлению.

Единая республиканская система государственного — архитектурно строительного контроля была образована постановлением Совета Министров Казахской ССР от 26 августа 1987 года № 400 «О реализации постановления Совета Министров СССР от 23 июля 1987 года № 841 «О совершенствовании экспертизы проектов и смет на строительство предприятий, зданий и сооружений, подведомственных республиканским и местным органам управления».

В соответствии с указанным правительственным решением в единую республиканскую систему включались:

1) Главное управление государственной вневедомственной экспертизы при Госстрое Казахской ССР (в 1991 — 1993 годах — Госархстрой Республики Казахстан);

2) территориальные управления государственной вневедомственной экспертизы при облисполкомах, Алма-Атинском и Ленинском горисполкомах, подчиненные одновременно соответствующему исполнительному комитету местного Совета народных депутатов и Главному управлению государственной вневедомственной экспертизы при Госстрое Казахской ССР.

Указом Президента Республики Казахстан от 6 сентября 1993 года № 1344 «О новой жилищной политике» на базе упраздненного Госархстроя Республики Казахстан было образовано Министерство строительства, жилья и застройки территорий (Минстрой) Республики Казахстан. Этим же Указом была определена структура Минстроя, предусматривающая, помимо центрального аппарата министерства, его подразделения в областных центрах и городах республиканского подчинения, осуществляющие на местах лицензирование, контрольные (инспекционные) функции, а также государственную экспертизу проектов.

В целях реализации этого Указа Главы государства постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан от 23 марта 1994 года № 289 на базе Главного управления государственной вневедомственной экспертизы и местных органов госэкспертизы при Минстрое Республики Казахстан был создан Департамент государственной вневедомственной экспертизы проектов (Госэкспертиза) с его территориальными подразделениями в областных центрах и городах Алматы и Ленинске (ныне город Байконур).

Позднее, в рамках проводимой административной реформы и сокращения государственных органов, было принято постановление Правительства Республики Казахстан от 24 января 1996 года № 88 «О совершенствовании архитектурно-градостроительного контроля в Республике Казахстан». В соответствии с этим решением на базе упраздняемого Департамента государственной вневедомственной экспертизы проектов при Минстрое было создано Республиканское государственное предприятие на праве хозяйственного ведения «Государственная вне-

ведомственная экспертиза проектов» с ее дочерними государственными предприятиями в областных центрах и городах Акмоле и Алматы (далее — РГП «Госэкспертиза»). При этом созданное предприятие определялось правопреемником упраздненного Департамента государственной вневедомственной экспертизы с распространением на предприятие ранее принятых нормативных актов, если иное не установлено законами.

Статус РГП «Госэкспертизы» определен Законом Республики Казахстан «О государственном предприятии» в части того, что основным назначением деятельности государственных предприятий является решение социально-экономических задач, определяемых потребностями общества и государства путем осуществления деятельности в сферах, отнесенных к государственной монополии или являющихся функцией государства, за исключением контрольных и надзорных функций, которые сохранены за уполномоченным государственным органом по делам архитектуры, градостроительства и строительства.

В РГП «Госэкспертиза» функционирует специальный консультативно-совещательный орган Экспертный совет, занимающийся проблемными вопросами по наиболее сложным проектам, работой с государственными органами на всех уровнях, неправительственными объединениями, а также нормотворчеством, внедрением системы международных стандартов менеджмента качества, разработкой стандартов предприятия.

В РГП «Госэкспертиза» ведется постоянная работа, направленная на подбор высокопрофессиональных и опытных в проектном деле кадров, повышение квалификации экспертов, совершенствованию системы управления экспертной и организационной деятельности всех структурных подразделений предприятия, совершенствование нормативной, производственной и материально-технической базы. На предприятии установлен постоянный контроль и ведется мониторинг выполнения установленных требований по улучшению качества и повышению эффективности экспертных работ.

В РГП «Госэкспертиза» и его территориальных подразделениях с 2007 года внедрена система менеджмента качества, соответствующая требованиям международных стандартов ISO серии 9001 и получены сертификат казахстанской системы «INTERCERT» и международной системы «TUV CERT».

В настоящее время, внедряется интегрированная система менеджмента, соответствующей требованиям трех международных стандартов в области качества ISO 9001:2008, в области охраны труда и безопасности OHSAS 18001:2007, в области экологического менеджмента ISO 14001:2004.

Для обеспечения свободного доступа к оперативной, объективной и точной информации в области государственной экспертизы проектов, в 2007 году открыт официальный web-site (представительство) предприятия.

В целях построения общереспубликанского информационного пространства государственной экспертизы

проектов и ведения постоянного контроля за ходом рассмотрения и экспертной оценки проектов посредством автоматизации процессов подготовки, оформления и выпуска экспертной документации, ведения делопроизводства, а также организации и ведения электронного архива документов в РГП «Госэкспертиза» внедрена и функционирует единая система электронного документооборота (ЕСЭДО).

В настоящее время наблюдается снижение качества строительной продукции и безопасности при выполнении строительных работ.

Одним из немаловажных факторов появления данной ситуации является то, что действующая система оценки соответствия, в т. ч. лицензирование, не позволяет в полной мере определить способность персонала организаций выполнять те или иные работы.

Отсутствует способ объективной оценки квалификации инженерно-технических работников проектных и строительных организаций.

При этом, организации планирующие получать лицензии и получившие их, не заинтересованы в повышении квалификации своих сотрудников, что в условиях постоянного развития технологий в строительной отрасли негативно сказывается на профессиональном уровне и конкурентоспособности организаций.

Вследствии этого наблюдается низкое качество проектирования и строительства.

В ходе изучения мирового опыта, в том числе стран-участниц ЕАЭС, США, Германии мы столкнулись с тем, что в большинстве случаев перед выдачей разрешительных документов проводится проверка знаний непосредственных исполнителей, в виде тестирования, аттестации и т. д, а также систематическое повышение квалификации специалистов с последующим повторным прохождением процедур проверки знаний.

Учитывая изложенное, предлагается:

— насытить рынок организациями, имеющими в своем составе квалифицированных инженерно-технических работников, прошедших аттестацию в аккредитованных негосударственных аттестационных центрах;

— данные аттестационные центры будут проводить как аттестацию, так и повышение квалификации инженерно-технических работников;

— аккредитацию аттестационных центров предлагается возложить на уполномоченный государственный орган.

В рамках международного сотрудничества Республики Казахстан данное мероприятие позволит повысить конкурентоспособность Казахстанских компаний на строительном рынке.

Литература:

1. Закон Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности».
2. Закон Республики Казахстан «О техническом регулировании».
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 19 августа 2002 года № 918 «О Правилах проведения экспертизы предпроектной (технико-экономических обоснований) и проектной (проектно-сметной) документации на строительство независимо от источников финансирования, а также утверждения проектов, строящихся за счет государственных инвестиций».
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 мая 2008 года № 425 «О некоторых мерах по упрощению порядка оформления и выдачи исходных материалов (данных) и разрешительных документов для строительства объектов».
5. СНиП РК 1.02–01–2007 «Инструкция о порядке разработки, согласования, утверждения и составе проектной документации на строительство».
6. СП РК 1.02–21–2007 «Правила разработки, согласования, утверждения и состав технико-экономических обоснований на строительство».
7. СтП ГЭ 09–08 «Общие требования к процедуре проведения государственной экспертизы проектов, составу, содержанию и оформлению экспертных заключений».
8. Жуковский, Ю. Б., Сабанеев С. Н. «Экспертиза в строительстве» — М., — 432 с.
9. Бюллетень строительной техники № 9. 2008 г. с. 60–62.
10. Строительный вестник № 47 (239) 2008 г.
11. Сборник нормативно-технических и нормативных правовых актов по вопросам государственной экспертизы в сфере архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, г. Астана, 2006 г.
12. Официальный сайт Республиканское государственное предприятие «Государственная вневедомственная экспертиза проектов» www.gosexpertiza.kz
13. Закон Республики Казахстан «О разрешениях и уведомлениях» от 16 мая 2014 года № 202-V ЗРК;
14. Закон Республики Казахстан «О государственных услугах» от 15 апреля 2013 года № 88-V;
15. «Предпринимательский кодекс» Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК
16. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК.

Рассмотрение уголовных дел о терроризме с точки зрения разграничения схожих составов

Милосердова Татьяна Геннадьевна, магистрант

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Терроризм представляет собой одно из самых опасных и сложных явлений современности, приобретающее все более угрожающие масштабы.

Его проявления дают знать о себе регулярно, чтобы мы не забыли его и не расслабились. Он во всех его формах и проявлениях и по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости превратился ныне в одну из самых острых и злободневных проблем глобального значения.

Терроризм, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 205 УК РФ, имеет объективные и субъективные признаки, сближающие его со смежными составами преступлений (ст. 277, 281, 105, 317 УК РФ и др.) [4].

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые вопросы расследования и рассмотрения уголовных дел о терроризме с точки зрения разграничения схожих составов.

Данной проблемы посвящены научные разработки Н. Ф. Кузнецовой, О. В. Лукичёва, В. В. Лунеева, В. В. Мальцева, С. Ф. Милюкова, А. В. Наумова, Г. В. Овчинниковой, В. В. Орехова, В. С. Прохорова, Д. В. Ривмана, М. Н. Росенко, В. П. Сальникова, Л. И. Спиридонова, Ю. Н. Солонина, Ж. Т. Тощенко, В. С. Устинова, Л. В. Франка, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова и др [7,8,9].

Если при терроризме совершение взрывов, поджогов и иных действий сопряжено с устрашением населения в широком смысле этого слова, то в государственных преступлениях, причиняя смерть или вред здоровью, виновное лицо ставит перед собой задачу иного содержания — причинить вред государству как форме организации общества [5].

От посягательств на личность, собственность, порядок управления и т. п. анализируемое преступление отличается тем, что причинение вреда названным объектам является способом совершения терроризма и воспринимается виновным как промежуточный, но необходимый этап в достижении конечной цели, преследуемой им.

При терроризме собственно личность потерпевшего или характер и принадлежность имущества не интересуют преступника, ему важно путем нарушения общественной безопасности, устрашения населения вынудить органы власти к совершению или, наоборот, несовершению нужного для виновного действия. Если террористические акты совершаются бандой, то содеянное подлежит дополнительной квалификации по ст. 209 УК РФ [4,8].

От состава терроризма следует отличать, предусмотренное ст. 277 УК РФ такое преступление, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (террористический акт).

Разграничение этих преступлений должно проводиться: — по объекту (объектом терроризма является общественная безопасность, а террористического акта — основы конституционного строя);

— по объективной стороне (терроризм осуществляется путем взрывов, поджогов или иных общеопасных действий, а теракт — путем посягательства на жизнь строго определенных законом лиц);

— по субъективной стороне (терроризм осуществляется с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, воздействия на принятие определенного решения органами власти, а террористический акт — с целью прекратить государственную либо общественную деятельность потерпевшего или отомстить ему за такую деятельность).

В ст. 5 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится, что «борьба с терроризмом в Российской Федерации осуществляется в целях [3]:

1) защиты личности, общества и государства от терроризма;

2) предупреждения, выявления, пресечения террористической деятельности и минимизации ее последствий;

3) выявления и устранения причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности».

Следовало бы сделать акцент также на выявлении и устранении причин и условий, определяющих мотивацию и принятие решений о террористической деятельности. Пока же в указанном Законе говорится только о причинах и условиях, способствующих ее осуществлению.

Ситуации, связанные с терроризмом, обостряются при разрушении режима законности; нарушении принципов демократии, когда государственные органы и деятели не считают себя обязанными заботиться о нуждах большинства населения; ориентированы исключительно на обслуживание так называемой «элиты» и ангажированы ею; при «самоизоляции» находящихся в трудных условиях социальных групп, их отчуждении от культурной среды, образования, ценностей цивилизации.

В данном аспекте значение имеют знание, умение и решимость людей использовать правовые рычаги для изменения бедственного положения, уверенность в том, что законные средства будут эффективными и виновные в нарушении закона понесут наказание [10].

Борьбу с терроризмом, включающую предупреждение в качестве приоритетного ее направления, следует переносить на более ранние рубежи, а значимые в правовом отношении ситуации терроризма рассматривать в значительно более широких пространственно-временных гра-

ницах, нежели конкретные ситуации закладки взрывчатки, подрыва зданий, сооружений, захвата заложников и т. п. С этой точки зрения особенно значима криминологическая экспертиза проектов социально-экономических

преобразований, различных нормативно-правовых документов. Она может помочь предотвратить развитие ситуации, способной детерминировать терроризм или иные виды криминальных способов решения проблем.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Официальное издание. — М., 1996.
2. Концепция национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). // Российская газета от 10 января 2000 г.
3. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 3 июля 1998 (в ред. ФЗ от 07.08.2000 № 122-ФЗ) // СЗ РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 3.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: ЮРКНИГА. 2016
5. Дьяков, С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Издательство НОРМА. 1999.
6. Еассиуни, Ш. Терроризм на современном этапе развития мирового сообщества. // Государство и право. № 7.2003.
7. Криминология. Учебник. /Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: Юридическая литература, 1997.
8. Организованный терроризм и организованная преступность. / Под ред. проф. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.
9. Петрищев, В. Е. «Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом». // Государство и право № 3.2001.
10. Лукашев, А. Некоторые новые взгляды на системный подход к борьбе с терроризмом. // Материалы международной конференции. 23–24 октября 2001. М., 2001.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. /Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2015.

Проблема расследования терроризма с точки зрения особенностей квалификации данных преступлений

Миросердова Татьяна Геннадьевна, магистрант
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Масштабы терроризма и организованной преступности возрастают вследствие зачастую сопровождающегося конфликтами изменения форм собственности, обострения борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов. Отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению терроризма и организованной преступности, правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство [2].

Вал терроризма во всем мире обуславливает необходимость столь же активного противодействия ему, а это в свою очередь предполагает его интенсивное изучение. Терроризм — как глобальная проблема требует постоянного внимания и изучения и поэтому представляет широкое поле для исследований с последующим их практическим применением.

В рамках нашей исследования мы остановимся на проблеме расследования терроризма с точки зрения особенностей квалификации данных преступлений.

Существует множество научных воззрений представленные в трудах: Ю. М. Антоняна, Н. А. Беляева, С. В. Бородина, В. Н. Бурлакова, В. С. Бурдановой, В. В. Вандышева, В. П. Васильева, Я. И. Гилинского, С. А.

Правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» № 130 — ФЗ от 25.07.98 г., другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти [1,2,3,4].

Особенностью уголовного и гражданского судопроизводства по делам о террористической деятельности является то, что дела о преступлениях террористического ха-

рактера, а также дела о возмещении вреда, причиненного в результате террористической акции, по решению суда рассматриваются в закрытых судебных заседаниях с соблюдением всех правил судопроизводства [6].

По УК РФ статья 205 (Терроризм) в действующей редакции такова:

«Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях...» [4].

Правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в России определяются не только ратифицированными международными документами, но также и Законом о борьбе с терроризмом. К преступлениям террористического характера в казанном выше ФЗ отнесены преступления, предусмотренные ст. 205–208, 277 и 360 УК РФ. Как видно, данное определение строится по методу перечисления конкретных деяний, в которых терроризм может выражаться, что вряд ли следует признать удачным. Более того, по мысли законодателя преступлениями террористического характера могут быть признаны и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, если они совершены в террористических целях [4].

Основной непосредственный объект преступления терроризма (ст. 205 УК РФ) — совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества. Дополнительным непосредственным объектом этого преступления могут выступать отношения личности, собственности и т. д. [5].

С объективной стороны терроризм, совершается только в виде действий, выраженных в двух альтернативных формах:

а) в совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значи-

тельного материального ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, и

б) в угрозе совершения указанных действий.

Способы совершения данного преступления в законе исчерпывающе не определяются. Анализ судебной практики показывает, что подавляющее большинство актов терроризма совершается путем взрывов.

Терроризм считается оконченным преступлением с момента совершения взрыва, поджога или иных подобных действий либо с момента создания угрозы совершения указанных действий.

Например, оказание воздействия на принятие решений органами власти выражается в побуждении, подталкивании соответствующих субъектов к совершению действий, нужных и выгодных для террористов, ради которых они применяют столь изощренные способы, в создании такой ситуации, когда органы власти вынуждены принять незаконные решения ради обеспечения безопасности граждан и общества. Поэтому акты терроризма совершаются в местах возможного массового скопления людей, нахождения значимого имущества (на транспорте, в служебных помещениях, зданиях, где проводятся публичные мероприятия, при массовых сборах людей и т. п.) [7].

Понятие «иные тяжкие последствия» как особо квалифицированный вид преступлений против общей безопасности в законодательстве не раскрывается, и поэтому должно толковаться правоприменителем в каждом конкретном случае индивидуально с учетом всех обстоятельств дела.

Среди особенностей квалификации следует отметить, что в УК РФ конструкция объективной стороны данного преступления юридически ставит знак равенства между реальным наступлением общественно опасных последствий, созданием лишь опасности их возникновения, что нельзя признать правильным. Ведь наступление указанных последствий и опасность их наступления в рамках единой уголовно-правовой нормы явно неравнозначны по фактической степени общественной опасности содеянного. Такая конструкция нарушает принцип дифференциации при назначении наказания.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. Официальное издание. — М., 1996.
2. Концепция национальной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). // Российская газета от 10 января 2000 г.
3. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 3 июля 1998 (в ред. ФЗ от 07.08.2000 № 122-ФЗ) // СЗ РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 3.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: ЮРКНИГА. 2016
5. Галиакбаров, Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010.
6. Галиакбаров, Р.Р. Разграничение терроризма и бандитизма // Российская юстиция. 2011. № 7.
7. Гаухман, Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом. М., 1999.
8. Лукашев, А. Некоторые новые взгляды на системный подход к борьбе с терроризмом. // Материалы международной конференции. 23–24 октября 2001. М., 2001.
9. Луценко, В.В. Пусть весь мир поставит их вне закона // Бизнес и безопасность в России. 2001. № 4.

Непоименованные и смешанные договорные конструкции в системе современного гражданского права России

Мозговец Алексей Павлович, студент

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Гражданское право в определенном смысле считается правом граждан, поскольку оно призвано регулировать подавляющее большинство их взаимоотношений как имущественного, так и неимущественного характера. Такие взаимоотношения, в связи с диспозитивной направленностью рассматриваемой отрасли права, возникают, как правило, по воле их участников, которые сами определяют и содержание своих взаимосвязей, и даже последствия их изменения или прекращения. Наиболее востребованным и популярным способом самостоятельного установления для субъектов их прав и обязанностей является договор.

В случае использования «стандартных» договорных конструкций, закрепленных законодателем в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), таких как, например, купля-продажа, дарение, мена, аренда и другие, участники гражданского оборота уже изначально имеют определённое представление, некое правовое знание относительно того, в какие правоотношения они вступают.

Как верно отмечает профессор В.В. Витрянский: «Если бы стороны были вынуждены разрабатывать проекты заключаемых договоров по принципу «чистой доски» (*tabularasa*), им пришлось бы столкнуться со значительными трудностями. В частности, повлекло бы за собой затяжку оформления договорных отношений из-за необходимости затрачивать значительное время для согласования состава и содержания отдельных договорных условий. И даже тогда не было бы никакой уверенности в том, что договор свободен от пробелов, которые нелегко восполнить ни самим контрагентам — в процессе исполнения принятых обязательств, ни суду — при разрешении возникающих между сторонами споров» [1]. Совсем иначе обстоит дело в ситуации, при которой субъекты заключают ту договорную конструкцию, которая «неизвестна» гражданскому законодательству (непоименованные договоры), либо ту, которая содержит в себе признаки нескольких договоров, регулируемых ГК РФ (смешанные договоры). Проблема правового регулирования таких договорных конструкций очевидна — не решены вопросы применения норм права к таким договорам при отсутствии конкретных законодательных предписаний. Кроме того, ни цивилистическая доктрина, ни судебная практика до сих пор не выработали однозначного подхода к определению понятия и соотношению непоименованного и смешанного договора в общей системе договорного права, а также особых оснований их возникновения и пределов их действительности.

Возникновение в любой развивающейся правовой системе конструкций непоименованных, в том числе смешанных договоров неизбежно и обусловлено в первую

очередь традиционным отставанием и несоответствием действующих правовых норм объективным потребностям гражданского оборота. Однако, фактическая возможность субъектов гражданских правоотношений заключать непоименованные контракты напрямую связана с легализацией и толкованием в той или иной системе права основополагающего принципа цивилистики — принципа свободы договора.

В контексте рассматриваемого нами правового института следует обратить внимание на тот факт, что легального определения конструкции непоименованного договора в действующем гражданском законодательстве не содержится, несмотря на то, что, исходя из анализа пункта 1 части 1 статьи 8 и части 2 статьи 421 ГК РФ, оно очевидно подразумевается. В связи с этим необходимо учитывать определенную степень условности использования в цивилистической доктрине термина «непоименованный». Хотя нельзя не отметить, что именно непоименованным называется изучаемая договорная модель в актах судебных органов, в том числе в постановлениях высших судебных инстанций (см. напр. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [2]).

Батлер Е.А. отмечает, что, затрагивая проблему непоименованных договоров, цивилисты нередко называют рассматриваемое правовое явление разнообразными «именами». То, что закон определяет как «не предусмотренным законом и иными правовыми актами», в доктрине гражданского права трактуется: договором необычного содержания, нетипичным, аномальным, безыменным (безымянным), неквалифицированным [3]. Подобное использование в литературе синонимичных на первый взгляд терминов порождает правовые дискуссии между исследователями. При этом важно отметить, что базовым критерием отграничения непоименованных договоров от закреплённых в законодательстве договорных конструкций будет выступать все-таки не название, а та совокупность условий, которая и делает такой договор уникальным и отличным от известных гражданскому законодательству.

По нашему мнению, разрешению и в определенной степени прекращению имеющихся в доктрине договорного права дискуссий относительно применения к договорной конструкции, закреплённой в части 2 статьи 421 ГК РФ, той или иной терминологии в значительной мере способствовало бы принятие законодателем уточняющих поправок в указанную правовую норму, которыми термин «непоименованный договор» был бы официально узаконен. Думается, что на законодательном уровне следует придерживаться именно этой традиционной терминологии, не отдавая предпочтение иным отно-

сительно синонимичным категориям. Данное обстоятельство подтверждает и сам В.В. Витрянский, являющийся участником рабочей группы по созданию действующего Гражданского Кодекса РФ, а также членом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, используя в своей монографии «Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги» [4] именно термин «непоименованные договоры».

В отличие от категории непоименованного договора, понятие «смешанный договор» имеется в действующем ГК РФ и определяется как возможность субъектов гражданского оборота заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (ч. 3, ст. 421 ГК РФ) [5]. Как верно отмечает А.И. Бычков, прямо закреплённая возможность заключения смешанного договора для российского гражданского законодательства является новеллой, поскольку в ранее действовавших законодательных актах она отсутствовала, хотя и предполагалась [6].

Дискуссионным остается вопрос включения в понятие и отнесения к содержанию смешанного договора в качестве составных элементов обязательств из непоименованных в законодательстве договоров. Так, А.И. Бычков в определении смешанного договора указывает, что такое соглашение содержит элементы различных гражданско-правовых договоров, соединённых общей целью, как предусмотренных законодательством, так и не предусмотренных им, но и не противоречащих ему, при этом под такими элементами понимаются предмет и иные существенные условия, предусмотренные законодательством для соответствующего договора [7]. Также А.И. Савельев пишет, что «есть все основания толковать часть 3 статьи 421 ГК РФ расширительно и допускать существование в смешанном договоре непоименованных элементов» [8].

Полагаем, что подобное толкование части 3 статьи 421 ГК РФ, которая гласит, что: «стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор)», не вполне соответствует законодательству. Однако при изучении данной проблематики представляется возможным выделить несколько различных подходов.

Сторонники возможности включения в договорную модель смешанного соглашения наряду с элементами типовых, поименованных договоров также элементов дого-

воров, не предусмотренных законодательством или иными нормативными актами (А.И. Савельев, А. Полетаева, А.И. Бычков, Е.В. Татарская, Е.А. Зверева и др.), по нашему мнению, основывают свою позицию на распространении на данный институт принципа свободы договора, который в таком контексте приобретает практически безграничные правовые масштабы реализации. Кроме того, подобную позицию можно встретить при обращении к нормам, в частности, европейского частного права (см., например, статью II.-1:107 (1) (b) Модельных правил европейского частного права (*Draft Common Frame of Reference*) [9]).

Однако при подобном подходе к модели смешанного договора, закреплённой в действующем российском законодательстве, происходит значительное усложнение договорной конструкции, которая по своей сути перестаёт быть смешанным договором в понимании его частью 3 статьи 421 ГК РФ, а становится либо обычным поименованным договором — с той лишь спецификой, что к непоименованной части будут применяться общие положения о договорах и обязательствах, либо новой разновидностью непоименованного договора (в случае «смешения» элементов непоименованных договоров) в контексте части 2 статьи 421 ГК РФ. К такому выводу приходят и некоторые исследователи, в частности: С.П. Жученко, Й. Гернхубе, О. Шрайбер и другие. Субъектам гражданского оборота следует избегать таких «договорных нагромождений», чтобы в случае возникновения правовых конфликтов, требующих вмешательства судебных органов, рассмотрение их дела не затягивалось на длительный срок и имело своим результатом правильное толкование заключённого ими контракта. Кроме того, правоприменителю следует учитывать, что в силу прямого указания законодателя смешанным может являться только тот договор, который состоит из элементов нескольких различных обязательств (договоров), закреплённых в законе или ином нормативном акте, но при этом является унитарным (обладает единым предметом) и отличается оригинальностью и новизной сущности.

Таким образом, проблема доктринального понимания и практического применения непоименованных и смешанных договорных конструкций в настоящее время является актуальной и требует более тщательного изучения как цивилистами-теоретиками, так и практикующими юристами в целях формирования единообразной правоприменительной практики и упорядочения гражданского оборота в целом.

Литература:

1. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 2011. — с. 153
2. Пленум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. Постановление о свободе договора и ее пределах: от 14.03.2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. — № 5. — 2014.
3. Батлер, А.Е. Непоименованные договоры (некоторые вопросы теории и практики) / Е.А. Батлер. — Москва, 2006. — с. 20.

4. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2017 г.).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета. — 08.12.2004. — № 238–239.
6. Бычков, А. И. Смешанный договор в римском частном праве / А. И. Бычков // История государства и права. — 2011. — № 23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2017 г.).
7. Бычков, А. И. Признаки, понятие и существо смешанного договора // Бизнес в законе. — № 1. — 2011 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.03.2017 г.).
8. Карапетов, А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. — М.: Статут, 2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2017 г.).
9. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. — М.: Статут, 2013. — с. 121.

Совершенствование законодательства о территориях опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке России

Мыльников Александр Сергеевич, студент

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются правовые проблемы, содержащиеся в Федеральном законе № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально — экономического развития в РФ». На основе научного исследования, предложены пути решения при помощи разработанного законопроекта, вносящего изменения и дополнения в данный Федеральный закон.

Ключевые слова: ТОСЭР, резиденты ТОР, таможенная процедура свободной таможенной зоны, законопроект

В условиях экономического кризиса, Российская Федерация ищет новые инструменты по поддержанию и стимулированию нашей экономики. На сегодняшний день из большущей территории России, самими трудными для развития являются Сибирь и Дальний Восток. Дальневосточный федеральный округ является самым большим, занимая 36% от всей территории государства, при этом численность населения составляет чуть больше 4% от населения всей страны. В виду своей отдаленности от центральной части России, приток населения на сегодня является весьма низким, из-за чего заметен дефицит рабочих кадров, которые необходимы для развития промышленности Дальнего Востока. Создание территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности является одним из эффективных правовых средств государственного регулирования экономики и хорошо рекомендовало себя в зарубежных странах. По такому пути давно идут страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Так одним из инструментов развития экономики Дальнего Востока стало создание территорий опережающего социально — экономического развития, правовая основа которых определена Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально — экономического развития в РФ».

ТОСЭР представляют собой определенные участки территорий по реализации проектов, где пересекаются интересы государства и бизнеса в различных отраслях производства и сферы услуг с условиями создания новых форм взаимодействия. Но так как законодательство о ТОСЭР создавалось в очень короткие сроки, то в настоящее время в Федеральном законе № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально — экономического развития в РФ» существуют правовые проблемы, наносящие существенный ущерб экономике Дальнего Востока России.

Сегодня наиболее сложным представляется вопрос определения статуса товара на площадках ТОСЭР при производстве, которого используются иностранные товары, помещенные под таможенную процедуру свободной таможенной зоны.

В этом случае определение статуса товаров должно осуществляться в соответствии с требованиями достаточной переработки, закрепленные в статье 19 Соглашения от 18.06.2010 «По вопросам свободных специальных, особых экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны».

Товар может утратить статус иностранного товара и приобрести статус товара Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с дальнейшим беспрошльным обращением

на внутреннем рынке, если будет выполнено одного из условий:

1. Произошло изменение классификационного кода товара на уровне любого из первых четырех знаков по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза;

2. Процентная доля стоимости иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны не превышает фиксированной доли в цене конечного товара;

3. В отношении товара произведены технологические и производственные операции, достаточные для того чтобы признать товар изготовленным (полученным) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны.

То есть это означает, что иностранный товар, помещенный под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, должен быть подвергнут тщательной переработке, что в дальнейшем позволит резиденту ТОСЭР использовать все преимущества таможенно-пошлинного обложения и беспрепятственно перемещать его как на площадке ТОСЭР, так и за ее пределами на таможенную территорию Евразийского экономического союза.

Но если товары не отвечают данным критериям достаточной переработки, значит он уже, не может рассматриваться как товар, произведенный на территории Евразийского экономического союза.

Также не менее важной остается проблема идентификации иностранных товаров, помещаемых под таможенную процедуру свободной таможенной зоны и используемых для изготовления товаров ЕАЭС. Способами идентификации для таможенных целей являются наложение печатей, штампов, маркировки на иностранные товары, представление фотографий и подробного описания товаров, в том числе серийных номеров и применение иных операций в зависимости от характеристик товара.

Согласно приказа Министерства финансов Российской Федерации от 10 марта 2016 № 22н «Об утверждении порядка проведения таможенными органами идентификации иностранных товаров, помещаемых (помещенных) под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, в товарах, изготовленных (полученных) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны» идентификацию таких товаров осуществляет таможенный орган, в регионе деятельности которого находится площадка ТОСЭР. Обязанность предоставления в таможенный орган документов и сведений, необходимых для идентификации товаров, в том числе о зарегистрированных таможенных декларациях, номерах товаров с их характеристиками, сведений об операциях, совершаемых в отношении иностранных товаров, сведений о готовой продукции, способах идентификации, экспертных заключений, технических условиях и других возложена на декларанта.

По результатам документального контроля уполномоченное лицо таможенного органа вправе принять решение

о невозможности идентификации иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны в готовой продукции, если представленные декларантом документы и сведения не позволяют идентифицировать иностранные товары, помещенные под таможенную процедуру свободной таможенной зоны.

Таким образом, если изготовленные (полученные) на площадках ТОСЭР товары, состоящие из иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны не соответствуют критериям достаточной переработки, и в отношении которых у таможенных органов (или привлеченных экспертов) отсутствует возможность их идентификации в продуктах переработки, при их перемещении за пределы участка ТОСЭР будут рассматриваться, как иностранные в отношении которых должны быть уплачены пошлины и налоги применительно к иной таможенной процедуре, отличной от таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Не разрешенной остается также проблема обустройства площадки ТОСЭР для целей таможенного контроля.

Так в силу положений п. 2 статьи 25 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально — экономического развития в Российской Федерации» процедура свободной таможенной зоны применяется на площадках ТОСЭР, где создана зона таможенного контроля. Но на площадке ТОСЭР одновременно с товарами, помещенными под таможенную процедуру свободной таможенной зоны могут находиться товары, помещенные и под иные таможенные процедуры.

Поскольку площадка ТОСЭР — это зона таможенного контроля, то условием помещения иностранных товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, является соблюдение требований к обустройству, обозначению и ограждению всей границы площадки ТОСЭР.

Положениями приказа ФТС России от 13 октября 2015 г. № 2034 «Об определении требований к оборудованию и обустройству участка территории опережающего социально — экономического развития» для целей таможенного контроля установлены требования к составу и обустройству объектов таможенной инфраструктуры и места их расположения на участках ТОСЭР.

Площадки ТОСЭР должны оснащаться контрольно-пропускными пунктами, огороженными участками для совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля, весовым оборудованием, погрузо-разгрузочной техникой, каналами связи, информационно — техническими средствами, активным сетевым оборудованием, комплексной системой безопасности, охранной и пожарной сигнализацией, системой видеонаблюдения и защиты информации, рабочим местом для должностного лица таможенного органа в офисном помещении [4].

При расположении на площадке ТОСЭР нескольких организаций, не все из которых являются резидентами ТОСЭР, реализовать требования к обустройству зоны таможенного контроля крайне затруднительно.

В соответствии с п. 8 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально — экономического развития в Российской Федерации» на управляющую компанию АО «Корпорация развития Дальнего Востока» возложены функции по обеспечению функционирования объектов инфраструктуры площадок ТОСЭР.

Но поскольку требования к обустройству зоны таможенного контроля не определяют конкретных лиц, ответственных за данное обустройство, следовательно, основные финансовые затраты по созданию и обустройству зоны таможенного контроля, возлагаются на резидента ТОСЭР или на управляющую компанию.

На сегодняшний день ТОСЭР «Аэропорт» оснащена всем необходимым и может обеспечить в полной мере применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Принимая во внимание запланированное строительство современного пассажирского терминала, реконструкцию взлетно-посадочных полос, перронов, возведение выставочного, гостиничного и привокзального комплексов до конца 2018 года, ТОСЭР «Аэропорт» в полной мере может реализовать требования таможенной процедуры свободной таможенной зоны [3].

Таким образом, новые формы взаимоотношений бизнеса и государства на площадках ТОСЭР носят дифференцированный характер, определяющий возможность применения не всех преимуществ, закрепленных в федеральном законе.

Следующая проблема затрагивает судьбу недвижимого имущества, которое остается после окончания 70 летнего срока существования ТОР. Пункт 3 статьи 16 Федерального закона устанавливает, что лицо, утратившее статус резидента территории социально-экономического развития, вправе распорядиться принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом, находящимся на территории опережающего социально-экономического развития, по своему усмотрению в соответствии с гражданским законодательством [2]. Так, например, если движимое имущество иностранный резидент ТОСЭР может без проблем вывести на территорию другого государства, где он проживает, то с недвижимым имуществом этот процесс не возможен. Таким образом, законом предоставляется право «резиденту» по истечении 70-летнего срока уничтожить все, что он создал за этот срок. Сомнения в том, что резидент не будет уничтожать недвижимое имущество, это ему не выгодно не имеют под собой оснований. На протяжении 25 лет почти все заводы и фабрики, купленные иностранными инвесторами в РФ, были уничтожены. Уничтожались целые отрасли, чтобы убрать конкурентов с мирового рынка и сделать Россию страной-потребителем. Поэтому необходимо внести в соглашение о территориях опережающего развития условие, определяющего судьбу недвижимого имущества резидента после окончания срока договора с одной целью, что бы это имущество продолжало служить России.

Также Федеральным законом предусматривается, что Федеральный государственный контроль (надзор), региональный государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль на территории опережающего социально-экономического развития в отношении резидентов территории опережающего социально-экономического развития осуществляют соответственно уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления (далее — органы государственного контроля (надзора) и органы муниципального контроля) в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако в перечне контролирующих органов отсутствует Счетная палата. В силу того, что ТОР является федеральным инвестиционным проектом с государственными вложениями и налоговыми льготами, контроль над использованием государственных средств должна осуществлять Счетная палата. Поэтому необходимо внести поправку в часть 1 статьи 24 федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Для того чтобы устранить проблемы в законодательстве, которые наносят существенный ущерб как экономике Дальнего Востока, так и в целом в России, где планируется или уже функционируют ТОСЭР, необходимо при помощи законопроекта внести изменения в статьи — 14, 16, 24 и 25 Федерального закона № 473 от 29.12.2014. Для принятия законопроекта, он должен быть отправлен на рассмотрение в государственную Думу Федерального Собрания РФ и после положительного одобрения в ней, отправлен на подписание Президентом РФ.

Для устранения первой проблемы, связанной с определением дальнейшей судьбы недвижимого имущества, после истечения срока функционирования ТОСЭР (который составляет 70 лет), необходимо внести изменения в часть 4 статьи 14 и часть 3 статьи 16 ФЗ № 473 «О ТОСЭР в РФ»

Так в части 4 статьи 14 сказано, что в соглашении об осуществлении деятельности на ТОСЭР могут быть прописаны другие права и обязанности, но при этом нет конкретизации о каких правах и обязанностях резидента, идет речь.

Поэтому в часть 4 ст. 14 ФЗ № 473, необходимо дополнить, что в соглашении об осуществлении деятельности включается условие о судьбе недвижимого имущества резидента, после утраты им статуса.

Также в части 3 статьи 16 необходимо дополнить, что лицо, утратившее статус резидента ТОСЭР вправе распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом, в соответствии с гражданским законодательством, и положениям Федерального закона № 473, за исключением случаев, установленных частью 4 статьи 14 данного закона.

Для решения второй проблемы, касающейся отсутствия надзорного органа по контролю над расходом де-

нежных средств на ТОСЭР в части 1 статьи 24, ФЗ о территориях опережающего развития в РФ, необходимо дополнить:

Федеральный, региональный и муниципальный государственный контроль на территории опережающего развития в отношении резидентов территории опережающего социально-экономического развития, помимо уполномоченных федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти должен осуществляться Счетной Палатой Российской Федерации.

Для устранения последней проблемы, отнесенной к таможенному делу и связанной с помещением резидентами ТОСЭР, товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны на территории опережающего развития, необходимо внести изменения в часть 2 статьи 25:

Таможенная процедура свободной таможенной зоны должна применяться на специальных участках территории опережающего социально-экономического развития, строго используемых лишь для данной таможенной процедуры, где создана зона таможенного контроля, Под участками ТОСЭР используемых для таможенной процедуры свободная таможенная зона, понимаются земельные участки, строения, помещения, открытые площадки, расположенные на территории опережающего социально-экономического развития и находящиеся во владении или в аренде у резидента территории опережающего социально-экономического развития.

Чтобы таможенный контроль проводился оперативно и в установленные сроки таможенными органами в отношении товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны (СТЗ), необходимо дополнить статью 25 частью 10 следующим содержанием:

Участки ТОСЭР, созданные под зону таможенного контроля и используемые для помещения товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, должны оснащаться контрольно-пропускными пунктами, площадками для совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля, весовым оборудованием, погрузо-разгрузочной техникой, каналами связи, информационно-техническими средствами, активным сетевым оборудованием, комплексной системой безопасности, охранной и пожарной сигнализацией, системой видеонаблюдения и защиты информации, рабочим место для должностного лица таможенного органа в офисном помещении.

В целях предотвращения умышленной неуплаты таможенных пошлин резидентами ТОСЭР, когда товары, находящиеся под иными таможенными процедурами, помещаются на площадку с товарами под процедурой свободной таможенной зоны, следует дополнить статью 25 частью 11 со следующим содержанием:

На площадках, предназначенные для осуществления таможенного контроля и таможенного оформления на территории опережающего социально-экономического развития, где помещаются товары под таможенную процедуру свободная таможенная зона, запрещается помещение товаров, находящихся под другими таможенными процедурами, в целях достоверной идентификации товаров таможенными органами.

К преимуществам введения в действие федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», безусловно, можно отнести то, что не потребует вносить изменения в другие законодательные акты Российской Федерации.

Литература:

1. По вопросам свободных специальных, особых экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны: соглашение от 18.06.2010 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 06.12.2016).
2. О территориях опережающего социально — экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.12.2016).
3. О создании территории опережающего социально — экономического развития «Хабаровск»: постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2015 г. № 630 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.12.2016).
4. Об определении требований к оборудованию и обустройству участка территории опережающего социально — экономического развития: приказ ФТС России от 13 октября 2015 г. № 2034 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 06.12.2016).

К вопросу о легитимности «революционного права»

Нуруллина Эльмира Дамировна, студент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Каждое государство, каким бы устойчивым и крепким оно не казалось на первый взгляд, со временем может быть обречено на нестабильность и распад, если народ считает не легитимной существующую власть и не желает подчиняться ее законам. В истории известно множество могущественных государств, исчезнувших в силу того, что они были не способны решить проблемы легитимности своей власти.

Очень часто утрата легитимности может достигать такого масштаба, что в конечном счете, государство оказывается в ситуации, когда оно не может себя защитить и адекватно оценить процессы, происходящие в стране. Таким образом, оно оказывается не в состоянии использовать свои полномочия и находящиеся в их распоряжении ресурсы, включая правоохранительные органы. При таком раскладе начинают созревать такие явления, как бунты, восстания, государственные перевороты, революции и т. д.

Власть становится нелегитимной, т. е. не принимается добровольно народом, если законы навязаны народу силой и используются в интересах какого-либо одного класса, слоя, клана, группировки и т. д. с применением различных форм насилия. В этом контексте особое значение приобретает понятие легитимности права.

Признание легитимности означает признание за властями законного права принимать решения, обязательные для исполнения всеми без исключения гражданами данного государства. Причем лица, обладающие властью, должны руководствоваться не только законом, но также признанием народом принуждения и насилия над ними. Как показывает исторический опыт, в обществе, в котором народ с уважением относится к закону и властной системе, почти отсутствует какое-либо принуждение. Там же, где законность власти не бесспорна, существует опасность социальных потрясений.

Вопрос о легитимности права — это вопрос в значительной степени о том, отражает ли то или иное законодательное решение власти право личности на свободное волеизъявление.

С этой точки зрения так называемое «революционное право», построенное на праве власти без учета базовых интересов членов социума, навязывать этому же социуму свою волю насильственным путем, правом в полном смысле этого слова не является, т. е. оно не легитимно. Учение о классовой борьбе вело Ленина к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Поскольку для Ленина источником власти, легитимности является пролетариат, то диктатура пролетариата, как определенная система власти, не может быть ограничена формальным

законом, применение насилия ею законно и необходимо [1]. Надо полагать, что это ключевое положение, определявшее отношение большевиков ко всей системе власти, в т. ч. и ее составляющих — праву и закону.

Истоки методологии юридического позитивизма распространяются не только на территории России. Еще греки говорили о несовершенстве человека и о необходимости применять к нему самые суровые дидактические меры.

Так, в шестой книге «Законов» Платона, одного из зачинателей данной концепции, даны суждения относительно культурного и духовного воспитания: «Мы считаем человека существом кротким. Да, если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественнейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это — самое дикое существо, какое только рождает земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало». В другом месте Платон говорит о совмещении физических и нравственных достоинствах как о цели воспитания: «надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела и души прекраснейшими и наилучшими» [2].

Аристотель говорит в своей «Политике» следующее: «человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким» [3]. Помимо природных (интеллектуальных и моральных) задатков необходимо нравственное воспитание, чтобы человек стал человеком.

Макиавелли, Гоббс, Жан Боден, Гегель и многие другие представители западноевропейской мысли продолжили эти традиции. Например, во взглядах Макиавелли можно найти истоки *юридического позитивизма*. Они основываются на идее сильной власти, свободной от моральных норм и обусловленных лишь политической целесообразностью. Так, в трактате «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» обосновывается идея сильного государства, умеющего обуздывать эгоистическую природу человека, сохранять государственный порядок.

В своей основе правовой позитивизм основывается вообще на позитивистской философии, которая стала в XIX веке весьма популярной. В самом общем плане современная характеристика правового позитивизма выглядит так: «Для массового сознания стало характерным убеждение, что у человека нет и не может быть никаких прав, кроме тех, которые предусмотрены в законодательстве, выражающем интересы господствующего класса. Признавался неограниченный произвол в законотворчестве» [4].

Юридический позитивизм, таким образом, является искажением правосознания, в котором очевидно стремление политико-юридически оценивать нравственные и социокультурные явления жизни. Это значит, понятия свободы, чести и достоинства личности отменяются и выносятся на периферию правовой жизни. Легально лишь то, что санкционировано законом. Никакие культурно-исторические и духовные традиции не имеют значение. Силу имеет только закон.

Несмотря на свои западноевропейские истоки, в России правовой позитивизм также дал свои плоды и результаты. Одним из наиболее видных представителей позитивистского направления был Г. В. Шершеневич. Кратко остановимся на его взглядах, выраженных в его работе «Общая теория права». Г. В. Шершеневич пишет: «Философия права не должна подставлять под реальные понятия свои идеальные представления, выдавать за право то, что по ее мнению должно бы быть правом» [5]. Это значит, за скобки выносятся вся культурно-историческая и духовная реальность, с которой право может быть органически связано. Таким образом, позитивистское понимание права, представленное Г. Ф. Шершеневичем, наглядно демонстрирует тенденцию к абсолютизации права, к игнорированию всех остальных духовно-культурных элементов, составляющих контекст самого права.

Юридический позитивизм был доминирующим в советский период. Это была своеобразная форма этого позитивизма, однако она была ведущей. «Юридический позитивизм», господствующий в советский период нашей истории, оставлял немного места для проблем, входивших в круг интереса классической философии права. Если право трактовалось как выражение воли господствующего класса, а законодательная деятельность в основном должна была служить защите общественного строя, сложившегося исторически, а потому преходящего, то вопросы об абсолютном в праве, об отношении права к вечным ценностям бытия человека — к вере, истине,

справедливости и др. — обречены были оставаться на периферии правосознания» [6].

Однако и современный взгляд в развитии мировой и отечественной истории также отмечен юридическим позитивизмом. Так, например, О. С. Пугачев и Н. П. Козлова приводят тексты конституций современных государств Запады, в которых достоинство личности трактуется юридически. Например, в ст. 1 Основного закона ФРГ, принятого 23 мая 1949 г., указывается, что «человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти». В ст. 10 Конституции Испании закреплено следующее положение: «Достоинство человека, нерушимость его прав, которые являются природными, свободное развитие личности, уважение к закону и к правам других составляют основу политического строя и социального мира». В ст. 21 Конституции РФ 1993 г. Закреплено, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [7]. Иными словами, в современной культуре власть и сила оказываются безусловной. И в целом, кажется, что нет ничего отрицательного в том, что государство занимается охраной достоинства личности. Но это значит, что другие институты духовной культуры оказываются не в силах выполнять эту функцию. Это своеобразный скрытый правовой позитивизм, внедрившийся на бессознательном уровне в сознание современного человека.

Таким образом вся история цивилизованного социума свидетельствует о том, что идея «революционного права», сформированная в рамках концепции юридического позитивизма по сути своей не легитимна, т. к. легитимность, понимаемая как согласие социума с существующей властью, когда он добровольно признает за ней право принимать обязательные решения, входит в противоречие с идеей воли господствующего класса, с умалением духовной жизни человека, которая должна базироваться на естественных и неотчуждаемых правах человека.

Литература:

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. т. 41, Москва 1981 г.
2. Платон. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1971. — Т. 3.
3. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. Политика. 1253.
4. Смазнова, О. Ф. Право и время. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004.
5. Шершеневич, Г. Ф. О теории права // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Сост. А. П. Альбов и др. — СПб.: Алетейя, 1997.
6. Альбов и др. Русская философия права — философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Сост. А. П. Альбов и др. — СПб.: Алетейя, 1997.
7. Пугачев, О. С., Козлова Н. П. Человек в системе морально-правовых ценностей. — Пенза: РИО ПГСХА, 2005.

Право на жилище в Российской Федерации и проблемы его реализации детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей

Ольшанская Дарья Вячеславовна, студент;

Рушанян Диана Арсеновна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Право на жилище — это одно из прав, гарантированных гражданам Конституцией РФ, причем, пожалуй, одно из важнейших в социальном аспекте. Поэтому не случайно жилищные тяжбы между гражданами, а также между гражданами и организациями либо органами власти являются одной из самых «популярных» категорий судебных споров.

Основным базовым документом, закрепляющим гарантии и права на жилище, стала Конституция Российской Федерации. Из ее содержания следует, что собственники жилых помещений могут опираться на конституционные положения, которые призваны в полной мере обеспечить соблюдение их прав [2].

К таким положениям относится закрепленное ст. 40 Конституции Российской Федерации право на жилище с указанием, что никто не может быть произвольно лишен жилища. При этом на органы государственной власти и органы местного самоуправления возлагается обязанность создавать условия для реализации гражданами своего права на жилище [2].

Важное значение имеет и закрепленное ст. 35 Конституции Российской Федерации положение о том, что право частной собственности охраняется законом, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения [2].

Первая часть статьи 40 Конституции РФ регулирует право граждан иметь в собственности, на иных основаниях жилые помещения, владеть, пользоваться и распоряжаться ими по своему усмотрению с соблюдением законодательных предписаний (не нарушая права соседей, собственников и т. п.). В этой норме речь не идет о том, что государство обязано предоставить каждому гражданину жилое помещение для проживания. Право на жилище является в данном контексте лишь разновидностью права собственника. Часть третья статьи 40 Конституции связана с обязанностью публичной власти предоставить жилое помещение. Такое право Конституция закрепляет не за всеми, а только за малоимущими иными указанными в законе гражданами, нуждающимися в жилище.

Объем социального блага зависит от возможностей государства, экономического состояния общества, в отличие от естественных прав, которые носят абсолютный характер и принадлежат каждому в силу рождения человеческого существом. И в Международном Пакте от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных

правах» декларируется обязанность государства принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление права на труд, отдых, социальное обеспечение и страхование, право на достаточный уровень жизни (питание, одежду и жилище), охрану семьи, здоровья, создание условий для получения образования [1].

Право на жилище принадлежит каждому физическому лицу, находящемуся на территории РФ. Государство признает это право как естественное, абсолютное и гарантирует его защиту. Право же на получение жилища является социальным правом. Как и основная масса других социальных прав, право на получение жилища рассматривается как право относительное. Оно не предоставляется на основе принципа равенства всех граждан, а только определенной группе, категории граждан. Социальные права зачастую закрепляются за лицами, нуждающимися в особой защите (инвалиды, женщины, малоимущие, пожилые, дети и иные), то есть теми, кто в силу своего физического, интеллектуального или иного положения не может на равных условиях «конкурировать» на рынке труда, зарабатывать на свое обеспечение и достойное существование. Такими лицами непосредственно являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

В настоящее время Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации разработана и принята законодательная база, определяющая права, льготы, дополнительные гарантии для указанной категории граждан, в том числе в части обеспечения их жилыми помещениями. Однако, в реальной жизни правоприменительная практика имеет ряд существенных проблем, не позволяющих в достаточной мере реализовать жилищные права таких категорий граждан [4].

По мнению Л. В. Масленниковой одной из важнейших задач государства является реализация прав граждан на жилище, установленная законом [5]. Каждый ребенок-сирота находится на попечении у государства, поэтому все вопросы, которые относятся к его питанию, обеспечению и обучению лежит именно на специальных государственных органах. До совершеннолетия дети находятся в детских домах и интернатах, однако после этого у них обязательно возникают проблемы с обеспечением жильем. Именно поэтому государство представляет жильем детям-сиротам на определенных условиях. Однако на практике обеспечение данной категории граждан жильем вызывает множество споров и проблем с реализацией указанных прав.

Детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в установленных случаях предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений.

Для того чтобы реализовать данное право, нужно обратиться в орган опеки и попечительства по месту выявления и первичного учета в качестве ребенка, оставшегося без попечения родителей с заявлением о включении в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

У большинства граждан этой категории уже на данном этапе возникают проблемы. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, как правило, слабо социально адаптированы, многие из них не знают о существовании у них права на обеспечение жилым помещением. В связи с этим, предоставляется необходимым осуществлять информирование данной категории граждан о наличии у них права на обеспечение жилым помещением, а также о порядке обращения с заявлением о включении в сводный список, в том числе о перечне необходимых документов для того, чтобы они могли реализовать это право.

Возложить данную функцию представляется возможным на администрацию образовательного учреждения, учреждения социального обслуживания населения, учреждения системы здравоохранения и иные учреждения, создаваемые в установленном законом порядке для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воинской части, исправительного учреждения, в зависимости от места пребывания данного гражданина [6].

Жилое помещение предоставляется по окончании срока пребывания в образовательных учреждениях, учреждениях социального обслуживания населения, учреждениях системы здравоохранения и иных учреждениях, создаваемых в установленном законом порядке для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также по завершении обучения в образовательных организациях профессионального образования, либо окончании прохождения военной службы по призыву, либо окончании отбывания наказания в исправительных учреждениях.

На практике же встречаются ситуации, когда данная норма не соблюдается, срок окончания пребывания в указанных выше учреждениях завершается, а жилое помещение не предоставлено и в ближайшем будущем его не предоставляется возможным предоставить. Такая ситуация недопустима, гражданин оказывается фактически «на улице».

В связи с этим необходимо законодательно закрепить положение, которое предусматривало бы в случае возникновения такой ситуации, временное предоставление жилого помещения, соответствующего всем санитарным и техническим нормам, после окончания пребывания в указанных выше учреждениях, на период до предостав-

ления жилого помещения из специализированного жилого фонда, данное положение прямо закрепить в Законе.

Жилое помещение данной категории граждан предоставляется по месту выявления и первичного учета в качестве ребенка, оставшегося без попечения родителей. Местом выявления является место жительства ребенка и в последствии место регистрации. Если ребенок был выявлен в малозаселенном населенном пункте, удаленном от районного центра, ему в нем и предоставляется благоустроенный применительно к условиям населенного пункта жилой дом.

Проблема в том, что данный гражданин может никогда там не проживать, так как место его обучения, работы может находиться в другом населенном пункте, в котором есть соответствующие учебные заведения и рабочие места. Представляется необходимым предоставлять жилое помещение по месту получения профессионального образования и спроса на данную профессию на рынке труда, с учетом желания самого ребенка или в районном центре района, на территории которого данный ребенок был выявлен.

Еще одной немаловажной проблемой является взыскание с детей данной категории оплаты коммунальных услуг за закрепленное за ними жилое помещение. После окончания пребывания в учреждении социального обслуживания населения, учреждении здравоохранения, созданных для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ребенок возвращается в закрепленное за ним жилье, а там его ожидает долг за неоплату коммунальных услуг. Даже если ребенок встает на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, до момента пока ему не предоставят его, он будет оплачивать скопившийся долг и сами услуги [7].

Возникают эти ситуации в результате того, что родители, лишенные в отношении данного ребенка родительских прав, продолжая проживать в данном жилом помещении, не оплачивают коммунальные услуги. Бывают ситуации, когда родители (одиноким родителем) умерли, и оплачивать эти услуги некому. Ребенок, находящийся на полном государственном обеспечении, обучающийся в учебном заведении профессионального образования, вынужден оплачивать долг за коммунальные услуги, а в последствие его выплаты продолжать оплачивать сами услуги.

Также в п. 1 ст. 101 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» указан перечень доходов, на которые не может быть обращено взыскание, в том числе к ним относятся ежемесячные денежные выплаты и (или) ежегодные денежные выплаты, начисляемые в соответствии с законодательством Российской Федерации отдельным категориям граждан (компенсация проезда, приобретения лекарств и другое) [3].

Судебные приставы-исполнители зачастую занимают позицию наименьшего сопротивления, годами они не могли исполнить судебные акты, выданные за неоплату коммунальных услуг, а тут ребенок поступает в учебное заведение

и начинает получать денежные средства от государства, на них и начинают обращаться взыскание в первую очередь, а не пытаться добиться оплаты с нерадивых родителей.

То, что на данные денежные средства не может быть обращено взыскание, к сожалению, знают не все приставы-исполнители, и в случае взыскания долга с ребенка настаивают, что данные денежные средства являются стипендией, соответственно они имеют право каждый месяц до окончания исполнения судебного акта по оплате суммы долга, обращаться взыскание на эти денежные средства в размере 50 процентов [7].

В соответствии с действующим законодательством в данный момент представляется возможным решить проблему с оплатой коммунальных услуг только в случае разделения лицевого счета на оплату коммунальных услуг. Возникает вопрос, кто этим будет заниматься, сам ребенок? Управляющие компании не желают в досудебном порядке, при наличии всех оснований, делить лицевые счета. Кто же будет отстаивать интересы детей-сирот в суде в таком случае?

Решить данную проблему представляется возможным, если законодательно закрепить обязанность органа опеки и попечительства или органов прокуратуры обращаться в суд в защиту интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в части оплаты коммунальных услуг и разделения лицевых счетов на их оплату.

Следует отметить, что недопустима ситуация, когда в одном субъекте Российской Федерации дети-сироты обеспечены жильем, не сталкиваются с проблемой оплаты коммунальных услуг, а в другом годами ждут своей очереди и получения жилого помещения. Все дети-сироты должны быть своевременно обеспечены жильем, соответствующим всем санитарным и техническим нормативам, независимо от того, в каком субъекте Российской Федерации они выявлены [6].

Соблюдение прав детей-сирот является самым весомым показателем социального государства. Дети-сироты — одна из категорий граждан, которая нуждается в заботе и поддержке, что конечно должно быть закреплено законодательно и реализоваться на практике.

Литература:

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года).
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об исполнительном производстве». // «Российская газета». — 06.10.2007. — № 223.
4. Масленникова, Л. В. Проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и способы защиты их жилищных прав. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева. — Кемерово: Современная наука: проблемы и пути решения. 2015. — с. 311–316.
5. Масленникова, Л. В. к. ю. н., Ковальчук Е. Н. К вопросу о признании граждан утратившими право пользования жилыми помещениями, занимаемыми по договору социального найма. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № № 107. — с. 1334–1351.
6. Новопавловская, Е. Е. Защита основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства: монография. // Белгород: Бел ЮИ МВД России им. И. Д. Путилина. — 2015. — с. 92.
7. Болгова, В. В., Жеребцова Е. Е. Формы и средства жилищной политики в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43). Часть II. — с. 24–29.

Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам

Орлова Анна Алексеевна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В связи с активным развитием информационных технологий электронные носители информации стали неотъемлемой частью обыденной деятельности граждан и организаций. Поэтому понятие электронного носителя информации было введено в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в 2012 году, так как использование данных носителей актуально при расследовании множества категорий уголовных дел [1].

Информация, полученная с электронных носителей, может являться доказательством только при соблюдении ряда условий: информация имеет значение для расследования; информация получена от достоверного источника, который может быть проверен; информация выражена в воспринимаемой участниками процесса форме (видеозаписи, фотографии, скриншоты сайтов и т. д.); соблюден установленный законом порядок изъятия носителя информации [2].

Вопрос места электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам является дискуссионным, так как законодательно электронные носители информации не отнесены ни к одному источнику доказательств, указанному в части 2 статьи 74 УПК РФ. В основном размышления ученых-процессуалистов по данному вопросу сводятся к отнесению электронных носителей информации либо к иным документам, либо к вещественным доказательствам.

Некоторые ученые, придерживающиеся позиции отнесения электронных носителей данных к иным документам аргументируют свое мнение прежде всего толкованием текста статьи 84 УПК РФ, которая устанавливает, что документы, содержащие информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, могут фиксировать эту информацию в письменном и ином виде. Часть 2 статьи 84 УПК также говорит о том, что к иным документам могут относиться и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 УПК РФ. То есть под иными носителями информации, указанными в части 2 статьи 84 УПК РФ законодатель мог подразумевать именно электронные носители информации.

Следует уточнить понятие документа и документированной информации с целью установления признаков иного документа и возможности отнесения электронных носителей информации к данному источнику доказательств по уголовным делам. Само понятие документа содержится в отдельных федеральных законах, которые не могут применяться в сфере уголовного судопроизводства, но понятие документированной информации, содер-

жащееся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», имеет сферой своего применения отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, а также отношения, возникающие при применении информационных технологий и при обеспечении защиты информации [3]. Так как расследование любого преступления непосредственно связано с поиском, получением и защитой информации, можно считать нормы данного закона применимыми к понятию иного документа в уголовном судопроизводстве. Поэтому под документированной информацией согласно указанному в статье 2 определению следует понимать зафиксированную на материальном носителе путем документирования информацию с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель. Ткачев А. В. в своей статье отмечает, что именно наличие реквизитов позволяет отличать документ от недокументированной информации, и относить электронные документы на материальных носителях к иным документам [4]. Необходимо также отметить, что согласно части 4 статьи 84 УПК РФ документы, обладающие признаками вещественных доказательств, признаются таковыми и приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Процессуалисты, придерживающиеся иного мнения, утверждают, что электронный носитель информации следует признавать вещественным доказательством, так как часть 4 статьи 81 УПК РФ включает в предметы, не признанные вещественными доказательствами и подлежащие возврату, электронные носители информации, а статья 82 УПК РФ, посвященная хранению вещественных доказательств, устанавливает порядок хранения вещественных доказательств в виде электронных носителей информации. Помимо указанных статей законодатель отдельно отметил, что при расследовании преступлений в сфере экономики, электронные носители информации признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление (часть 1 статьи 81.1. УПК РФ). Краснова Л. Б. отмечает, что электронные носители информации должны иметь статус вещественного доказательства, так как они обладают признаками, присущими исключительно вещественным доказательствам: они могут служить средством установления обстоятельств уголовного дела при том, что на носителях может содержаться не только информация о факте преступления, но

и следы самого преступления (искажение информации, ее намеренное изменение и т. д.); данные, содержащиеся на электронных носителях, хранятся на них во внешних признаках (то есть хранятся на материальных носителях), а не в вербальной форме; имеется материальный способ получения, хранения и передачи невербальной информации, имеющей отношение к делу [5].

Некоторые процессуалисты, ссылаясь на такую особенность средств вычислительной техники как преобразование информации из кодированной знаковой формы в форму, воспринимаемую человеком (фотоизображение, видеоролик и т. д.), говорят о том, что данные с электронных носителей информации стоит признать отдельным видом доказательств. Так Батурин Ю.М. указывает, что так как запись в памяти электронной вычислительной машины (далее — ЭВМ) преобразуется в код, то «оценке подлежит не только запись в памяти ЭВМ, но и программа съема информации, а также их совокупность» [6]. Н.А. Зигура выделяет компьютерную информацию как самостоятельный вид доказательств, так как фиксация информации при помощи ЭВМ происходит без ее переработки сознанием человека, в той форме, в какой она объективно существовала независимо от субъективного восприятия того, кто ее закрепляет, что свидетельствует о большой ценности данной информации и необходимости более эффективного использования ее в доказывании [7].

На основании приведенного выше анализа научной литературы можно сказать, что отнесение электронных носителей информации к тому или иному источнику доказательств является вопросом чрезвычайно сложным. Полагаю, что из комплексного анализа норм статей 81 и 84 УПК РФ следует, что электронные носители информации могут быть признаны как вещественными доказательствами, так и иными документами. Вещественными доказательствами, на мой взгляд, являются такие электронные носители данных, которые служили орудиями или средствами преступления (например, смартфон, который использовался для незаконного копирования конфиденциальной информации); носители, на которые были направлены преступные посягательства (в частности, персональный компьютер, в состав которого входит карта памяти, с которой была похищена информация); носители которые были получены в результате преступления (флэш-карта с похищенной охраняемой законом инфор-

мацией); носители которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (к примеру видеорегистратор как электронный носитель данных об обстоятельствах преступления). Думаю, что электронные носители информации могут быть признаны иными документами если содержащиеся в них данные имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, то есть когда информация составляющая носителя имеет большее значение для следствия, чем его физические характеристики и при этом информация и носитель, не обладают указанными выше характеристиками вещественных доказательств. При этом как отмечается в статье И.С. Федотова и П.Г. Смагина часто именно информация на электронных носителях имеет значение для следствия, а не сам носитель как физический предмет [8].

Судебная практика по обозначенному в статье вопросу также неоднозначна. Суды относят электронные носители данных как к иным документам, так и к вещественным доказательствам в отличие от роли информации в совершенном преступном деянии. При анализе практики можно прийти к выводу, что чаще суды признают электронные носители информации вещественными доказательствами, так как часто такие носители информации как планшетные компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны являются средствами или орудиями преступлений [9]. Встречаются и решения, в которых суды связывают электронные носители информации с категорией иных документов, и это относится прежде всего к носителям данных, которые следствие истребует у иных органов государственной власти или организации [10].

Таким образом можно прийти к выводу, что вопрос отнесения электронных носителей информации к тому или иному источнику доказательств сейчас законодательно однозначно не решен. Считаю, что приобщение к материалам уголовного дела электронных носителей данных как вещественных доказательств или как иных документов во многом зависит от правоприменителя, который самостоятельно решает, какую доказательственную информацию содержит в себе носитель и какое значение она имеет для расследования преступления: является ли носитель данных предметом, обозначенным в части 1 статьи 81 УПК РФ, или содержит в себе исключительно информацию, которая позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию согласно статье 84 УПК РФ.

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.07.2012 N 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — ст. 4332. — СПС «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ // Российская газета. — 2012. — N 278. — (ред. от 03.07.2016) — СПС «Консультант».
2. Маркелов, А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Маркелов. — Н. Новгород, 2004—215 с.; Зигура, Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.А. Зигура. — Челябинск, 2010. — 234 с.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — N 31 (1 ч.). — ст. 3448 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). — СПС «Консультант».
4. Ткачев, А. В. Использование электронных (компьютерных) документов в качестве документов-доказательств и письменных доказательств в процессуальных отношениях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 5. — с. 128–135; Ткачев А. В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3. — с. 436–442.
5. Краснова, Л. Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4. — с. 254–260.
6. Батурин, Ю. М. Проблемы компьютерного права. — М.: Юридическая литература, 1991. — 272 с.
7. Зигура, Н. А., Кудрявцева, А. В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: монография / Н. А. Зигура, А. В. Кудрявцева. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 176 с.
8. И. С. Федотов, П. Г. Смагин. Электронные носители информации: «вещественные доказательства» или «иные документы»? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 3. — с. 191–199.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 3 июля 2013 г. по делу № 10–5216. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 09.11.2016 без номера дела. Доступ из СПС «Консультант»; Апелляционный приговор Московского городского суда от 26.03.2015 по делу N 10–3271/2015. Доступ из СПС «Консультант»; Приговор суда Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону от 12 ноября 2015 года по делу № 1–657/2015. Доступ из СПС «Консультант».
10. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 814-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13–13сп. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Пределы компетентности эксперта как участника судопроизводства

Павлова Анна Александровна, студент

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

В статье рассмотрены аспекты компетентности эксперта, как лица, обладающего специальными знаниями, необходимыми для проведения экспертного исследования — в частности, раскрыты вопросы необходимости прохождения аттестации всеми экспертами (в т. ч. работающими не в государственных структурах), а также сделан акцент на опыт и стаж эксперта при решении сложных экспертных задач.

Эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями (теорией, методикой производства экспертизы), которое назначается в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее РФ), в целях производства экспертизы и дачи заключения [2]. Согласно законодательству РФ экспертом может быть назначено лицо, обладающее необходимыми для дачи заключения знаниями, в том числе эксперт должен быть компетентен в той предметной области, по которой назначено проведение экспертного исследования.

Под компетентностью эксперта принято понимать уровень и «глубину» знаний, которыми должен обладать эксперт в той или иной области науки, ремесла, искусства и техники.

В свою очередь компетенция эксперта (от лат. *competere* — соответствовать, быть годным) — это объем определенных специальных знаний из области теории экспертизы и методик, который обеспечивает решение всех

возможных вопросов, относящихся к конкретной экспертизе. Также ученые утверждают, что данным объемом знаний должен обладать любой эксперт в той или иной области, отсутствие которых может негативно сказываться на последующем заключении [8].

Компетенция эксперта может рассматриваться в двух аспектах.

1. Как круг определенных полномочий, прав и обязанностей эксперта, прописанных в законодательстве РФ.

2. Как комплекс знаний в области теории, методики и практики определенной экспертизы.

Более того, компетенция может быть объективной, а именно составлять объем знаний, которыми должен владеть эксперт. И субъективной, то есть степень этих знаний и умений, которыми конкретный эксперт должен владеть.

Субъективная компетенция определяется образовательным уровнем эксперта, специальной экспертной подготовкой, стажем его работы в экспертной деятельности,

опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными способностями.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что понятия «компетенция» и «компетентность» эксперта не являются взаимозаменяемыми, однако неразрывно связаны с законной деятельностью эксперта.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 70 уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) недостаточная компетентность эксперта может являться одним из оснований его отвода [1].

Например, отсутствие специального образования у лица, выполнившего экспертизу, даже если он самостоятельно изучил необходимую литературу и обладает знаниями в необходимой области науки, может являться основанием для признания данного лица некомпетентным для выполнения экспертной деятельности.

Столь строгие требования необходимы в связи с тем, что лицо, выполняющее экспертизу, может ненамеренно заблуждаться в своих выводах в связи с отсутствием необходимых знаний или же опыта.

Все это в дальнейшем может затянуть расследование того или иного дела, сбить следствие с верного пути или же затянуть судебное разбирательство.

Более того лица, участвующие в деле, вправе высказать свои сомнения в выборе конкретного эксперта, а заключение эксперта, как одно из доказательств подлежит оценке и может быть не принято судом связи с недостаточной обоснованностью или же может вызывать сомнения в правильности выбранных методик экспертного исследования. В связи с этим, может быть назначена повторная или дополнительная экспертиза, что, безусловно, может затянуть разрешение дела по существу.

Однако большим заблуждением является то факт, что судебная экспертиза может выполняться только в государственном экспертном учреждении. Чтобы развеять данный миф, обратимся к УПК РФ, а именно к части 2 ст. 195, где прописано, что помимо государственных судебных экспертов, судебная экспертиза может проводиться и иными экспертами. В связи с этим производство экспертизы частными экспертами является допустимым.

Более того, в Постановлении Пленума Верховного суда от 21 декабря 2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» также предусмотрено производство судебных экспертиз иными экспертами, работающих помимо государственной структуры [3].

Под негосударственными экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации, созданные в соответствии с требованиями законодательства и осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятым ими уставом.

Однако нельзя отрицать тот факт, что эксперт, работающий в государственной структуре, вызывает больше доверия у лиц, в том числе у суда.

Если производство экспертизы назначается судом в государственном экспертном учреждении, то в соответствующем определении необходимо указать наимено-

вание этого учреждения. Но если же в данном учреждении не имеется возможности провести экспертизу, то выносится новое определение с указанием того государственного экспертного учреждения, в котором она должна быть проведена.

Также суд обязан сообщить присутствующим лицам фамилию, имя, отчество эксперта, которому руководитель государственного экспертного учреждения поручил производство экспертизы, поскольку данные лица могут обладать информацией, которая может являться основанием для отвода конкретного эксперта [7, с. 46].

Руководитель государственного судебно-экспертного учреждения, осуществляющий функции по распределению экспертных заданий, сам должен обладать высшей экспертной квалификацией, широким кругозором и специальными знаниями в различных родах или видах экспертиз данного направления. Чтобы решить, кому из подчиненных поручить выполнение той или иной экспертизы, ему необходимо хорошо знать возможности своих подчиненных, представлять, кто из них наилучшим образом справится с решением данных задач. Руководитель должен ориентироваться в судебно-экспертных методиках и правильно оценивать сложность предстоящего исследования. Особенно это важно при решении вопроса, в каком случае экспертиза будет выполняться единолично, а когда комиссией экспертов. Если по одному объекту назначен комплекс экспертиз, руководитель решает, какова оптимальная последовательность их производства. В случае необходимости назначения комиссионной или комплексной экспертизы руководитель назначает эксперта-организатора, координирующего процесс экспертного исследования.

При назначении экспертизы лицу, которое не является государственным судебным экспертом, суду необходимо предварительно запросить сведения, подтверждающие возможность производства данной экспертизы, поскольку в последующем определении о назначении экспертизы суд должен мотивировать назначение производства экспертизы в указанном учреждении или поручение ее проведения конкретному лицу.

Итак, судья может запросить такие сведения как фамилию, имя и отчество данного лица, его образование, специальность, стаж работы конкретно в качестве судебного эксперта и любые другие данные, которые, по его мнению, могут свидетельствовать о его компетентности. Так же суд вправе запросить копии данных документов.

Хотелось бы отметить тот факт, что иногда судьи требуют от частных экспертов или экспертов негосударственных экспертных учреждений предоставления лицензии (сертификата) на право заниматься судебно-экспертной деятельностью, что является ошибкой. Поскольку, обратившись к Федеральному закону от 8 августа 2001 г. N 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», убедимся, что в лицензировании судебно — экспертной деятельности нет необходимости. Единственное, что возможно лишь лицензирование опре-

деленных видов деятельности при производстве судебной экспертизы, таких как медицинская [5, с. 3].

В дополнении ко всему перечисленному, компетентность и квалификация экспертов подтверждаются следующим образом.

Для судебных экспертов, работающих в государственных структурах, предусмотрено проведение их аттестации на право самостоятельного производства экспертиз и переаттестации через каждые пять лет.

Данное положение также регулируется Приказом Министра обороны РФ от 31 октября 2007 г. N 461 «О порядке определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз» [4].

Для иных экспертов (частных или работающих в негосударственных учреждениях) предполагается, но не является обязательным, проведение сертификации, прохождение которой сопровождается выдачей им сертификата на право производства экспертизы по конкретной специальности. Право на проведение данной сертификации предоставлено Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии некоммерческому партнерству «Палата судебных экспертов».

Однако необходимо отметить тот факт, что вопрос о подтверждении своих знаний негосударственных экспертов наравне с государственными судебными экспертами, путем прохождения обязательной аттестации, является актуальным на сегодняшний момент в развитии законодательства.

Необходимость в такой строгости требований, предъявляемых к эксперту, также подтверждается на практике, поскольку помимо образования и пройденного квалификационного экзамена, на правильность проведения экспертизы может повлиять и стаж эксперта, и опыт его работы.

Так в одном из небольших городков произошло ограбление. Чтобы замести следы, преступники якобы от имени девушки, которая снимала в этом доме квартиру, а

потом куда-то исчезла, оставили на двери записку: «Буду 5 числа». Полиция сработала оперативно и довольно быстро вышла на грабителей. Трое подозреваемых оказались за решеткой, но у следователя не было веских доказательств их вины, кроме подозрения, что коротенькую записку оставил кто-то из них.

Проведение экспертизы (в данном случае почерковедческой) поручили опытнейшему эксперту Ольге Белоусовой. Сколько она ни билась, результаты исследования показывали, что никто из подозреваемых данную записку не писал. Но, не смотря на полученные результаты, эксперт чувствовала, что данные лица имеют отношение к данной записке. Благодаря своему опыту, развитому логическому мышлению и интуиции эксперт догадалась, что данную записку писали все трое, один — слово «Буду», другой — цифру «5», третий — «числа». Отпираться подозреваемые не стали, и все трое получили заслуженное наказание [6, с. 141].

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы еще раз отметить, что для того чтобы заключение эксперта было признано допустимым доказательством, необходимо, чтобы эксперт попадал под критерии компетентности, а именно имел законное право на проведение того или иного рода экспертизы.

Также помимо наличия соответствующего образования, эксперту необходимо регулярно проходить специализированные экзамены для подтверждения своей компетентности, независимо является ли эксперт государственным или же нет.

Более того, стаж работы и опытность эксперта играет немаловажную роль при назначении проведения экспертизы конкретному лицу. Поскольку, как показывает практика, данные критерии играют немаловажное значение при проведении сложных экспертиз или при расследовании дел, где в дальнейшем заключение эксперта может являться одним из необходимых доказательств для успешного разрешения дела.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Российская газета от 22 декабря 2001 г. N 249.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 5 июня 2001 г. N 106.
3. Постановление Пленума Верховного суда от 21 декабря 2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета от 30 декабря 2010 г. N 296.
4. Приказ Министра обороны РФ от 31 октября 2007 г. N 461 «О порядке определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на право самостоятельного производства судебных экспертиз» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 17 декабря 2007 г. N 51.
5. Ефремов, И. Е. Одиннадцать заблуждений — Новая адвокатская газета N 5, март 2011 г. с. 3.
6. Ищенко, Е. П. Поговорим о графологии. — М.: Проспект, 2013. с. 141
7. Россинская, Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010. с. 46.
8. Словарь судебного эксперта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mbe2009.ru/slovar_sudebnogo_eksperta. (дата обращения 29.09.2016).

Анализ прав человека в условиях трансформирующегося российского общества

Паутина Елена Юрьевна, аспирант
Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Статья посвящена краткому анализу прав человека в условия трансформирующегося российского общества, где с каждым годом все отчетливее проявляются показатели архаизации.

Ключевые слова: государство, трансформация, архаизация, модернизация, право, правовая культура

Модернизация — процесс, придающий чему-нибудь современный облик, обновляющий его в соответствии с новыми взглядами, идеями и потребностями.

В XX в. правящим классом России было предпринято несколько попыток модернизации страны, но из-за его безответственности и некомпетентности ни одна из них не была осуществлена результативно.

Февральская революция оказалась спонтанным, плохо организованным восстанием, которое всего за несколько дней положило конец 300-летней царской династии Романовых и ее правящим институтам.

В период Февральской революции Временное правительство признало ряд фундаментальных гражданских свобод, включая свободу слова и собраний, право объединяться в профсоюзы, отмену всех ограничений на основании классовой принадлежности, вероисповедания и национальности, а также всеобщее избирательное право.

В горячке реформ Временное правительство упразднило полицию, что привело к тому, что оно утратило способность защищать перечисленные выше права и поддерживать базовый порядок и исполнение законов. В итоге в октябре 1917 г. большевики совершили государственный переворот, уничтожили все правовые регуляторы и, опираясь непосредственно на насилие, на самые архаические социальные архетипы, повели страну как они считали к коммунизму, а на деле к полному ее краху и почти полному ее уничтожению. Последнее, к счастью, удалось остановить в результате реформ начала 90-х годов прошлого века. Но выбор между правовой архаикой, то есть бесправием и насилием и правовой модернизацией, то есть использованием государственной властью и обществом современных, цивилизованных регуляторов и их опора на адекватный уровень защитой прав человека не осуществляется автоматически. Нужна борьба за право.

В 1921 году в советской России царил правовой хаос, созданный массой всевозможных военно-коммунистических учреждений, форм, механизмов обеспечения формируемых новых норм жизни социума.

Нормой являлось полное пренебрежение любыми правами человека и уничтожение не только всех несогласных с политикой большевистского правительства, но и любых иных групп населения только для запугивания и терроризирования всех остальных. Доминировал политический принцип, в силу которого лица, признанные «контрреволюционерами» безжалостно преследовались, а ком-

мунисты, напротив, зачастую были недоступны для закона. [1, с. 130].

Отсталость страны в условиях нарастания внешней угрозы диктовала острую необходимость ее модернизации, которую надо было провести в короткие сроки. Следовательно, правящий класс мог осуществить ее только насильственным способом. В 1929–1940 гг. в духе военного времени была построена жестко централизованная государственно-политическая система управления, которая сумела обеспечить концентрацию имеющихся ресурсов на главных направлениях. При этом главной опорой модернизационного процесса стал проводимый под руководством коммунистической партии СССР ужасающий террор и как его итог многомиллионные жертвы среди населения.

Период 1958–1960 гг. можно рассматривать как правовую реформу, внесшую вклад в совершенствование уголовного судопроизводства, поскольку участники процесса приобрели определенные возможности по обеспечению своих прав и законных интересов на основе процессуальных норм, превращаясь постепенно из объектов произвола в субъектов права.

Несмотря на рост доходов в 70-е гг. благодаря высоким мировым ценам на нефть, экономика, а вместе с ней и страна, не двигались вперед. Это был период застоя, когда страна не могла поддерживать на требуемом уровне образование, развивать современное здравоохранение, обеспечивать высокий уровень правовой культуры, да и культуры в целом. Все это предопределило в 1985–1990 гг. перестройку, которая стала последней попыткой пришедшей к власти в октябре 1917 года компартии модернизировать страну, но закончилась провалом, что привело к распаду государства.

Отсутствие веры в право как одного из существенных факторов модернизации общества не способствовало осуществлению успешной модернизации. Модернизационные процессы осуществлялись без правовых механизмов, без закрепления прав и свобод человека, без правовых гарантий прав и свобод человека.

С начала 90-х гг. в России в результате принятия новой Конституции РФ проводится политика модернизации правовой системы и всего общества в целом. При этом закрепленная в Конституции РФ концепция прав человека ограничивается интересами авторитарного режима под флагом защиты-общего блага. Однако обычно все перемены в обществе происходят в связи с переменами в праве,

правовом сознании и правовой культуре. Например, ошибочное представление о формировании высокого правосознания без развития права собственности привели к правовому нигилизму. Законность не предшествует развитию права собственности, а наоборот, собственность (право на собственность) формирует законность.

Отставание в выработывании в законодательстве России норм, гарантирующих равенство прав собственности, выражается в существующей связке власти и собственности. О важности завершения процесса институционализации права собственности, свидетельствуют слова В. В. Путина: «Надо развязать связку «власть и собственность»» [2].

Влияние процесса архаизации на правовую культуру находит свое отражение в создании ситуации, когда человек вынужден делать выбор между уважением закона

и его игнорированием. Зачастую люди умышленно отвергают правовые ценности, нормы, идеологии как «лишние» в современном обществе. Именно так они становятся на путь архаизации правовой культуры, соответственно, общество криминализируется, усиливаются позиции профессиональных преступников, злостных нарушителей закона; массовое распространение получает радикализация и экстремизация сознания, социальных практик.

Сегодня, спустя почти сто лет, Россия имеет формально одну из наиболее развитых в мире по уровню демократии и защиты прав и свобод человека Конституцию. Тем не менее мы видим серьезное пренебрежение ею на практике. Однако без выполнения заложенных в основном законе императивов гражданского общества, правового государства и правления права в широком смысле слова никакая модернизация невозможна.

Литература:

1. Федоренко, С. А. К вопросу о трансформации советской уголовной политики в условиях перехода к форсированному строительству социализма (1926–1928 гг.) // Современная научная мысль. — 2013. — № 4. — с. 130.
2. Путин, В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. — 2012. — № 20. — 6 февр.
3. Карнаушенко, Л. В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества. № 29, 2016 г. с. 139–144.
4. Камкия, Ф. Г. Правовые аспекты модернизации в России. № 4, 2013 г. с. 48–57.

Незаконное производство аборта

Попова Алина Николаевна, магистр
Тюменский государственный университет

Важное место в структуре насильственной преступности занимает незаконное производство аборта, классифицируемое по ст. 123 Уголовного Кодекса РФ. На сегодняшний день правовое регулирование, такой сферы жизни женщины, как репродуктивная, является малоизученной. Актуальность выбранной темы состоит в том, что несоблюдение правил, которые установлены органами здравоохранения чаще всего влечет за собой значимые последствия для женского здоровья. Учитывая демографический спад в нашем государстве, ст. 123 УК РФ стоит на страже защиты здоровья женщины, как отдельного индивидуума, так и как элемента всего здоровья нации. Проблема аборт (их запрета, разрешения, ограничения) является отражением состояния общества и восходит на государственный уровень, поскольку вопросы демографии и увеличения рождаемости в настоящий период в России, безусловно, выходят на первый план, выступая в качестве основных национальных приоритетов.

Репродуктивную политику государства определяют два основных фактора: демографическая ситуация в стране и степень влияния религии на государственную и общественную жизнь. Несомненно, современная государ-

ственная демографическая политика, основанная на существующей практике и призывах научной юридической общественности, должна негативно воспринимать практику искусственного прерывания беременности.

В России демографическая политика нацелена на прирост населения. Но каждая женщина, имеет возможность решать участвовать ли в репродуктивной жизнедеятельности страны или остаться в стороне, так же женщинам дана законом возможность прервать нежелательную беременность. Особенно законодательство обращает внимание на то, что прерывание беременности должно происходить только в рамках медицинских учреждений, которые обладают соответствующей лицензией. Так как государство заботится о здоровье женщин, процедура искусственного прерывания беременности регламентируется законодательством Российской Федерации, а его незаконное проведение рассматривается как уголовное преступление.

Аборт — это искусственное прерывание беременности, и в зависимости от того, при каких обстоятельствах он проводится, он может быть законным (правомерным) или незаконным (криминальным). Уголовно наказуемым искусственное прерывание беременности признается только в

том случае, если оно проведено лицом, не имеющим соответствующего медицинского образования (хирургом-гинекологом, акушером). Соответственно, проведение искусственного прерывания беременности врачом-гинекологом вне специального медицинского учреждения или в иные сроки, чем предусмотрено законодательством, не является уголовно наказуемым деянием.

Квалифицированный состав (ч. 3 ст. 123 УК РФ):

— Объектом является жизнь, здоровье беременной женщины;

— Объективная сторона — деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 123 УК РФ, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью;

— Обязательный признак — наступление последствия в виде смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшей. Состав материальный.

Субъективная сторона характеризуется двумя формами вины:

— прямым умыслом в отношении искусственного прерывания беременности;

— неосторожностью (легкомыслие или небрежность) в отношении наступления последствий.

Отдельно следует сказать о согласии женщины на прерывание беременности. Статья 123 УК РФ (незаконное проведение искусственного прерывания беременности) касается лишь тех случаев, когда пациентка идет на аборт добровольно. Ситуации, в которых процедура производится против воли потерпевшей, квалифицируются по 111 статье (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). **Для 123 статьи не имеет значения, каким способом был проведен аборт, и допустим ли он был по срокам.** Главное, это факт незаконности проведения данных действий обвиняемым лицом и последствия для здоровья женщины.

В соответствии со ст. 123 УК РФ Проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

Если искусственное проведение беременности, повлекло по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью, — наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В соответствии со ст. 56 «Искусственное прерывание беременности», ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от

03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия. Искусственное прерывание беременности по желанию женщины проводится при сроке беременности до двенадцати недель.

Искусственное прерывание беременности проводится:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

а) при сроке беременности четвертая — седьмая недели;

б) при сроке беременности одиннадцатая — двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности;

2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая — десятая недели беременности.

Искусственное прерывание беременности по социальным показаниям проводится при сроке беременности до двадцати двух недель, а при наличии медицинских показаний — независимо от срока беременности.

Социальные показания для искусственного прерывания беременности определяются Правительством Российской Федерации.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Искусственное прерывание беременности у совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной, если она по своему состоянию не способна выразить свою волю, возможно по решению суда, принимаемому по заявлению ее законного представителя и с участием совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной.

Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

При отсутствии именно осведомлять добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности (оформление которого осуществляется в письменной форме и подписывается пациентом и медицинским работником) в отношении виновного лица наступает административная ответственность по ст. 6.32 КоАП РФ. В случае же отсутствия согласия беременной женщины на проведение прерывания беременности как такового, ответственность должна наступать за причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей (ст. 111 УК РФ), так как согласие потерпевшей является конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 6.32 КоАП РФ ответственность наступает за нарушение сроков (в том числе при

наличии медицинских и социальных показаний, а также учитывая сроки с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности), установленных законодательством в сфере охраны здоровья для проведения искусственного прерывания беременности. Так, искусственное прерывание беременности по желанию женщины проводится при сроке беременности до 12 недель (включительно), так как свыше этого срока очень высока опасность тяжелых осложнений.

Самым тяжелым последствием хирургического вмешательства при прерывании беременности может быть перфорация (прободение) стенки матки. Такая травма вызывает сильнейшее внутреннее кровотечение. Чтобы остановить его проводится полная ампутация матки. О последствиях такого исхода и говорить не приходится. Женщина теряет свою самую важную функцию (репродуктивную) навсегда. Из исходов искусственного прерывания беременности на сроке беременности более 12 недель также часто встречаются:

- заражение крови из-за нарушения правил антисептики
- гнойное воспаление внутренних половых органов
- отравление лекарственными средствами, ядами и другими веществами, введенными в полость матки
- химический ожог внутренних половых органов
- смерть от попадания воздуха в полость сердца и крупных кровеносных сосудов через разрушенные вены матки.

Осложнения после аборт могут развиваться у женщины спустя некоторое время (через нескольких месяцев и даже несколько лет). У 18% женщин через два месяца после сделанного аборта развивается хроническое воспаление придатков матки, у 11% — эрозия шейки матки, у 7% — эндоцервицит, у 4% — различные нарушения менструального цикла. Спустя два года после сделанного аборта эти показатели увеличиваются в несколько раз.

Данные факты приводят к мысли о необходимости разумного подхода в решении проблемы регулирования производства аборт, для того чтобы не допустить таких серьезных последствий.

Если в результате нарушения сроков проведения искусственного прерывания беременности, потерпевшей был причинен по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть, то в таких случаях действия лица, проводившего соответствующее медицинское вмешательство, надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 118, 109 УК РФ, как причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. В случае же совершения тождественного деяния должностным лицом с использованием своего служебного положения, его следует квалифицировать по ч. 2 ст. 293 УК РФ, как халатность, повлекшую по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека.

Исходя из тяжести возможных последствий для здоровья беременной женщины, и той опасности, которой

подвергается ее жизнь, целесообразно было предусмотреть наказуемость указанных форм незаконного прерывания беременности именно по уголовному законодательству, а не по административному.

К таким противозаконным формам искусственного прерывания беременности относятся:

- 1) проведение искусственного прерывания беременности вне медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая услуги по «акушерству и гинекологии»;
- 2) проведение искусственного прерывания беременности при наличии противопоказаний (т. е. при наличии заболеваний, состояний, при которых прерывание беременности угрожает жизни или может нанести серьезный ущерб здоровью);
- 3) искусственное прерывание беременности при отсутствии условий для оказания специализированной (в том числе реанимационной) помощи женщине.

В судебной практике не редко встречаются примеры совершения незаконного прерывание беременности специалистами, хотя и с соответствующей профессиональной подготовкой, но в нарушение иных требований к проведению искусственного прерывания беременности.

В 2015 году по всей стране зарегистрировано 848 тысяч аборт, тогда как в 2014, согласно официальной статистике — 930 тысяч. В последние пять лет количество официальных прерываний беременности постоянно падает. А в сравнении с 2005 годом количество подобных операций сократилось почти вдвое: согласно официальной статистике, тогда было зарегистрировано 1675700 аборт. Хорошую динамику специалисты объясняют выплатой «материнского капитала».

Однако некоторые гинекологи и педиатры утверждают, что количество реальных прерываний беременности вместе с нелегальными абортами намного превышают данные Минздрава.

Аборт является крайне опасной по своим последствиям процедурой, незаконное прерывание беременности производится очень часто. Среди причин такого поступка можно выделить:

- низкий социальный статус женщины (отсутствие документов или денег на оплату аборта в специальном учреждении);
- возраст (несовершеннолетние женщины боятся сообщать о беременности родителям);
- большой срок (когда плоду больше 12 недель, в аборте, как правило, отказывают);
- наличие противопоказаний.

Довольно часто незаконно и непрофессионально проведенный аборт приводит к смерти женщины.

Например, даже когда дело не заканчивается смертью, избежать наказания не получится. Так, вынесением приговора об исправительных мерах закончилось рассмотрение дела о незаконном аборте в Волгоградском суде.

Подсудимая по просьбе, потерпевшей принялась за производство аборта, не имея медицинского образования

по соответствующей специальности. Она ввела беременной несколько инъекций препарата, используемого ветеринарами, в результате чего женщина родила мертвого ребенка. Причиной смерти плода стал ателектаз легких.

Свою вину обвиняемая признала. Попросила суд об особом порядке рассмотрения дела, на что было дано согласие. В результате, обвиняемая была осуждена по 1 части статьи 123 УК РФ.

Незаконные аборты, равно как и **незаконное изъятие органов и тканей человека, нарушение врачебной тайны и отказы от предоставления помощи больному**. И только грамотное регулирование этой системы отношений, а также наказание виновных способны излечить наше государство от такого «недуга».

Количество аборт в России в 2016 году снизилось на 96,3 тысячи, то есть на 13%. В предыдущие годы, число аборт в среднем снижалось на 8%. При этом отмечено снижение числа аборт по желанию женщины без медицинских показаний на 72 тысячи в 2016 году.

Согласно новой редакции государственной программы «Развитие здравоохранения», опубликованной Минздравом, количество аборт планируется к 2020 году снизить до 18,5 случая на тысячу женщин в возрасте 15–49 лет. В 2015 году этот показатель составил 20,9 случая. Всего в 2015 году, согласно данным Минздрава, было сделано 450 тысяч аборт.

Современная реальность такова, что производство аборт в медицинских условиях не является проблемой, так как услуга эта вполне доступна каждому. Но живучесть незаконного аборт просто поразительна, несмотря на строгость вменяемого за наказания.

Кроме того, для привлечения к уголовной ответственности за незаконное производство аборт врачей-гинекологов необходимо доказать прямую причинную связь между преступными действиями врача и наступившими общественно опасными последствиями. Специалисты, проводящие судебно-медицинские экспертизы по таким делам, в большинстве случаев категоричных выводов не делают, объясняя это особенностями организма потерпевшей. Заключение эксперта для суда, прокурора, следо-

вателя и лица, производящего дознание, не имеет заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими собранными по делу доказательствами по правилам ст. 88 УПК РФ.

Как видим, уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за незаконное прерывание беременности, нуждается в дальнейшем совершенствовании. В настоящее время этот вопрос для России становится особенно актуальным, поскольку имеет непосредственное отношение к решению важнейшей социальной проблемы. В условиях, когда на протяжении длительного времени в стране смертность значительно превышает рождаемость, государство вправе более эффективно использовать правовые средства (в том числе путем усиления уголовной ответственности за производство криминальных аборт) для решения вопросов регулирования демографической ситуации в стране.

Искусственное прерывание беременности — это умерщвление плода до наступления родов, а не умерщвление рождающегося или родившего, но не начавшего дышать ребенка. Умерщвление рождающегося или родившего ребенка, безусловно, посягает на его жизнь. Поэтому, можно сделать вывод, что разница объектом убийства матерью новорожденного ребенка и объектом незаконного производства аборт существенная.

На основании вышеизложенного, хотелось бы отметить одну из важных проблем нашего государства-материнства и детства. Они оставлены без материальной и моральной поддержки государства.

Во всем мире проблема производства аборт, в том числе и незаконных, приобретает все большее значение, при этом уровень жизни населения и благосостояние государства, где на государственном уровне рассматриваются новые подходы к законодательному регулированию аборт, не имеет принципиального значения. Определяющим фактором при рассмотрении данного вопроса в первую очередь, как правило, являются политические цели, во вторую очередь экономические факторы и лишь в конце принимаются во внимание религиозные взгляды, мораль и нравственность населения.

Литература:

1. Министерство здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gosminzdrav.ru/>
2. Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/>
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — 736 с.
4. Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. — 465 с.
5. Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 898 с.
6. Энциклопедия уголовного права / В. Малинин [и др.]. — Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2013. — Т. 13. — 957 с.

Самозащита работниками трудовых прав и ее востребованность на практике

Прокопенко Анастасия Викторовна, студент
Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена вопросам самозащиты прав работников в случаях их нарушений. Автор рассматривает эффективность самозащиты и возможности реализации права на самозащиту, а также формы самозащиты.

Ключевые слова: самозащита, нарушение прав, способ защиты, отказ от выполнения работы

Self-protection of labor rights of employees and their relevance in practice

Prokopenko Anastasia V., 2nd year student
Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

Article is devoted to self-defense of workers» rights in cases of violations. The author examines the effectiveness of self-defense and the possibility of realization of the right to self-defense, as well as forms of self-defense.

Keywords: self-defense, violation of rights, a way of protection, refuse to work

Российская Федерация позиционирует себя в мире как правовое социальное государство. Вторая глава Конституции РФ конкретизирует и развивает положения о человеке и гражданине, его правах и свободах как высшей ценности. В разные периоды времени ученые обращали внимание на то, что Конституция Российской Федерации исходит из принципа независимости прав и свобод человека от произвола государства [1].

Адриановская Т.Л. [2, с. 118] отмечает, что дешевая рабочая сила всегда была востребована на рынке труда и очень часто ее использование проводилось с нарушением закона. Среди всех прав, гарантированных Конституцией РФ, трудовые права граждан являются основополагающими и их соблюдение всеми субъектами трудовых правоотношений показывает фактическое положение дел с правовым статусом личности в государстве.

Право на труд закреплено в ст. 37 Конституции Российской Федерации. Право на труд является комплексным правом и реализуется в положениях, касающихся свободы труда, права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Немаловажное значение имеет запрещение принудительного труда, а также право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

Провозглашенные права были бы декларативными, если бы не признавалось и не гарантировалось право на их защиту, в частности, право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. Большинство нарушений прав ра-

ботников допускается из-за отсутствия эффективных механизмов защиты трудовых прав работников [3, с. 127].

Право на защиту гарантировано государством, что не лишает работников возможности отстаивать свои права самостоятельно, то есть применять самозащиту.

Ст. 45 Конституции РФ гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Трудовой кодекс РФ (ст. 352) содержит перечень основных способов защиты прав и свобод. К ним относятся:

- самозащита работниками трудовых прав;
- защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами;
- государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- судебная защита.

Легального определения самозащиты в Трудовом кодексе нет. Многие ученые неоднократно пытались дать определение самозащите. Например, М. Пресняков определяет самозащиту как предусмотренную трудовым законодательством возможность работника самостоятельно, своими правомерными действиями осуществлять защиту индивидуальных трудовых прав и законных интересов в пределах, установленных законом [4, с. 51–70].

На наш взгляд, самозащита трудовых прав работников — это, в первую очередь, способ защиты трудовых прав, который представляет собой действия работника, направленные на пресечение нарушения его трудовых прав или на восстановление нарушенного права.

Для самозащиты трудовых прав работников характерны следующие черты [5, с. 11]:

1. Работник самостоятельно обеспечивает реализацию субъективного права на защиту права без обращения в компетентные органы или суд.

2. Самозащита предполагает только пассивное поведение работника, связанное с отказом от выполнения требований работодателя, которые нарушают его права, свободы и законные интересы. Отказ от какого-либо требования является пресечением нарушения трудового права, например, права на безопасные условия труда, что позволяет отличить самозащиту от иных форм воздействия на поведение работодателя, например, проведение забастовки, суть которой заключается в приостановлении работы до достижения поставленной цели. Отказ от выполнения требований работодателя не ограничен сроком и непосредственно обеспечивает защиту субъективного права работника путем бездействия.

3. Самозащита не связана с каким-либо принуждением субъекта, нарушившего право к совершению определенных действий. Это объясняется тем, что целью самозащиты является пресечение действий, которые нарушают трудовые права. Чтобы принудить нарушителя трудовых прав к определенным действиям, необходимо использовать другие способы защиты трудовых прав.

4. Самозащита может быть использована в качестве способа защиты субъективных прав, свобод и законных интересов только самим работником. Работодатели не могут использовать такой способ защиты своих прав, свобод и законных интересов.

В ТК РФ самозащите трудовых прав работников посвящена статья 379 ТК РФ.

В целях самозащиты трудовых прав работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. На время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные ТК РФ, иными законами и другими нормативными правовыми актами.

Согласно ст. 380 ТК РФ работодатели, представители работодателя не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав.

Самозащита возможна только в случаях, прямо предусмотренных Трудовым кодексом. В других федеральных законах также может быть предусмотрено право на самозащиту, но пока они не приняты.

В соответствии с ТК РФ самозащита возможна в случаях:

- 1) поручения работнику работы, не предусмотренной трудовым договором;
- 2) возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью работника.

Необходимо отметить, что вопреки названию ст. 379 ТК РФ, сформулированному как «Формы самозащиты», она предусматривает лишь одну форму — отказ от выполнения трудовых обязанностей, на что обращают внимание ученые [6, с. 109–110].

Самозащита может применяться работником также в следующих случаях: если работодатель не обеспечил ра-

ботника средствами индивидуальной и коллективной защиты (ст. 220 ТК РФ), в случае задержки заработной платы на срок более 15 дней (ст. 142 ТК РФ). Эти случаи рассматриваются как самостоятельные правовые явления.

По нашему мнению, отказ от выполнения трудовых обязанностей, когда он вызван грубым нарушением трудовых прав работника и имеет целью восстановление этих прав, должен признаваться самозащитой.

Реализация права на самозащиту на практике может вызывать затруднения, в связи с чем возникает несколько проблемных вопросов:

- 1) об оплате периода приостановления выполнения трудовых обязанностей;
- 2) о необходимости присутствия работника на рабочем месте.

Например, порядок и размер оплаты периода, когда работник не работал в связи с необходимостью защитить свои трудовые права, определен по отношению к конкретным видам самозащиты. Так, для защиты права на труд, отвечающий требованиям охраны труда (ст. ст. 219, 220 ТК РФ), установлена оплата как за простой не по вине работника. Видимо, правильнее было бы в этом случае оплачивать приостановку выполнения трудовых обязанностей как простой по вине работодателя в соответствии с ч. 1 ст. 157 ТК РФ, поскольку работодатель не выполнил обязанностей, возложенных на него трудовым законодательством.

В то же время по отношению к случаям незаконного перевода на другую работу такой подход вряд ли применим, поскольку работник фактически лишается возможности трудиться. По сложившейся практике при восстановлении незаконно переведенного работника на прежней работе ему оплачивается время вынужденного прогула (ст. ст. 72, 394 ТК РФ).

На время правомерного отказа от работы за работником сохраняются все права, предусмотренные Трудовым кодексом, иными законами и другими нормативными правовыми актами. Однако порядок и размер оплаты периода, когда работник не работал в связи с необходимостью защитить свои трудовые права, точно не определён, что является, на наш взгляд, упущением законодателя.

По отношению к некоторым случаям самозащиты, например, при приостановке работы, в связи с задержкой заработной платы, никаких гарантийных выплат не предусмотрено, что существенно снижает значение и эффективность практического применения работниками этого способа защиты трудовых прав.

Статья 379 ТК РФ **не определяет**, обязан ли работник после извещения работодателя об отказе от выполнения работы находиться на своём рабочем месте. Но принимая во внимание, что в силу ст. 4 ТК РФ работа, которую выполняет работник в случаях, когда он имеет право отказаться от её выполнения, относится к принудительному труду, он вправе не выходить на работу до устранения причин, вызвавших отказ от работы.

Продолжительность приостановки выполнения трудовых обязанностей в порядке самозащиты не ограничивается и определяется временем, необходимым для восстановления нарушенных прав и свобод работника.

Самозащита трудовых прав осуществляется работниками свободно [7, с. 3]. Руководитель, иные должностные лица организации не имеют правовых оснований принуждать работника к выполнению работы, угрожать ему, оказывать какое-либо психологическое давление. Не допускается также привлечение работников, реализующих право на самозащиту, к дисциплинарной ответственности.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что каждый работник имеет право на защиту своих прав и свобод, а также интересов, которые охраняются и гарантируются государством. Важным, на наш взгляд, является условие о том, что все гарантии и права сохраняются за работником в полном объеме только в том случае, если он письменно предупредил работодателя или его представителей.

Самозащита в трудовом праве рассматривается как особая мера защиты.

Говоря о востребованности самозащиты трудовых прав на практике, следует отметить, что работники прибегают к данному способу при наличии существенных нарушений своих трудовых прав. В законодательстве самозащита работниками трудовых прав стоит на первом месте, но основная часть работников не пользуется этим правом, так как они считают, что в нашей стране с ее прочными тради-

циями государственного управления, более эффективной и надежной является защита, которую обеспечивает государство в лице юрисдикционных органов.

Возможно, это связано с нежеланием работников обострять отношения с работодателем. Работники считают, что меры по защите их трудовых прав обязаны принимать государственные органы, которые должны пресекать нарушения независимо от реакции на них работников [8, с. 51–54]. Но государственные органы далеко не всегда имеют информацию о нарушениях, совершаемых работодателем, не всегда предпринимаются необходимые меры по пресечению нарушения трудовых прав.

Итак, самозащита трудовых прав работников — это способ защиты трудовых прав, который представляет собой действия работника, направленные на пресечение нарушения его трудовых прав в формах, установленных трудовым законодательством. Несомненно, следует одобрить введение в ТК РФ института самозащиты, но при этом и обратить внимание на определенное несовершенство законодательного закрепления самозащиты в ТК РФ. Во-первых, необходимо установить четкие гарантии прав работников в связи с реализацией права на самозащиту, чтобы механизм самозащиты в сфере труда служил интересам работников, во-вторых, расширить перечень форм самозащиты трудовых прав работников. Указанные меры помогут в значительной степени повысить востребованность использования самозащиты трудовых прав работников на практике.

Литература:

1. Комментарий к Конституции РФ /Под. ред. Л. А. Окунькова. — М., БЕК. 1996 // СПС «КонсультантПлюс».; Тихомиров М. Ю. Индивидуальный предприниматель: правовое положение и виды деятельности. 3-е изд., доп. и изм. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2009. 157 с.// СПС «КонсультантПлюс».
2. Адриановская, Т. Л. Административная ответственность за нарушения трудового законодательства // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16.
3. Адриановская, Т. Л. Право профессиональных союзов на осуществление контроля за соблюдением трудового законодательства // Труд и социальные отношения. 2015. № 5.
4. Пресняков, М. Самозащита трудовых прав // Трудовое право. 2013. № 3.
5. Степанова, Т. Н. Защита трудовых прав работников // Вестник ГИСБИ. 2008. № 2.
6. Репринцев, Д. Д. Самозащита работниками трудовых прав // Трудовое право. 2009. № 3.
7. Казакова, Е. Б. Правовые аспекты защиты и самозащиты прав в трудовых правоотношениях // Культура: управление, экономика, право. 2008. № 2.
8. Канунников, А. Б. Правовая культура самозащиты работниками трудовых прав // Трудовое право. 2007. № 2.

Исправительные работы: значение, проблемы применения

Пуминова Анастасия Александровна, магистрант
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Данная статья посвящена феномену исправительных работ в российской правовой практике. Обосновывается значение применения данного вида наказания, а также проблемы, с которыми приходится сталкиваться при его реализации.

Ключевые слова: наказание, исправительные работы, карательная политика, гуманизация, реализация наказания

При назначении наказания лицу, совершившему преступление необходимо учитывать характер и общественную опасность совершенного им деяния, а также данные о личности самого преступника, что способствует реализации принципов и задач уголовного законодательства.

В последнее время наблюдается гуманизация карательной политики государства, что нашло свое отражение и в применении уголовного законодательства, выражающейся в индивидуализации наказания. Одним из таких направлений выступает применение в качестве наказания исправительных работ.

Государство, проводя гуманизацию карательной политики, не только повышает лояльность населения к себе и своей деятельности, а также дает шанс лицу, совершившему преступное деяние, исправиться, назначая более мягкий вид наказания, тем самым поощряя виновного на правомерное поведение. Кроме того, государство таким образом предупреждает распространение преступности в дальнейшем. Связано это с тем, что, как правило, «лица, отбывшие лишение свободы, возвращаясь в общество, распространяют и пропагандируют криминальные традиции и обычаи среди населения, особенно среди молодежи, что является одной из причин роста преступности среди несовершеннолетних и других неустойчивых граждан, способствует повышению криминогенного потенциала общества» [8].

Исправительные работы — это мера государственного принуждения, применяемая в качестве основного вида наказания к осужденному как имеющему, так и не имеющему основное место работы, с удержанием части его заработной платы, от пяти до двадцати процентов, в доход государства.

Исправительные работы с уверенностью можно назвать гуманизацией карательного направления уголовной политики, так как данный вид уголовного наказания является более мягким по сравнению с остальными и выступает альтернативным по отношению к аресту, лишению свободы, смертной казни.

Популярность и гуманизм исправительных работ в первую очередь проявляется в том, что данный вид наказания не требует обязательной изоляции осужденного от общества, цели наказания достигаются материальными ограничениями, а в случаях назначения их отбывания на

основном месте работы еще и ограничением трудовых прав осужденного, а также исправительно-трудовым воздействием, выражающемся в том, что с осужденными проводятся воспитательные работы, организуемые инспекцией, с привлечением общественности и трудовых коллективов по месту работы. По отношению же к тем осужденным, которых в последствие трудоустраивают органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, исправительные работы можно назвать благом, ведь осужденный не только исправляется на моральном уровне, но еще и получает работу и, соответственно, доход, на который может жить, обеспечивать себя и свою семью. Ведь ни для кого не секрет, что одним из детерминантов преступности является высокий уровень безработицы.

Из вышесказанного следует, что данный вид наказания предпочтительнее для лиц, не имеющих постоянного места работы, к тому же, в случае, если осужденный зарекомендует себя в качестве хорошего работника во время отбывания исправительных работ, есть основания полагать, что работодатель предоставит ему работу в дальнейшем на постоянной основе.

Стоит сразу оговориться, что «поскольку отбывание исправительных работ неразрывно связано с трудовой деятельностью, то данный вид наказания не может быть назначен нетрудоспособному гражданину» [6, с. 20].

Ограничения, при которых не назначаются исправительные работы, предусмотрены ч. 5 ст. 50 УК РФ, они «не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву» [1].

Не смотря на все плюсы уголовного наказания в виде исправительных работ, имеется существенный минус, который не предусмотрен законодателем, а именно трудоустройство осужденного, после вынесения и вступления в законную силу приговора суда.

Если с теми осужденными, которые имеют основное место работы, на практике особых проблем не возникает,

то в отношении тех, которые не имеют такового, возникает вопрос: «Куда их трудоустроить?».

«По смыслу закона, указание в приговоре места отбывания осужденным исправительных работ не требуется, место отбывания определяется уголовно-исполнительной инспекцией при исполнении приговора в зависимости от наличия или отсутствия у лица основного места работы» [3].

Законом предусмотрено, что осужденный отбывает наказание в районе места жительства [2], что также не всегда дает реальные возможности реализации данного предписания, ведь на территории Российской Федерации имеются населенные пункты, где не только нет возможности трудоустроиться, но даже цивилизация до таких районов «никак не может прийти».

Кроме того, наряду с указанной проблемой возникает еще один немаловажный вопрос: «Может ли осужденный отказаться от конкретного вида работ, например, в случае, если она не соответствует его квалификации?».

В ч. 4 ст. 40 УИК РФ указано, что «осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы», соответственно, он будет направлен на ту работу, которую ему определит местное самоуправление по согласованию с инспекцией. Как правило, назначается физическая работа и на квалификацию подсудимого никто не обращает никакого внимания. В данном случае, не смотря на гуманизацию карательной политики, стоит поставить вопрос о справедливости индивидуализации наказания.

Выход имеется в том случае, если осужденный, который не имеет основного места работы на момент вынесения приговора судом, может по собственной инициативе до постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции устроиться на работу по своему желанию. Однако в данном случае может иметь место противоречие резолютивной части приговора, согласно которой испра-

вительные работы должны отбываться в местах, которые определяют органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Если избранное осужденным место работы находится в районе его места жительства, то существенных сложностей в организации исполнения назначенного наказания не возникает. «В случае трудоустройства осужденного, не имевшего основное место работы, до постановки на учет инспекции в организацию, не определенную органом местного самоуправления, инспекция согласовывает с органом местного самоуправления данную организацию в качестве места для отбывания исправительных работ» [9]. В случае же, когда осужденный самостоятельно трудоустраивается на работу, которая находится за пределами района его места жительства, это противоречит законодательству, в частности ч. 1 ст. 50 УК РФ и ч. 1 ст. 39 УИК РФ, соответственно, единственным выходом, не противоречащим закону, является увольнение с последующим устройством на работу, определенную органами местного самоуправления и уголовно-исполнительной инспекцией.

Таким образом, в законодательстве Российской Федерации, несомненно, наблюдается гуманизация карательной политики, что выражается, в том числе, и в применении уголовного наказания в виде исправительных работ. Однако законодатель не предусмотрел до конца реализацию наказания на практике, так как имеются существенные проблемы его исполнения, что требует доработки норм закона и уточнения многих положений, в частности, что является «районом места жительства»; куда трудоустраивать осужденных при отсутствии рабочих мест; идти на уступки при трудоустройстве осужденного самостоятельно, на что необходимо закрепить право в нормах закона; трудоустраивать осужденных согласно их квалификации и образованию.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017 г. // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016 г. // Собр. законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) / О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — 2016.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3: (постатейный) / А. В. Бриллиантов [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. — 3-е изд. — М.: Проспект, 2016. — 576 с.
5. Арзамасцев, М. Индивидуализация наказания в виде исправительных работ // Уголовное право. — 2012. — № 6. — с. 10–15.
6. Галиева, Р. Ф. Правовое регулирование труда лиц, осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2011. — № 2. — с. 20–25.
7. Данелян, С. В., Микаелян А. С. Обязательные, исправительные и принудительные работы в свете международных стандартов прав человека и обращения с осужденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2014. — № 6. — с. 27–32.
8. Зубарев, С. М. Некоторые вопросы гуманизации карательной политики России на современном этапе // КонсультантПлюс. — [Б. м.], 2015. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (08.04.2017).

9. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) / Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (Зарегистрировано в Минюсте России 25.06.2009 № 14140) // Российская газета. 2009. — № 151. — 14 авг.

Проблемы совершения нотариальных действий

Рассохина Анна Александровна, преподаватель;

Суходолина Диана Андреевна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В данной статье освещен проблемный вопрос деятельности современного нотариата. В частности, ставится вопрос о необходимости законодательного определения правового статуса нотариальных органов и частных нотариусов. Выделяется, производная от вопроса о неопределенности административно-правового статуса нотариата, проблема гражданско-правовой ответственности нотариусов.

Ключевые слова: *нотариат, правовой статус, государственный орган, правоохранительная деятельность, правозащитная функция, гражданско-правовая ответственность, нотариус*

Современный нотариат приобрел в жизни государства общества и личности особое значение, поскольку востребован в обширной и разнообразной по видовому составу, сфере правоотношений. В связи с этим, на первый план обосновано выдвигается проблема о правовом статусе и правовой природе самого нотариата.

В научной литературе в связи с законодательной неопределенностью административно-правового статуса нотариата выдвигаются самые разнообразные версии об его юридической сущности и значении. При этом большинство авторских определений страдают высокой степенью абстрактности и подчеркиванием его правозащитной функции.

Нотариат это система государственных органов и должностных лиц, призванных обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации иными законами защиту прав и законных интересов граждан. [1] Аналогичным образом определяет нотариат И. Г. Черемных, [2] Р. Л. Хачатуров. [3]

Как отрасль законодательства, нормами которой регулируется нотариальная деятельность, отрасль (подотрасль) юридических знаний, в том числе научно-теоретических, о нотариате как правовом институте определяют нотариат Т. В. Зайцева, Р. Ф. Галеева, В. В. Янков. [4]

Имеются мнения о том, что нотариат выполняет функции органа управления. В связи с чем, необходимо возразить, что административный порядок защиты гражданских прав по своему характеру соответствует таким отношениям, которые основаны на подчинении одного субъекта другому. [5]

Нотариальный же орган и нотариус не находится в особых отношениях с лицами, обращающимися за совершением нотариального действия, и не имеет никакой заинтересованности в исходе дела. Поэтому в литературе неоднократно отмечалось определенное сходство нотариальной формы не с административной, а именно с судебной формой защиты права. [6]

Мы согласны с М. А. Треушниковым, который полагает, что правовая природа нотариата не управленческая, а правоприменительная. [7]

Основные формы управленческой деятельности не имеют ничего общего с осуществлением нотариальных действий. [8]

Г. Г. Черемных вообще исходит из определения сущности деятельности нотариата как отправление превентивного правосудия. [2]

С этим мы не можем согласиться, поскольку разрешение юридических конфликтов не задача нотариата.

Именно правовой конфликт, не дошедший до стадии «спора», часто приводит гражданина к нотариусу с целью получения доказательства государственного признания его права. Правовой конфликт может выразиться не только во взаимоотношениях определенных лиц. Он наступает и в случае, если имеются иные реальные препятствия (либо угроза их возникновения) при осуществлении гражданских прав. На преодоление этих препятствий направлена, прежде всего, деятельность нотариуса по установлению фактов.

В литературе при сравнении судебной деятельности и нотариальной отмечается, что нотариальная процедура значительно упрощена по сравнению с судебной. [7]

По нашему мнению нет никаких юридических оснований говорить о сходстве правового статуса судьи и нотариуса Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 03.07.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» содержит ряд положений о критериях личности юриста для того, чтобы реализовать себя профессионально в должности судьи. [9]

Специфика всего закона и его отдельных положений в целом обусловлена базовой юридической универсальной категорией единства судейского правового статуса (ст. 2 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1).

Введение категории единства в юридический оборот, в свою очередь, обусловлено общей единой професси-

ональной характеристикой всех судей, которая законом определена двояко:

— судьи с одной стороны названы носителями государственной судебной власти;

— с другой стороны они реализуют, по мнению законодателя, народное представительство в судебных органах.

Безусловно, статус судьи определен самим положением суда в системе органов государства. Именно наличие статуса носителя власти определяет, на наш взгляд, необходимость строгой законодательной регламентации всех элементов правового положения судьи, поскольку он является профессиональным участником властеотношений и разрешает в своей повседневной деятельности юридические конфликты, разных масштабов.

Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» в ст. 3 устанавливает, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

В случае возникновения конфликта интересов судья, участвующий в производстве по делу, обязан заявить самоотвод или поставить в известность участников процесса о сложившейся ситуации.

Возникший между заинтересованными лицами спор о праве, основанный на совершенном нотариальном действии, рассматривается судом или арбитражным судом в порядке искового производства.

Кроме того, с одной стороны, сложившийся порядок рассмотрения нотариусом бесспорных дел в определенной степени оправдан и отвечает интересам граждан, чьи права и интересы подлежат немедленной защите. [10]

Вместе с тем, требуется дальнейшее совершенствование нотариального законодательства, более подробное урегулирование, как общего порядка совершения нотариальных действий, так и их отдельных видов. Необходимым является законодательное закрепление стадий нотариального производства, тем более что в правовой литературе этот вопрос уже достаточно разработан. [11]

Из неопределенности правового статуса нотариата следуют и другие проблемы.

Например, сложно обстоит юридическая сторона вопроса с исполнительной надписью нотариуса, которая, по сути, представляет собой распоряжение нотариуса о взыскании с должника причитающейся взыскателю суммы денег или имущества, учиненное на подлинном долговом документе.

Взыскание по исполнительной надписи нотариуса производится в бесспорном порядке. Это означает, что документ, на котором нотариусом совершена исполнительная надпись, предъявляется к исполнению непосредственно судебным приставам-исполнителям, без обращения в суд.

В соответствии со ст. 91 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» исполнительная надпись совершается при соблюдении двух условий. [12]

Во-первых, исполнительная надпись может быть совершена только в том случае, если со дня возникновения права на иск не прошло более трех лет, а в связи с отношениями между предприятиями, учреждениями, организациями не прошло более года; если же для требования, по которому выдается исполнительная надпись, законодательством Российской Федерации установлен иной срок давности, исполнительная надпись выдается в пределах этого срока.

Во-вторых, представленные документы должны подтверждать бесспорность задолженности. Как правило, нотариус устанавливает бесспорность задолженности, основываясь на содержании представленных документов. Однако в случае совершения исполнительной надписи на договоре залога или закладной нотариус обязан известить залогодателя о предстоящем совершении исполнительной надписи.

Для этого нотариус направляет залогодателю соответствующее уведомление по адресу, указанному в договоре залога. Залогодатель имеет право в течение семи дней с даты получения указанного уведомления заявить свои возражения. При отсутствии возражений залогодателя требование залогодержателя считается бесспорным, если из содержания представленных документов или иных имеющихся у нотариуса данных не вытекает иное.

При отсутствии признака бесспорности нотариус отказывает в совершении исполнительной надписи.

Иными словами говоря, нотариус фактически дает оценку законности требования, содержащегося в намерении обратившегося к нему клиента

В связи с таким разнообразием исполнительных документов они, разумеется, нуждаются в классификации.

В научной литературе исполнительные документы, исходящие от судебных органов предлагается классифицировать следующим образом.

В научной литературе исполнительная надпись рассматривается как особый вид исполнительного документа, принятого внесудебным. [13]

По нашему мнению, это не только некорректно, но и противоречит сущности правосудия как системы органов наделенных правом принуждения субъекта права к выполнению определенных законом обязательств.

Неопределенность правового статуса нотариата предопределила и проблему гражданско-правовой ответственности нотариуса за причинение вреда.

Нам имеется в виду то обстоятельство, что Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 1) не позволяют рассматривать деятельность нотариуса как оказание услуг, в связи с чем на вопросы правового регулирования возмещения вреда законодательство о защите прав потребителей не распространяется.

Общие правила же ст. 1069 ГК РФ применимы только к нотариальной конторе государственного типа.

Нотариус, допустивший нарушение права граждан с нотариальной конторой находится в трудовых правоотно-

шениях и предел его ответственность ограничен средним заработком. Частный нотариус вообще никакой ответственности по вышеуказанным причинам не несет

Эти и иные проблемы нотариата требуют своего разрешения правовой реформы нотариата, первым этапом которой, должна стать ревизия нотариальных действий и

исключение из объема компетенции нотариата части полномочий сегодня у него имеющих.

В частности, необходимо исключить совершение исполнительной надписи. Кроме того нужно определить частный нотариат как систему нотариальных органов, оказывающих платные услуги населению.

Литература:

1. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2006. — 567 с.
2. Черемных, Г. Г. Комментарий к проекту Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Нотариус. — 2010. — № 1. — с. 3–10.
3. Хачатуров, Р. Л. Юридическая энциклопедия: В 5 т. Тольятти, 2005. Т. 4. — 710 с.
4. Зайцева, Т. В, Галеева Р. Ф., Ярков В. В. Настольная книга нотариуса: В 2 т. М., 2000. — 678 с.
5. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Издательство «Статут», 2001. с. 168.
6. Андре Швахтген. Деятельность нотариуса на благо гражданского общества // Нотариус. 2002. № 4 (36). с. 2.
7. Треушников, М. Современные проблемы гражданского и нотариального процесса / М. Треушников // Нотариальный вестник. 1998. № 9. с. 36.
8. Административное право / Под ред. Л. Л. Попова. М, 2010. с. 250.
9. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 (ред. от 03.07.2016) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016)//СПС «Гарант».
10. Нотариат: справ. (учеб. — метод. пособие) / под ред. В. В. Ралько и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Дашков и Ко, 2011. — 567 с.
11. Алешина, Т. Е. Нотариальная форма реализации права. Автореф. диссер к Ю. н. Саратов, 2001. с. 101–10.
12. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС. РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 11 марта 1993 г., № 10, ст. 357.
13. Павин, Д. В. Правовая природа исполнительных документов: теоретико-прикладные проблемы — Екатеринбург, 2015. — 230 с.

Проблемы института объявления гражданина умершим и признания безвестно отсутствующим и перспективы его реформирования

Рушанян Диана Арсеновна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Дела о признании лица безвестно отсутствующим и объявлении его умершим в последнее время встречаются в судебной практике довольно часто. Безвестное отсутствие гражданина затрагивает интересы его ближайших родственников и других заинтересованных лиц, как с имущественной, так и не с имущественной стороны. Для защиты интересов таких заинтересованных лиц, в том числе и самого пропавшего, ГПК РФ предусматривает специальную судебную процедуру по признанию лица безвестно отсутствующим в порядке особого производства. [1]

Т. В. Башенко указывает, что большинство дел по указанной причине возбуждается с целью расторжения либо прекращения брака, назначения различных пенсий, а также получения материального содержания из имущества безвестно отсутствующего лица. [2]

Обстоятельства и причины безвестного исчезновения людей все время были и оставались предметом для тщательного изучения, а также привлекали особое внимание правоприменителей (и практиков, и теоретиков). Так, тщательно изученные материалы по каждому делу всегда являются основой для выдвижения первичных версий исчезновения, а также на основе данных материалов вырабатывается тактика по направлению розыска таких лиц. А обобщение и тщательный анализ всех сведений позволяют аналитикам лучше понимать сущность этого сложного социального явления, в частности выявлять его специфические черты и закономерности, в последующем, на основе полученных результатов, вырабатывать рекомендации в этом направлении. Кроме того, выявление общих причин исчезновения позволяет соответствующим уполномоченным субъектам применять меры общей и инди-

видуальной профилактики в данной сфере. Все эти исследования позволяют выявить наиболее общие основания подобных исчезновений, таких как: причины исчезновения лица; условия, которые способствовали такому исчезновению; индивидуальные качества пропавшего; оперативно и криминологически значимые личностные характеристики подозреваемых; иные факторы, которые могли поспособствовать пропаже, и т. д.

В рамках гражданского производства очень важно в делах подобных категорий не пересекать черту с уголовным производством. Даже в случаях, когда явно отсутствуют элементы уголовно-правовой характеристики, сам факт безвестного отсутствия лица представляет для правоохранительных органов интерес тем, что такое исчезновение может иметь основанием замаскированное преступление. [3]

Одной из актуальных проблем производства по делам, связанным с признанием гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим, является противодействие возможной недобросовестности заявителей. В литературе указывается, что в делах особого производства создается благоприятная почва для необоснованного получения материальных благ и выгод, чему способствуют ряд факторов, главный из которых состоит в том, что рассматриваемому виду производства свойственна односторонность, заключающаяся в отсутствии ответчика; «заинтересованные лица не всегда могут оказать существенное влияние на ход процесса, что позволяет заявителю бесконтрольно утверждать свою правоту, не встречая с другой стороны серьезных возражений». Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» высшая судебная инстанция страны в период СССР специально ориентировала нижестоящие суды на то, чтобы «пресекать попытки отдельных лиц использовать судебный порядок установления фактов в целях последующего неправомерного получения льгот и иных имущественных выгод».

Следует отметить, что доказательства в данной категории дел зачастую образуются за счет непосредственного наблюдения суда за определенными событиями или явлениями. Так, в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, суд новым решением отменяет свое ранее принятое решение (ст. 280 ГПК РФ). Очевидно, что отмена решения здесь основана на личном созерцании судом объявившегося гражданина.

Факт нахождения лица в живых, иными словами, факт физического бытия заявителя тоже вызывает теоретический и практический интерес. В силу различных субъективных и объективных обстоятельств (ошибочная запись о смерти лица, потеря документов и пр.) выясняется, что некое физическое лицо не имеет доказательств факта своего существования. Подобная нелепая, но не единичная ситуация порождает немало проблем юридиче-

ского характера, особенно когда лицо встречается с реальными затруднениями в осуществлении своих прав.

Основанием для признания граждан безвестно отсутствующими или объявления их умершими считается факт длительного отсутствия граждан в местах их жительства, а также законодательно фиксированные сроки такого отсутствия. Некоторые авторы высказывают свое несогласие с установлением временных рамок для объявления гражданина умершим. В истории права разных стран сроки такого признания в разное время были различными. Однако независимо от установленного срока суть самого явления состоит в том, чтобы признать доказательством безвестного отсутствия или смерти человека истечение данного в законе срока, хотя сами ситуации и обстоятельства, при которых происходят сами исчезновения людей, могут быть совершенно разнообразными. [4]

Жизни человека самой природой определен срок, поэтому соотнося продолжительнейший в данное время срок жизни человека и возраст отсутствующего лица, можно предположить его умершим, как скоро его возраст продолжится далее крайнего предела человеческой жизни в данное время. Такое положение допускает германское право. Оно, например, определяет, что безвестно отсутствующий, который достиг 75-летнего возраста, автоматически считается умершим; для большей уверенности предположения его предварительно вызывают через газеты и только тогда, когда он не явится по вызову в установленный срок, гражданин объявляется умершим и, как продолжение, наступают гражданские последствия, вследствие смерти лица.

Другая позиция авторов связана с тем, что гражданин может длительное время отсутствовать по месту своего жительства и просто утратить связь с родственниками по причине нежелания сохранять эти самые родственные связи. Подобная регламентация данного института затягивает разрешение правоотношений, которые и без того находятся в неопределенном положении, а также ограничивает интересы и права иных лиц. Эта позиция особо нетерпима в наше бурное время, когда число граждан, пропавших без вести, весьма возросло, а число заинтересованных лиц в урегулировании последствий отсутствия таких граждан еще больше. В наше время, когда человек обладает такими средствами связи, как сотовый телефон, компьютер, когда развиваются транспортные связи не только между регионами, но и между странами, применение фиксированных сроков становится абсурдным.

В ч. 2 ст. 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации среди перечня дел об установлении юридически значимых фактов закон говорит о таких как: факт регистрации смерти и факт смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах. Следует различать данные категории дел по предмету доказывания. Поскольку при установлении факта регистрации смерти суд устанавливает такой факт, если такая регистрации на основании установленных документов была ранее прове-

дена, но актовая запись не сохранилась, утрачена или по иным причинам органы загс отказывают в выдаче повторного свидетельства о смерти.

Установление факта смерти лица при определенных обстоятельствах и в определенное время следует отличать от объявления гражданина умершим. Во-первых, при установлении факта смерти не требуется соблюдение временного отрезка отсутствия сведений о месте пребывания лица. Во-вторых, объявление гражданина умершим — это вероятностное суждение («презумпция смерти») о смерти лица, но не исключающее того, что это лицо может оказаться в живых. В-третьих, в суд нужно представить доказательства (показания свидетелей, письменные или вещественные доказательства, заключения экспертов, аудио- или видеозаписи), которые бы позволили суду не сомневаться в смерти этого лица. А также зачастую при рассмотрении таких дел за рамками судебного процесса остается выяснение наличия различного рода обязательств лица, о факте смерти которого слушается дело, о возможности привлечения его к ответственности или наказанию.

Как отмечалось ранее, в современном мире, достаточно часто правоохранительные органы встречаются с исчезновением людей, что по своему определению может дестабилизировать гражданский оборот, в связи с этим ГК РФ закреплены институт объявления гражданина умершим и институт о признании гражданина безвестно отсутствующим. Каждый из них имеет свои особенности и соответственный уровень важности.

Так, в судебном порядке гражданина можно признать безвестно отсутствующим, если в месте его жительства отсутствуют какие-либо сведения о месте его пребывания на протяжении одного года, что закреплено в ст. 42 ГК РФ. Правовыми последствиями, наступающими после аргументированного решения суда на заявление заинтересованного лица, выступает передача имущества, по отношению к которому требуется постоянное управление, в рамках доверительного управления. Также из данного имущества выдается содержание тем лицам, которых гражданин, признанный безвестно отсутствующим, обязан содержать. Помимо этого, из имущества безвестно отсутствующего погашаются все задолженности по его обязательствам. В случае, когда после решения суда становится известно место нахождения гражданина, ранее признанного безвестно отсутствующим, или же он сам объявился, тогда по заявлению этого гражданина, либо иных заинтересованных лиц, суд выносит новое решение, которое отменяет прежнее.

Институт объявления гражданина умершим имеет в некоторых моментах сходный процесс с вышеописанным институтом, но также не сложно увидеть и существенные различия. Первое различие — сроки. В ст. 45 ГК РФ закреплено три случая, в которых гражданин по решению суда может быть признан умершим:

— на протяжении пяти лет в месте жительства лица отсутствуют какие-либо сведения о месте его пребывания;

— отсутствие сведений о лице на протяжении шести месяцев, если это лицо пропало при обстоятельствах, которые дают возможность предполагать гибель данного лица;

— отсутствие сведений на протяжении двух лет после окончания военных действий, если лицо пропало при обстоятельствах, связанных с этими действиями.

Вторым важным различием данных институтов, в соответствии со ст. 279 ГК РФ, выступает регистрация гражданского статуса лица. Так, по решению суда, данные о смерти гражданина вносятся в книгу государственной регистрации актов гражданского состояния, а наряду с этим сведения о безвестно отсутствующем гражданине в аналогичную книгу не вносятся. Законодатель уделяет внимание обстоятельствам, возникающим после явки гражданина, которого признали умершим. Так, у этого гражданина есть право требования возврата по отношению к имуществу, которое было безвозмездно передано другим лицам, а также к лицам, получившим имущество по возмездным сделкам, если будет доказано, что данные лица располагали сведениями о нахождении гражданина, объявленного умершим, в живых.

Перспективы развития гражданского законодательства относительно институтов объявления гражданина умершим и признания гражданина безвестно отсутствующим, на взгляд Т.В. Грунтовой, заключаются в нескольких направлениях. [5]

Во-первых, отмечено увеличение срока отсутствия сведений в месте жительства о месте пребывания гражданина, которого по решению суда возможно объявить умершим, с трех до пяти лет. Безусловно, законодатель руководствовался исключительно целями, позволяющими обеспечить права и законные интересы граждан, опираясь на максимально возможное и оптимальное время, в течение которого гражданин либо появился бы сам, либо о нем появились бы сведения, указывающие на его место нахождения. Сейчас, в XXI век, в век всесторонне развитых технологий, гораздо проще определить место нахождения человека или хотя бы какие-то сведения о нем, чем, допустим, десять лет назад, да и любой здравомыслящий человек сможет найти способ сообщить своим родственникам хоть какие-либо данные о себе и о своем месте пребывания. Другое дело, когда человек скрывая о себе любого рода и вида данные пытается избежать уголовного преследования, а заинтересованные лица обращаются в суд с заявлением об объявлении его безвестно отсутствующим. В таком случае суд, рассмотрев заявление, требования не удовлетворит и откажет в объявлении гражданина умершим. Тогда зачем вводить в закон целых пять лет, когда и трех вполне будет достаточно, да и заинтересованным лицам будет проще реализовывать свои законные права и интересы.

Во-вторых, есть случаи, когда на протяжении пяти лет, сведений о гражданине никаких нет, и суд признает его умершим и вносит соответствующие данные в книгу государственной регистрации смерти, как вдруг он объявляется, и естественно, совершенно законно хочет и может

осуществлять свою правоспособность по отношению к всему тому имуществу и правам, которые находились в его владении и распоряжении до момента исчезновения. Такая субъектная правоспособность сохраняется у него в полном объеме и не требует восстановления. Однако возникает интересный парадокс: гражданин в рамках гражданского оборота зарегистрирован как умерший, и по закону все имеющиеся правоотношения, связанные с данным субъектом, считаются прекращенными, но наряду с этим он же одновременно с этим осуществляет свои права и несет обязанности. Так как такое возможно, и почему законодатель лишь определяет в ст. 280 ГПК РФ, что при явке гражданина, который ранее по решению суда был объявлен безвестно отсутствующим или признан умершим, суд отменяет предыдущее решение и на основании нового отменяет управление имуществом данного субъекта гражданских правоотношений.

В-третьих, судебная практика имеет ряд случаев, когда близкие родственники и родственники, из различных побуждений, не подавали заявление в суд об объявлении гражданина безвестно отсутствующим, совершенно законно ждали пять лет, и по их истечению обращались в суд уже с заявлением о признании гражданина умершим. А на протяжении всего времени, можно сказать, бесконтрольно пользовались, владели и распоряжались его имуществом, чем самым могли нарушить имущественные права и пропавшего гражданина, и его непосредственных наследников, и лиц, которые обладают правом требования по отношению к пропавшему гражданину. Исходя из таких случаев, законодатель в ст. 277 ГПК РФ определяет, что заявителем могут быть не только родственники,

но и любые заинтересованные лица, даже юридические, которые разьяснят, чем мотивированно данное заявление и какие есть обстоятельства, позволяющие подтвердить безвестное отсутствие гражданина. Однако законодатель не определяет четких границ в понятии «заинтересованные лица», чем и объясняется различное толкование судом данного понятия, поэтому возникает необходимость более шире раскрыть критерии, которым должны соответствовать эти самые заинтересованные лица, в целях искоренения недопонимания в законодательстве. Понятное дело, что это те кредиторы, которые по отношению к пропавшему гражданину имеют право требования исполнения каких-либо обязательств, которые они рассчитывают удовлетворить путем назначения его доверительным управляющим имуществом гражданина. Но ведь помимо кредиторов, могут же быть заинтересованным лицом другие субъекты гражданско-правовых отношений, например сосед или работодатель, ввиду этого законодателю было бы актуально внести корректировки по отношению определения заинтересованного лица.

В связи с вышесказанным необходимо глубокое исследование института признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим для разрешения вопроса о возможности понимания его как межотраслевого и комплексного общеправового. Подобный подход может быть положен в основу дальнейшей унификации гражданского и гражданского процессуального законодательства, что разрешит снять ряд проблем существующей правоприменительной практики в области признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим.

Литература:

1. Шукин, А. И. Признание лица безвестно отсутствующим: вопрос международной подсудности в российском законодательстве и судебной практике // Закон. — 2011. — № 2. — с. 177–182
2. Башенко, Т. В. Актуальные проблемы производства по признанию гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим / Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2016. — с. 22–28.
3. Исмаилов, Ч. М. Отдельные проблемы розыска безвестно исчезнувшего лица в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. — 2014. — № 12. — с. 40–44.
4. Небрятенко, О. О. Механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: монография. — Ростов-на-Дону, 2015. — с. 26–27
5. Грунтовская, Т. В. Институт объявления гражданина умершим и признания гражданина безвестно отсутствующим: перспективы гражданско-правового регулирования / Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ, 2016. — с. 51–55

Место нотариуса в медиативном процессе

Ситько Николай Геннадиевич, студент;
Масленникова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье исследуется возможность и целесообразность привлечения нотариуса в медиативный процесс. На основании анализа современного состояния института медиации и международного опыта, делается вывод, что нотариус должен выполнять функции медиатора, вследствие чего установлена необходимость изменения действующего законодательства о нотариате.

Ключевые слова: нотариус, медиатор, медиативный процесс, нотариат, правовой спор

The article issues the possibility and expediency of attracting a notary to the mediative process. Based on the analysis of the current state of the institution of mediation and international experience, the conclusion is drawn that the notary must perform the functions of a mediator, and as a result, it is determined that the current legislation on the notary should be amended.

Keywords: notary, mediator, mediative process, notary, legal dispute

Постепенное повышение судебных пошлин, а также длительность судебных процедур понуждает стороны искать альтернативные способы разрешения возникших у них споров. И в этой связи, медиация, отличающаяся гибкостью процедур, небольшим временем рассмотрения спора и согласием обеих сторон с результатами рассмотрения, является наилучшим выбором для большинства споров. Однако эффективность медиации не в последнюю очередь зависит от того, кем является медиатор, ведь, как справедливо указывает Л. В. Масленникова [1], если соглашение, выработанное по результатам медиации, не будет исполняться, то для его исполнения необходимо будет воспользоваться правилами искового производства.

Вполне очевидно, что медиаторами в юридических спорах должны быть квалифицированные юристы, так как только юрист может найти оптимальное решение, сделав его таким, которое не противоречит действующему законодательству. Однако достаточно ли только наличия юридического образования для того, чтобы быть медиатором?

Как отмечает Н. Г. Ситько [2], медиатор в своей деятельности руководствуется принципами добровольности, беспристрастности и независимости, сотрудничества и равноправия сторон, конфиденциальности. Очевидно, что для этого нужно обладать определенными квалификационными навыками, опытом и пользоваться доверием у клиентов.

Из всех юридических профессий под вышеуказанные критерии лучше всего попадает адвокат и нотариус. Однако, адвокат — лицо, заинтересованное в решении спора в пользу своего клиента, поэтому функции медиатора (незаинтересованного лица) ему не свойственны. Исходя из вышеизложенного, наиболее подходит для выполнения функций медиатора именно нотариус, являясь незаинтересованным лицом, и имеющий достаточный уровень профессиональной квалификации и опыта для решения спора. Важным также является психологический момент — нотариальное удостоверение сделки свя-

зывается сторонами с ее надежностью и незыблемостью, поэтому авторитет нотариуса в процессе медиации также играет важную роль.

Согласно ст. 16 Федерального Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3], быть медиатором на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

По нашему мнению, в ныне действующем правовом регулировании медиации существует сразу несколько серьезных изъянов. Во-первых, законодательство не требует получения высшего юридического образования для осуществления медиаторской деятельности на профессиональной основе. Таким образом, даже на профессиональной основе к медиаторской деятельности могут привлекаться лица без высшего юридического образования. Это существенно снижает общий профессиональный уровень медиатора, так как вряд ли дополнительное образование по вопросам применения процедуры медиации может заменить наличие полноценного юридического образования.

Во-вторых, отечественное законодательство разрешает осуществление медиации на непрофессиональной основе. По нашему мнению, подобная «непрофессиональная» медиация является недопустимой, так как нивелирует значение медиатора, как лица, имеющего достаточный уровень квалификации для решения спора о праве. Безусловно, к медиаторам часто обращаются лица, имеющие как правовой спор, так и неправовой конфликт (например, спор между супругами может касаться как неимущественного поведения супругов, что не относится чаще всего к области регулирования правом, так и раздела имущества, что однозначно является правовым спором). Однако в любом случае, наличие правовой компоненты в большинстве споров, которые попадают к медиатору, тре-

буют должного уровня профессионализма от лица, занимающегося медиацией, что, по нашему мнению, исключает непрофессиональную медиацию и требует наличия высшего юридического образования у профессиональных медиаторов.

В.М. Жуйков полагает, что общность в целях, принципах и полномочиях правосудия и нотариата позволяет охарактеризовать нотариат как институт превентивного правосудия: «Какое содержание мы вкладываем в понимание нотариата как института превентивного, предупредительного правосудия? Прежде всего это те случаи, когда нотариус непосредственно обеспечивает защиту прав гражданина, чем предупреждает необходимость обращаться к судье за защитой тех прав. В других случаях, когда все же не удается предотвратить обращение к правосудию, нотариальные действия максимально облегчают и упрощают деятельность правосудия» [4]. Можно сделать вывод о том, что нотариус сегодня действительно осуществляет превентивные функции, которые позволяют предотвратить возникновение судебного разбирательства или упростить его осуществление для сторон. Но в то же время, применять к нотариату термин «правосудие» в его законодательном смысле, мы не считаем возможным.

Согласно ст. 6 Основ законодательства о нотариате [5], нотариус не вправе заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной или иной творческой деятельности. Таким образом, на сегодняшний день действующий нотариус не вправе оказывать медиативные услуги, так как данная деятельность не является преподавательской, научной или иной творческой.

Следовательно, нотариусы могут быть медиаторами лишь на непрофессиональной основе и не вправе получать вознаграждение за осуществление услуг медиации.

Не стоит и говорить, что такая норма значительно снижает возможности нотариуса (который, как мы ранее отметили, является идеальным кандидатом на роль медиатора) в медиативном процессе.

Выходом из данной ситуации является внесение изменений в законодательство о нотариате с целью разрешить нотариусам выполнять функции медиаторов на профессиональной основе, так как именно нотариусы являются наиболее подготовленными юристами к осуществлению таких функций, поэтому законодательство должно не препятствовать нотариусам, а, наоборот, поощрять их выступать медиаторами.

Привлечение нотариусов в качестве медиаторов является распространенной в зарубежных государствах практикой. Как отмечает Т.В. Геворкян [6], в решениях XXIII Конгресса Международного союза Латинского нотариата (Афины, 2001 г.) справедливо отмечалось, что «нотариус, который в силу своих профессиональных обязанностей должен приводить зачастую различные интересы сторон к одному знаменателю, более представителей других юридических профессий предназначен быть медиатором»

Очевидной является институциональная слабость института медиации на современном этапе развития данного направления альтернативного решения спора. Вследствие этого, выглядит нелогичным тратить большое количество средств и времени в создание новой структуры медиации, обучения новых медиаторов «с нуля», создание и поддержание позитивного образа медиаторов, когда существует готовая система нотариата, которая вполне способна взять на себя, если не все, то многие функции медиаторов.

Исходя из этого, считаем широкое привлечение нотариусов к медиации не только желательным, но и необходимым на современном этапе развития альтернативных способов решения споров.

Литература:

1. Масленникова, Л. В. Утверждение мирового соглашения арбитражным судом с учетом заключенного сторонами медиативного соглашения // Научный журнал КубГАУ, № 97 (03), 2014
2. Ситько, Н. Г. Институт медиации в современной России // ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА Материалы IV Международной научной конференции. 2016
3. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
4. Жуйков, В. М. Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. 1998. № 6.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
6. Геворкян Татьяна Валерьевна Медиация как один из альтернативных способов разрешения споров и ее влияние на правовую культуру общества // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4 с. 155–158.

Государственная служба в Российской Федерации: история и современность

Тонких Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор;

Лытнева Надежда Александровна, студент

Воронежский государственный университет

История российской государственной службы насчитывает пять столетий. Зародившись на рубеже XV—XVI веков с формированием централизованного государства, государственная служба России выполняла важную работу по укреплению государства, совершенствованию общественных отношений, повышению эффективности системы государственного управления, в конечном итоге, решала стратегические задачи обеспечения стабильности общества.

История госслужбы России привлекает внимание исследователей [1, 2, 10, 11]. В последние годы интенсивность научных разработок по данной проблематике возрастает в связи с усилением роли государственных служащих в реализации политического курса Российского государства и повышением ответственности госслужащих в решении стоящих перед государственной властью задач.

Формирование нового Российского государства потребовало и становления качественно новой системы госслужбы, отвечавшей задачам дня. В августе 1995 года вступил в силу Федеральный закон «Об основах государственной службы в Российской Федерации» (№ 119-ФЗ от 31 июля 1995 г.), впервые поставивший на законодательном уровне проблему функций и статуса госслужащего России. Под государственной службой, согласно Закону, понималась профессиональная деятельность госслужащих по обеспечению исполнения полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ.

Наряду с положительными сторонами Закон содержал ряд недостатков: не обеспечивалась взаимосвязь гражданской и государственной службы РФ, а также государственной и муниципальной служб; не учитывались взаимосвязи между государственной властью, государственным аппаратом, государственным управлением и государственной службой, то есть между высшими звеньями государства [2]. Закон относил к государственной службе только службу в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, исключив из госслужбы военную и специальную службу, без которых невозможно функционирование государства.

Вторая половина 1990-х годов так и не привела к позитивным тенденциям в развитии государства, так как госслужба, функционировавшая в системе государственной власти, всё более отдалялась от общества.

В августе 2001 года была принята Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации [3]. В ней, в частности, отмечалось отсутствие целостной системы госслужбы; наличие противоречий в

законодательстве РФ о госслужбе; недостаточная эффективность органов государственной власти и их аппаратов; снижение престижа госслужбы и авторитета госслужащих; слабое применение современных (информационных) технологий государственного управления; непоследовательность кадровой политики в сфере госслужбы; низкая эффективность профилактики коррупции и борьбы с ней; отсутствие надлежащей регламентации деятельности органов государственной власти, их аппаратов и госслужащих, что способствовало бюрократизации госаппарата; информационная закрытость органов государственной власти; слабая взаимосвязь госслужбы с муниципальной службой.

Основные принципы построения и функционирования государственной службы закреплены в Конституции РФ или вытекают из нее. Эти принципы конкретизированы в Законе «О системе государственной службы Российской Федерации» [4]. Принципами построения и функционирования государственной службы являются: 1. Федерализм, обеспечивающий единство системы госслужбы и соблюдение конституционного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ; 2. Законность предполагает строгое соблюдение законов и подзаконных актов госслужащими; 3. Единство правовых и организационных основ госслужбы предполагает законодательное закрепление единого подхода к организации госслужбы; 4. Равный доступ граждан к госслужбе; 5. Профессионализм и компетентность госслужащих; 6. Ответственность госслужащих за принимаемые решения; 7. Внепартийность госслужбы означает, что в государственных органах не образуются структуры политических партий; 8. Отделение религиозных объединений от государства; 9. Социальная защищенность госслужащих; 10. Стабильность кадров госслужбы.

Указанные принципы и нормы были призваны стабилизировать систему госслужбы РФ, повысить профессионализм, компетентность и ответственность госслужащих всех уровней. В РФ в 2015 году насчитывалось 2176,4 государственных служащих [5], большая часть которых имела высшее профессиональное образование и высокий уровень профессиональной компетентности.

Реформа госслужбы осуществлялась по ряду направлений, одним из которых было выявление избыточных функций и построение новой системы и структуры исполнительной власти. Этим требованиям отвечает трехуровневая система исполнительной власти, действующая в настоящее время. Она состоит из федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств.

В последующие годы реформирование системы госслужбы проходило по ряду направлений. Одним из них стало предоставление субъектам РФ права принимать законы и иные нормативные правовые акты о государственной гражданской службе. Серьезное внимание уделялось материально-техническому обеспечению госслужащих, внедрению новых информационных и коммуникационных технологий. Стратегическим направлением совершенствования госслужбы стала кадровая политика государства, предполагающая преимущество руководящих кадров. В последнее время в ряде регионов на должности губернаторов выдвинуты молодые хозяйственники-менеджеры в возрасте от 40 до 50 лет, имеющие трех и более детей, что служит показателем крепких семейных устоев кандидатов на должность.

Исследователи проблем госслужбы не могут оставить в стороне такую проблему, как формирование гражданского общества. В Конституции РФ отмечается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [6]. Важнейшей социальной функцией гражданского общества является защита граждан. В данном случае гражданское общество дополняет функцию государства, если государство осуществляет ее в недостаточном объеме.

Гражданское общество представляет собой общество с достаточно высоким уровнем социальной активности и зрелости граждан, с качественными критериями самодеятельности широких масс, которое способно осуществлять на практике совокупность политических, правовых и социальных функций, необходимых для реализации основных прав и свобод граждан во всех сферах жизнедеятельности. В определенных ситуациях гражданское общество берет на себя функцию защиты граждан от произвола чиновников, если государство не выполняет возложенных на него задач. Становление гражданского общества в любой социальной системе начинается с обеспечения свободы выбора — образования, профессии, досуга, политических пристрастий и т. п.

Становление гражданского общества есть приближение общества к политическому идеалу, предполагающего функционирование институтов соблюдения законности всеми членами независимо от их социального и служебного положения, максимальная гласность и открытость власти на всех уровнях.

Одним из направлений совершенствования госслужбы стало развитие взаимодействия граждан РФ с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ. В марте 2005 года Госдумой РФ был принят Федеральный закон РФ № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации» [7]. Общественная палата создавалась в целях развития гражданского общества как органического элемента правового государства. В сферу полномочий Общественной палаты входит привлечение граждан и об-

щественных объединений к реализации государственной политики, выдвижение и поддержка социальных гражданских инициатив, проведение общественной экспертизы законов РФ и субъектов РФ, всемерное развитие самодеятельности граждан на всех уровнях.

По мере становления системы госслужбы РФ перед ней все в большем объеме выдвигалась задача повышения эффективности деятельности госслужащих всех уровней. Под эффективностью в данном случае понимается выдвижение и решение социальных задач, направленных на максимальное содействие деятельности государственных органов, направленных на повышение уровня и качества жизни всех социальных слоев общества. Комплекс феномена эффективности применительно к госслужбе вызывает ряд сложностей количественного и качественного порядка. Госслужба не может быть измерена каким-либо одномерным показателем, что характерно для показателей в сфере экономики. Эффективность госслужбы предполагает обеспечение социального комфорта населения, ради благополучия которого, в конечном счете, и функционирует вся система государственного управления, в которой государственный служащий является менеджером, нанятым обществом для выполнения определенных задач, поставленных перед ним обществом.

К приоритетным направлениям госслужбы в социальной сфере следует отнести обеспечение повышения жизненного уровня населения, особенно с крайне низким уровнем жизни; разработка новых технологий, методов, приемов эффективного использования бюджетных ресурсов; борьба с коррупцией и финансовыми злоупотреблениями в сфере государственного управления; обеспечение здорового образа жизни и охрана здоровья; обеспечение населения товарами, услугами, продуктами питания; учет занятости населения, снижение уровня безработицы; обеспечение социальной безопасности; снижение уровня преступности; охрана окружающей среды.

Примером высокой эффективности государственной службы является Белгородская область. В области 26 органов исполнительной власти, в том числе девять департаментов, 16 управлений, одна комиссия [8]. В 2015 году в области насчитывалось 23096 работников государственных органов и органов местного самоуправления [9]. Область занимала ведущие позиции в Центральном федеральном округе по ряду социально-экономических показателей. В частности, валовой региональный продукт в 2014 году составил 619388 млн. руб. Среднемесячная номинальная заработная плата в 2015 году равнялась 25325 руб., реальная заработная плата — 24312 руб. [9].

Государственная служба в РФ продолжает совершенствоваться в связи с новыми задачами, стоящими перед Российским государством, с современными требованиями, предъявляемыми к аппарату государственного управления. Стратегическая задача государства — неуклонное повышение уровня и качества жизни населения страны.

Литература:

1. Ахмадов, К.Л. Институт государственной службы в субъекте РФ / К.Л. Ахмадов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007
2. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, законы, практика 2-е изд./ Г.В. Атаманчук. — М.: РАГС, 2008 (глава Ш).
3. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 августа 2001 г. № Пр.-1496) // СЗ РФ. — 2003. — № 22.
4. Федеральный Закон РФ от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 46 (ч. 1). — Ст. 4437.
5. Россия в цифрах 2016. — М.: Росстат, 2016. — с. 56.
6. Конституция Российской Федерации, Ст. 2. — СПб.: ООО «Виктория плюс», 2016. — с. 4.
7. Федеральный Закон РФ от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации». — М.: ИНФРА-М, 2005.
8. Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области: Власть. — URL: <https://belregion.ru/author/> (дата обращения 12.04.2017)
9. Белгородская область в цифрах 2016. — Белгород: Белгородстат, 2016. — с. 31.
10. Железнякова, Е. А. История государственной службы России (2000–2008 гг.) / Е. А. Железнякова, В. А. Тонких, Ю.Л. Ярецкий. — Воронеж: Истоки, 2011
11. Государственная и муниципальная служба в России: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы VII Всероссийской научно-практ. конференции 30–31 окт. 2014 г. / ред. Б.Г. Преображенский. — Воронеж: Научная книга, 2014, и др.

Архитектурные особенности сети Интернет и их влияние на виртуальные преступления

Худякова Анастасия Александровна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: виртуальное право, виртуальные преступления, архитектура сети Интернет

Сеть Интернет за последние годы стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Она настолько прижилась в современном обществе, что в некоторых прогрессивных странах даже признается базовой потребностью человека [1]. И не удивительно, ведь объемы пользования и передаваемой информации в этой сети грандиозны. На данный момент Интернет является максимально удобной и распространенной медийной площадкой и средством коммуникации. Общество постепенно осознает, что пользование сетью является одним из обязательных гражданских прав человека [2], которое должно подвергаться строгому правовому регулированию.

Соответственно, как и многие гражданские права, неограниченное право пользования сетью Интернет может быть использовано для совершения противоправных деяний. Будучи распространённой в большинстве уголков света, с возможностями доступа с любого современного мобильного устройства, сеть Интернет становится не только огромной «информационной библиотекой», с возможностью контакта с другими пользователями на другой стороне планеты, но и прекрасным, с точки зрения откры-

вающих возможностей, подспорьем для причинения вреда другим пользователям и получения собственной выгоды. Преступления в сфере информационных технологий составляют незначительную часть в структуре преступности. Однако ущерб, причиняемый ими, практически не поддается оценке, в связи с большой латентностью и не раскрываемостью. Постепенно развивающийся научно-технический прогресс позволяет опытным и наученным пользователям открывать новые способы совершения компьютерных преступлений или же других деяний, совершаемых посредством использования информационной сети, при этом отбрасывая законодателя на несколько шагов назад, и не дает ему успевать принимать все достаточные изменения в законы или создавать новые, которые могли бы в достаточной мере ознакомить правовое сообщество с происходящим и определить достаточное санкционирование для таких проступков. Сейчас большинство правовых систем не выделяют сеть Интернет в отдельное правовое регулирование, а только изменяют законы, подстраивая сеть под систему, которая уже давно существует и, в общем-то, хорошо работает. С одной сто-

роны, это верный подход, который позволяет законодателю не переделывать существующие кодексы, законы, а только добавить некоторые особенности информационной сети, которые бы характеризовали совершенные деяния в достаточной степени. С другой стороны, это больше похоже на решение проблем по мере их поступления и начала давления на правовую систему, а не основываясь на каком-либо подходе, который помог бы систематизировать вопросы глобальной сети. Поэтому в Российской Федерации на данный момент мы можем увидеть, что законодатель выделяет преступления, совершаемые с помощью сети Интернет в уголовном законодательстве. Кроме того, страны всего мира сейчас предпринимают различные попытки в регулировании этого вопроса, не только на национальном уровне, но и на международном. В частности, в Будапеште 23.11.2001 г. была заключена «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации», в которой были предложены нормы по содействию в правовом регулировании Интернета и воздействию на киберпреступность.

Для правового регулирования также важно понимать, какие факторы влияют на Интернет-преступления, поскольку они могут разительно отличаться от преступлений, совершаемых в «реальной» жизни. Сеть Интернет обладает неповторимой архитектурой, знать и понимать которую должен каждый юрист, занимающийся Интернет-правом, так как на основе самого устройства сети строится вся система внутренних отношений и внешнего правового регулирования. Таким образом, в этой работе я считаю необходимым рассмотреть архитектуру сети Интернет, её влияние на совершаемые деяния, а также вытекающие из этого особенности, выделяющие преступления, совершаемые посредством Интернет, из общей массы противоправных деяний.

Архитектура сети Интернет

Сеть Интернет представляет собой глобальную единую систему локальных и региональных компьютерных сетей. И если не вдаваться в технические подробности, то единство и взаимосвязь этих сетей обеспечивается использованием набора сетевых протоколов «TCP/IP» — «Transmission Control Protocol» и «Internet Protocol». Эти протоколы передачи данных образуют обмен данными между устройствами и программами на логическом уровне. Для надлежащего обмена необходима возможность идентификации устройства, для чего используются сетевые и доменные адреса. Сетевой адрес, а именно, IP-адрес, определяет сеть устройств, подключенных к сети Интернет, как набор чисел. Это позволяет в дальнейшем другому устройству «запоминать» или «узнавать» сетевой адрес, а также служит своего рода индивидуализацией устройства. Сетевой адрес может быть связан с несколькими доменными именами, охватывая их в целом, что может в дальнейшем быть проблемой для определения конкретного доменного адреса, если определен только IP-адрес.

Доменной адрес, или доменное имя, служит идентификацией интернет-сайта в удобном для человека виде. Оно представляет собой уже не IP-адрес, сложный для запоминания, а любое доступное слово, набор букв или чисел, которые могут как-то ассоциироваться с содержанием сайта. Доменное имя имеет большое значение для коммерческих и публичных организаций, поскольку позволяет пользователям обращаться к их сайтам по названию организации, использовать адрес в рекламных целях, для привлечения внимания и многого другого. Поскольку доменная адрес в наше время имеет не меньшее значение, чем название компании или продукта, выпускаемого ею, многие пользователи пытаются злоупотреблять своими правами и регистрировать доменные имена, содержащие торговую марку, только для дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования. Данная проблема даже получила свое наименование — киберсквоттинг (англ. cybersquatting). Существует также понятие домейнинг (англ. domaining, от domain — домен), которое означает спекуляцию доменными именами для последующей перепродажи, только в отличие от киберсквоттинга, эти доменные имена не содержат отсылки к торговой марке. Киберсквоттинг также имеет несколько видов: тайпсквоттинг, регистрация доменного имени, схожего по написанию с адресом популярного сайта, в надежде на ошибку пользователя; защитный киберсквоттинг — когда легальный владелец сайта пытается защититься от нападков киберсквоттеров и регистрирует большое количество доменных имен «на будущее»; брендовый киберсквоттинг — основной вид, регистрация доменного имени, содержащего товарный знак, марку, фирменное наименование и так далее. В Российской Федерации проблема киберсквоттинга практически решена, так как на основании Гражданского кодекса РФ товарный знак имеет приоритет перед доменным именем, что фактически означает возможность отсудить необходимое бренду доменное имя. Например, 10 марта 2010 года было принято решение о доменном имени медиа-маркт. su [3]. Истцом в деле являлся правообладатель товарного знака «Media Markt» и «Медиа Маркт». Ответчиком являлся владелец вышеуказанного доменного имени, разместивший на сайте информацию о продаже домена, а также информацию о других сайтах, осуществляющих продажу бытовой техники, что рассматривалось как использование домена ответчиком в отношении товаров, однородных товарам, защищаемым товарным знаком истца. Решение было принято в пользу обладателя товарным знаком, а действия ответчика были признаны злоупотреблением правом.

Помимо наживы на названиях сайтов, доменные имена могут использоваться для создания путаницы в идентификации сайтов. Это может быть использовано для введения пользователей в заблуждение и переманивания клиентов с одного сайта на другой, использоваться в качестве маркетингового хода и привлечения внимания, а также много другого. Но помимо безобидных вещей, доменные имена могут быть использованы для переадресации пользо-

вателя с запрашиваемого сайта, на содержащий угрозы для компьютерного устройства, запрещенный контент и многое другое, а также это производится с использованием сайтов, схожих по названию, как в тайпсквоттинге. Небольшой пример того, как это использовалось в только набирающей популярности социальной сети «ВКонтакте». Ранее эта социальная сеть имела официальное доменное имя *vkontakte.ru*. Интернет-боты — специальная программа, выполняющая автоматические действия, имитирующая обычных пользователей, присылали другим пользователям сообщения, содержащие ссылку на видоизмененное доменное имя, например, *vkontakne.ru*, *vkoniakte.ru*, *vkontakte.ru* и так далее, которые направляли невнимательного пользователя на поддельную страницу социальной сети, где требовалось ввести свой логин и пароль, позволяющие авторизоваться на сайте. Таким образом аккаунты воровались, к ним ограничивался доступ, и далее они использовались для рассылки рекламы, вредоносных сообщений, спама или же выманивания денег с настоящего владельца страницы в сети. В дальнейшем ссылки на подобные сайты стали блокироваться прямо из социальной сети, поэтому со временем этот способ обмана пользователей перестали использовать.

Для определения всех особенностей сети Интернет, которые могут влиять на совершение противоправных деяний, принципиально важно понимать её внутреннее техническое устройство. Наиболее наглядно и понятно для обыкновенного пользователя, не имеющего техническую специализацию, это показывает принцип уровней интернет архитектуры [4]. Авторы этого подхода представляют, что каждое воздействие на нижестоящий уровень автоматически приводит к воздействию на все вышестоящие. В работе Л. Б. Солума и М. Чанга [5] представлены следующие уровни интернет-архитектуры (начиная с вышестоящего):

1. Уровень контента. Включает в себя всю возможную информацию в информационной сети, которой пользователи могут обмениваться, изучать, получать и так далее;
2. Уровень приложений. Включает в себя программное обеспечение, которое используется для подключения и взаимодействия с Интернетом;
3. Уровень передачи данных (транспортный уровень). Включает в себя протокол TCP, разбивающий данные на пакеты;
4. Уровень интернет-протокола. Включает в себя протокол IP, определяющий порядок передачи данных;
5. Уровень связи. Включает в себя взаимосвязь устройства пользователей и физического уровня посредством интерфейса;
6. Физический уровень. Физические устройства, которые позволяют ей самостоятельно работать, а пользователю взаимодействовать ней.

На основе представленной системы мы видим, что правовое регулирование может осуществляться на нескольких уровнях, в зависимости от поставленных задач. Таким образом и совершение противоправных деяний возможно с

использованием разных уровней. На первом уровне, связанном с контентом, нарушается большая часть интеллектуальных прав, распространяется запрещенная информация и материалы. Этот уровень наиболее уязвим и наиболее распространен для преступной деятельности, а также содержит в себе объект преступления. Нижестоящие уровни обычно задействуются в качестве средства или способа совершения преступления, как вспомогательная система.

Противоправные деяния в сети

Необходимо очертить круг противоправных деяний, совершаемых с использованием сети Интернет. К ним могут быть отнесены составы киберпреступлений — преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, а также противоправные деяния, не относящиеся к таковым, но совершаемые с помощью сети Интернет. Киберпреступления в России относятся к категории преступлений в сфере компьютерной информации и являются частью субинститута преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Уголовный кодекс Российской Федерации выделяет такие составы, как: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274). Эти преступления чаще всего употребляются как Интернет-преступления, хотя на мой взгляд, это не совсем корректно. Преступления в сфере компьютерной информации могут совершаться без использования информационно-телекоммуникационной сети. И в первую очередь, объектом преступления этих составов остаются общественные отношения по доступу, использованию и распространению компьютерной информации, когда сеть Интернет может только выступать средством совершения преступления. Однако нельзя не согласиться с тем, что компьютерные преступления в наибольшей степени связаны с Интернет-преступлениями и зачастую являются способами совершения других преступлений в сети.

Сеть Интернет (в том числе в составе понятия информационно-телекоммуникационной сети) также упоминается во многих статьях Уголовного Кодекса. Прежде всего она выступает как средство совершения преступления, конкретизируя, что ответственность за противоправное деяние будет даже в том случае, если оно совершено «с использованием информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет»», и в большинстве случаев Интернет как средство направлено на противоправное деяние, но не оказывает непосредственного воздействия на объект посягательства. При этом есть авторы, которые полагают, что Интернет может выступать и как способ совершения преступления [6]. Они считают, что при ис-

пользовании сети преступление обретает новые формы и характеристики, что означает наличие особого метода, способа совершения деяния. Такая точка зрения позволяет выделить деяния, качественно отличающиеся от совершенных без использования сети, наделенные большей общественной опасностью.

На сегодняшний день самым распространенным противоправным деянием в Интернете является нарушение авторских прав и неправомерный доступ к компьютерной информации. Сейчас любой может получить доступ к нелегально добытым данным, фильмам, аудиофайлам, видеофайлам, изображениям, программам. В связи с недавними изменениями в законодательстве и принятием новых законов, нелегальные данные стали удаляться из информационной сети, однако это происходит либо на время, либо переносится на так называемое «зеркало» сайта, на которое копируется вся информация, которая должна быть удалена на основном сайте. Также Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) начала активную блокировку сайтов, содержащих контент, нарушающий авторские права. Но опять же, при желании, обойти блокировку достаточно просто, используя те же «зеркала» или особые программы.

Помимо преступлений против интеллектуальной собственности особо распространено мошенничество. Совершить такое преступление достаточно просто в условиях сети Интернет, благодаря анонимности, доступности всех необходимых программ и возможностям поиска групп доверчивых людей. Существует огромное количество способов обмана пользователей: от недобросовестных Интернет-магазинов, до использования вредоносных программ. Довольно популярно использование фишинга (от англ. fishing — рыбная ловля) — получение данных банковской карты. Рассылаются электронные письма, содержащие ссылку на точную копию сайта банка, где под различными предложениями пользователя просят указать данные карты. Помимо этого, в сети очень часто встречаются платные номера. Номер, за звонок на который или отправление сообщения взимаются деньги, указывается на сайте в качестве проверки реальности пользователя. Обычно на сайте также указываются поддельные сообщения о других пользователях, которые сообщают, что отправили сообщение на номер и им пришла вся необходимая информация.

Особенности преступлений в Интернете

Противоправные деяния, совершаемые посредством сети Интернет, обладают особенностями, которые позволяют выделять их из общей массы преступлений. Архитектура сети влияет на совершаемые ею посредством преступления, придавая им новые характеристики. Рассмотрим эти особенности с точки зрения объективной стороны и внешнего выражения преступления в реальной действительности. Это позволит разобрать нам те признаки, ко-

торые присущи именно Интернет-преступлениям, их внешние атрибуты и общественно-опасные последствия.

Одним из важнейших аспектов, влияющих на преступность в Интернете, является проблема идентификации пользователей. Архитектура сети не направлена на физическую аутентификацию пользователя в реальном пространстве. Может быть определен использованный IP-адрес, устройство, с которого были произведены какие-то действия, но ничто не может дать стопроцентного ответа на то, кто в действительности совершил исследуемое действие. На данный момент не предусмотрена достоверная проверка пользователей сети, что дает множество возможностей для злоупотреблений. В определении преступника, совершившего противоправное деяние, правоохранительные органы пользуются презумпцией того, что владелец ЭВМ, с которого были совершены противоправные действия, и на самом деле их совершал. Помимо этого, существует огромное количество способов скрыть свое пребывание в сети Интернет, о которых пишутся многочисленные статьи, выкладываемые в открытый доступ. Достаточно только ввести запрос «анонимность в интернете» в поисковом сервисе, и пользователю будут предоставлены ссылки на все возможные ресурсы с такими статьями. Как пример, в поисковом сервисе Google запрос «анонимность в сети» выдает примерно 338000 результатов. Первые десять ссылок ведут на страницы, где подробно объясняется, как можно сохранить инкогнито в сети. Зачастую даже одной ссылки достаточно для подробного изучения этого вопроса, что и видно по запросу в поисковом сервисе: первая ссылка ведет на популярный информационный ресурс Хабрахабр (<https://habrahabr.ru/>), где подробно описываются методы анонимности в сети, взвешиваются все за и против различных способов, даются советы по их использованию [7]. Такая доступность информации по сохранению некоторой анонимности дает возможность любому лицу в сети ими воспользоваться. Даже если не учитывать намеренного сохранения инкогнито, в сети Интернет не всегда достаточно просто узнать реальные персональные данные собеседника. Всё это создает трудности для правоохранительных органов в поисках преступников, а также привлекает новый поток нарушителей, которые полагают, что, используя анонимность в Интернете могут избежать ответственности за свои преступления. В итоге — большой рост противоправных действий, низкий процент раскрываемости, высокая латентность. Даже тот факт, что сейчас сайты сети Интернет и различные электронные устройства обладают возможностями собирать личные данные пользователей, пока нет возможности добиться абсолютного результата, который бы выдавал точную информацию о субъекте правоотношений. Кроме того, многие полагают, что использование личных данных, собираемых приложениями и устройствами, даже в целях противостояния преступлениям, нарушает личные права и свободы граждан. В итоге, чем больше возможностей для сохранения инкогнито предоставляется гражданам, тем сложнее становится право-

охранительным органам добиваться получения их личных данных. Например, в 2016 году нашумело дело ФБР против компании Apple [8]. ФБР получили электронное устройство террориста, iPhone производства Apple, которое оказалось заблокировано паролем, а данные зашифрованы. Следователи были убеждены, что на телефоне террориста может находиться важная информация, которая может позволить предотвратить следующие террористические атаки, поэтому они обратились к компании для расшифровки данных. Однако компания Apple отказалась это сделать, чтобы в дальнейшем созданные лазейки в обходе системы для ФБР не могли быть использованы против их пользователей. ФБР обратилось в суд и выиграло дело, но в дальнейшем отказалось от своих требований, поскольку сотрудники сумели самостоятельно взломать устройство. Но следует учитывать, что не все правоохранительные органы обладают такими возможностями, как ФБР, поэтому доступ к информации пользователей всё также может быть ограничен. И опять же, многие представители интернет-индустрии и в сфере цифровой безопасности высказываются против таких возможностей правоохранительных органов. В итоге непонятно, к чему это может привести: с одной стороны — безопасность личных данных пользователей, с другой — возможность использования этой информации в расследовании и предотвращении преступлений.

Второй особенностью Интернет-преступлений является их трансграничность. Сеть Интернет — международная система, предполагающая интернациональный характер взаимодействия субъектов, из-за чего становится затруднительно определить применяемое в каждом конкретном случае право. Возникает проблема определения юрисдикции возникших прав и обязательств, которая затрагивает как объект, так и субъект преступления. Так, взаимосвязанные сервисы могут находиться в одних уголках света, их пользователи, подвергающиеся несанкционированным действиям, в других, а сами нарушители — в третьих. При этом в законодательствах разных стран могут существовать различные подходы к определению виновного и пострадавшего в преступлении. Таким образом, к проблеме определения юрисдикции добавляется проблема информационных посредников — лиц, осуществляющих передачу материала в информационно — телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», лиц, предоставляющих возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, а также лиц, предоставляющих возможность доступа к материалу в этой сети (ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). В решении этих проблем помогает определение конкретного субъектного состава преступления и их роли в его совершении. Но несмотря на то, что зачастую у правоохранительных органов есть ресурсы для отслеживания всех субъектов, и в принципе, можно устанавливать потенциально любое лицо, делать это в отношении каждого человека в цепочке нельзя. Следова-

тель должен фильтровать информацию и не расплываться. Таким образом могут выпасть из дела некоторые лица, которые может и не сильно завязаны на преступлении и так ускользнули из поля зрения органов, но всё равно были связаны в цепочке событий.

Также преступления в сети Интернет обладают таким признаком, как массовость. Большинство пользователей полагает, что все их действия в информационной сети не несут никаких последствий, поэтому останутся безнаказанными. Кроме того, любой заинтересовавшийся может найти необходимую информацию по совершению противоправного деяния. Интересно также отметить, что многие совершают преступление с хулиганскими целями, целями опробовать полученные знания, в качестве демонстрации собственных интеллектуальных способностей. Лица могут не иметь желания нанести какой-либо ущерб своими действиями, но в итоге всё равно совершают противоправное деяние. Массовость также приводит к латентности преступлений, когда более крупный ущерб затмевает меньший. Также многие пользователи уверены не только в безнаказанности своих действий, но и действий, совершаемых против них. Они не обращаются в правоохранительные органы, поскольку либо считают, что их права не нарушены, либо полагают, что никто им помочь в этом вопросе не сможет. Таким образом порождается безнаказанность деяний, приводящая к появлению всё большего количества новых преступников.

Заключение

На основе данной работы можно сделать вывод, что Интернет является благоприятной средой для совершения правонарушений. Сеть Интернет олицетворяет собой технический прогресс, который постоянно модифицируется и позволяет создавать нечто новое, что также приводит к появлению новых видов преступлений и возможностей упрощения совершения старых. Доступность сети, её трансграничность и возможность сохранять инкогнито приводит к тому, что многие преступники выбирают сеть как способ или средство совершения своего преступления, а некоторые используют сеть как площадку для тренировки своих навыков и демонстрации способностей. Обычные пользователи Интернета обычно не знакомы с компьютерными технологиями и не всегда понимают, как их могут обмануть, а также какие их права могут быть нарушены. А существующие меры борьбы с Интернет-преступностью не отвечают современным требованиям и просто не могут успевать за технологиями и тенденциями. Законодателям и правоприменителям не хватает знаний в технической области сети, поэтому в области права зачастую возникают тупиковые вопросы. Для создания полноценной системы регулирования сети Интернет необходимо детально изучать её архитектуру, продумывать возможные права и обязанности на её различных уровнях, а также стараться оставаться на одном уровне с современными компьютерными технологиями.

Литература:

1. Интернет как базовая потребность: 10 Мбит в каждый британский дом // Overclockers. URL: <http://www.overclockers.ua/news/hardware/2015-11-09/116942/> (дата обращения: 11.04.2017);
2. В Германии интернет признан базовой потребностью человека // ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/europe/20130128/205142063.html> (дата обращения: 11.04.2017) \$
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09 марта 2010 года по делу № А40-119324/2009 // Право. ru. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4275864/> (дата обращения: 11.04.2017);
4. В. В. Архипов. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2016. — 249 с.;
5. Solum, L., Chung M. The Layers Principle: Internet Architecture and the Law // Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=416263 (дата обращения: 11.04.2017);
6. Дремлюга, Р.И. Интернет как способ и средство совершения преступления // Информационное право. — 2008. — № 4;
7. Методы анонимности в сети. Часть I. Просто о сложном // Хабрахабр. URL: <https://habrahabr.ru/post/190396/> (дата обращения: 11.04.2017);
8. ФБР против Apple: спор о личных данных в семи цитатах // Русская служба Би-би-си. URL: http://www.bbc.com/russian/science/2016/02/160223_fbi_v_apple_quotes (дата обращения: 11.04.2017).

К вопросу об основании уголовной ответственности пособника преступления

Эбзеева Зульфия Азреталиевна, кандидат юридических наук, доцент;

Каитова Алима Хаджи-Муратовна, студент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

Законодатель в ст. 33 Уголовного Кодекса закрепляет соучастниками преступления, наряду с исполнителем, организатора, подстрекателя и пособника. В соответствии с данной статьей, пособником является лицо, «содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы» [4]. В исследовании проводится уголовно-правовой анализ ответственности пособника преступления, а также выявляются существующие пробелы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, пособник, соучастие, следы преступления, укрывательство, попустительство

Перечень деяний пособника не является полным. К тому же на практике часто возникают вопросы относительно характеристики пособничества, что порождает сложности при назначении наказания судом.

Рассмотрим более подробно основные вопросы, вызывающие дискуссии при квалификации пособничества.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, уголовная ответственность за заранее обещанное укрывательство преступника и следов преступления. Многие ученые дискутируют по данному поводу, полагая, что состава преступления данное деяние не образует, так как содержит лишь абстрактное «обещание скрыть преступление», когда де-факто преступные действия отсутствуют. Ученый А. А. Арутюнян полагает, что действие пособника не образует причинно-следственную связь между преступным деянием и наступившими последствиями, так

как преступный результат, может быть, достигнут как до данного обещания, так и после [1, с. 13].

Данное мнение ученого представляется спорным, и мы полагаем, что причинно-следственная связь между деянием пособника и преступным результатом все же присутствует. Когда пособник дает обещание скрыть следы преступления, он укрепляет решимость иных соучастников на совершение преступных действий, то есть в данном случае присутствует интеллектуальное пособничество, когда передача информации образует взаимодействие причины и следствия.

На самом деле, данное действие, а точнее его формулировка, имеет много «подводных камней» и неточностей. Обратим внимание на определение — «...заранее обещавшее скрыть...», то есть имеется в виду даже не сам факт совершения данного действия, но данное обещание.

Отказ пособника от заранее данного им обещания скрыть преступника, следы преступления, не освобождает его от уголовной ответственности, а может лишь учитываться при назначении наказания, хотя условия добровольного отказа пособника установлены в ч. 4 ст. 31 УК РФ. Положение о добровольном отказе пособника предлагается сформулировать с учетом особенностей способов оказания содействия совершению преступления и внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 31 УК РФ [3, с. 20].

Если действия пособника были осуществлены после совершения преступных действий, то они квалифицируются уже по ст. 316 УК, как укрывательство преступлений. Как мы отмечали ранее, на практике возникает сложность в квалификации пособничества, а такое абстрактное определение законодателя, усложняет этот процесс еще больше, в связи с чем, мы предлагаем разграничить деяния пособника до преступления и после, и ввести уголовную ответственность за пособничество, способствовавшее совершению преступления и пособничество после факта совершения преступления. Таким образом, деятельность пособника выстраивается в более точную конструкцию и не представляет затруднений квалификация деяний.

Законодатель регламентирует в правовой норме о способствовании совершению преступления, путем устранения препятствий и содействие путем предоставления информации. Рассматриваемые деяния являются интеллектуальным пособничеством, несмотря на их материальное воплощение. Одним из дискуссионных вопросов является объем и содержание информации, которую предоставляет пособник. То есть, по смыслу статьи, содействие может быть оказано путем предоставления вообще любой информации, что недопустимо, так как любая информация не может быть полезной для исполнителя. В связи с этим, мы предлагаем внести в норму уточнение, закрепив, что уголовно наказуемым является предоставление информации, относящейся к преступлению.

Также, отсутствует конкретизация того, что именно можно расценивать как препятствия? И образуется вопрос — можно ли квалифицировать невоспрепятствование, отказ от преследования преступных лиц как пособничество?

Авторы А. А. Пионтковский и П. И. Гришаев справедливо полагают, что попустительство (невоспрепятствование) всегда сопровождается тем, что другое лицо пользуется им для более легкого совершения преступления, а потому оно связано с совершением преступления другими лицами, а также заранее обещанное попустительство создает для исполнителя возможность совершить преступление, в этом случае попустительство состоит в причинной связи с преступным деянием, а значит должно влечь за собой уголовную ответственность как за соучастие в совершении преступления [2, с. 30].

Мы согласимся с мнением данных авторов. Невоспрепятствование и отказ от преследования порождают с

одной стороны возможность беспрепятственной подготовки, совершения преступления, а с другой — возможность для уклонения от уголовного наказания. Нормы, регулирующие ответственность за сокрытие преступления и отказ от преследования «разбросаны» по различным главам Уголовного Кодекса, в зависимости от объекта преступления. Тем не менее, независимо от объекта, неизменным остается алгоритм действий, совершаемых предполагаемым пособником. Таким образом, полагаем, что необходимо криминализировать невоспрепятствование и отказ от преследования и квалифицировать данные деяния как пособничество.

Законодательно регламентировано правило квалификации пособничества преступления со специальным субъектом — ч. 4 ст. 34 УК РФ закрепляет, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника [4].

Данная норма не имеет универсального характера, так как в некоторых преступлениях данной категории вообще невозможно соучастие. К примеру, преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом: вне зависимости от характера выполняемых действий, все члены таких объединений, как правило, являются соисполнителями. Данное положение распространяется и на случаи совершения преступления со специальным субъектом, если хотя бы один из членов преступного объединения является таковым.

Невозможность соучастия имеет место быть, по нашему мнению, и в преступлениях с неосторожной формой вины. На самом деле, давно идут дискуссии относительно наличия или отсутствия соучастия в неосторожных преступлениях. Мы поддерживаем точку зрения большинства ученых, согласно которой невозможно соучастие в неосторожных преступлениях, так как законодатель изначально закрепил форму вины соучастников в ст. 32 УК РФ, где говорится об «умышленном совместном участии». Так, ст. 109 УК РФ, регламентирующая причинение смерти по неосторожности, вменяется, когда отсутствует умысел на причинение смерти. При иных же обстоятельствах, деяния субъекта квалифицируются по ст. 105 УК РФ. Представляется, что каждый из участников преступления, совершенного по неосторожности, должен нести индивидуальную ответственность. Позиция о возможности соучастия в неосторожных преступлениях не только идет в противоречие с законодательной конструкцией данного института, но и искажает саму его природу.

Следующим противоречивым моментом является то, что норма ч. 4 ст. 34 УК РФ не может применяться в случае, когда присутствует пособничество со специальным субъектом, не обладающим признаками такового, если его деяние полностью охватывается составом другого преступления (к примеру, ст. 275 и 276 УК РФ).

Таким образом, можно утверждать, что пособничество лиц, не обладающих признаками специального субъекта преступления, а в некоторых — объективная сторона, может быть частично выполнена лицом, обладающим только признаками общего субъекта преступления [5, с. 45].

Подводя итоги, отметим предложенные нами совершенствования Уголовного законодательства:

1) необходима четкая формулировка добровольного отказа пособника от содействия совершению преступления, с учетом всех действий, перечисленных в ст. 33 УК РФ;

2) в целях конкретизации пособничества, предлагаем разграничить деяния пособника до преступления и после, и ввести уголовную ответственность за пособничество,

способствовавшее совершению преступления и пособничество после факта совершения преступления;

3) внести в норму уточнение, закрепив, что уголовно наказуемым является предоставление информации, имеющей непосредственное отношение к совершаемому преступлению;

4) криминализовать невоспрепятствование и отказ от преследования, квалифицировать данные деяния как пособничество;

5) внести изменения в ч. 4 ст. 34 УК РФ, с учетом того, что не во всех преступлениях возможно соучастие.

Рассмотренные нами пробелы не являются исчерпывающими, необходимы значительные изменения Уголовного законодательства РФ, в целях устранения внутренних законодательных противоречий.

Литература:

1. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации. Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2016.
2. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении: В 2 ч. Ч. 2. Виды соучастников и формы соучастия в преступной деятельности. Свердловск, 2015.
3. Косарева, Т. И. Пособничество совершению преступления: дисс. // Т. И. Косарева. — Рязань: АПУ МЮ. 2014.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/; (дата обращения 15.03.2017)
5. Шубина, В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологические аспекты: дисс. // В. Ю. Шубина. — Краснодар: КГУ. 2012.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 15 (149) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.04.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25